

24828

РАБОЧАЯ БИБЛИОТЕКА.

В. БАЗАРОВЪ.

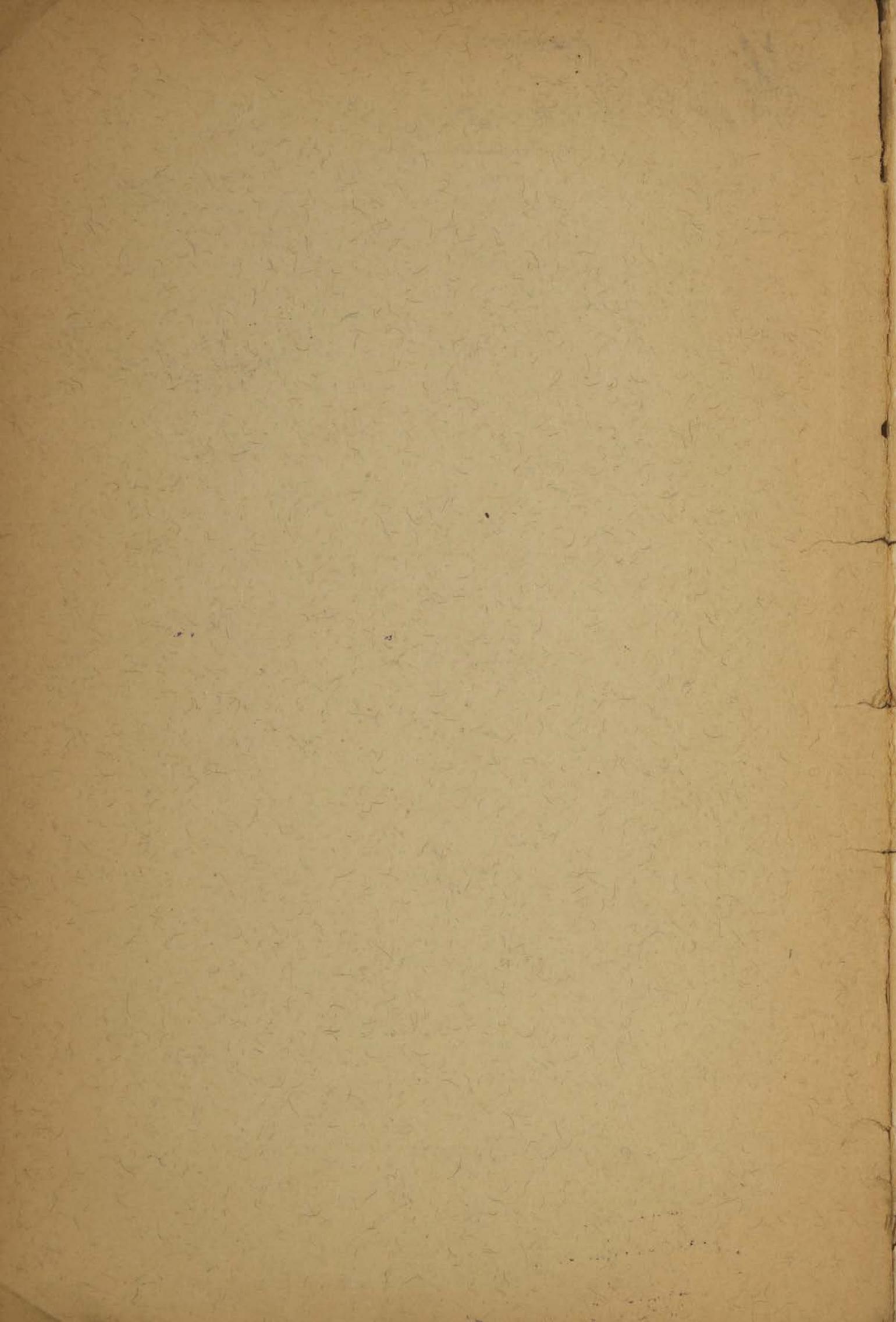
2853

АНАРХИЧЕСКИЙ
КОММУНИЗМЪ
==== И =====
МАРКСИЗМЪ.

Цѣна 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

24825

В. Базаровъ.

28531

Жархический коммунизмъ

и

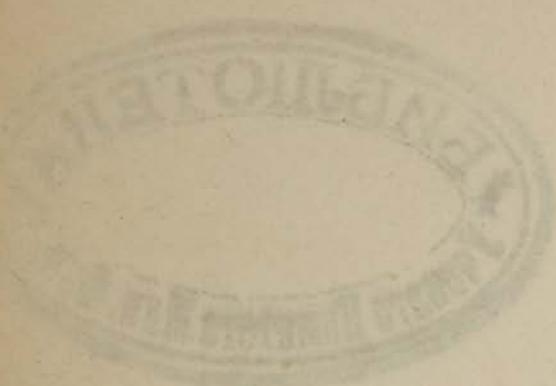
марксизмъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Т-ва «Народная Польза», Коломенская ул., соб. д., 39.
1906.

К

81130

I.

Вмѣсто предисловія.

Въ числѣ многихъ древнихъ и заслуженныхъ столповъ, поддерживающихъ зданіе нашего государственного порядка, не послѣднее мѣсто занимаетъ та статья закона, которая трактуется о «разрушительныхъ ученіяхъ коммунизма и соціализма, ведущихъ къ ниспроверженію властей и анархіи».

Что касается соціализма, то «разрушительная» сила его давно уже оказалась достаточной, для того чтобы разорвать оболочку этой официальной характеристики и выступить передъ широкой публикой въ своемъ подлинномъ видѣ.

Анархизмъ представляетъ на нашей русской почвѣ болѣе поздній продуктъ. Несмотря на то, что среди европейскихъ анархистовъ играли всегда и до сихъ поръ играютъ крупную роль русскіе эмигранты, въ самой Россіи анархизмъ до самаго послѣдняго времени почти не имѣлъ сторонниковъ. Если старое народничество 60-хъ и 70-хъ годовъ и окрашивалось слегка въ анархической цвѣтѣ, то окраска эта непрочно приставала къ движению и быстро смывалась условіями политической и общественной борьбы. Чисто анархическія тенденціи и въ то время были очень неглубоки и скоротечны. Они совершенно исчезли уже въ периодъ народовольчества и не возобновлялись въ позднѣйшія десятилѣтія,

когда гегемонія революціонной борьбы оказалась въ рукахъ соціальдемократіи.

При такихъ условіяхъ мало находилось охотниковъ перевозить черезъ границу транспорты анархистской литературы или размножать ее въ самой Россіи при помощи подпольного печатного станка. Естественно, что русскій гражданинъ зналъ объ анархизмѣ немногимъ болѣе, чѣмъ можно почерпнуть изъ упомянутой выше статьи закона и издававшихся въ стилѣ ея циркуляровъ на предметъ борьбы съ анархіей. Газетныя свѣдѣнія объ анархистскихъ покушеніяхъ за границей только укрѣпляли навѣянное официальными источниками неопределенно устрашающее впечатлѣніе. Анархистъ представлялся изступленнымъ фанатикомъ разрушенія, существомъ, жаждущимъ крови ради крови, хаоса ради хаоса.

Дѣло нѣсколько измѣнилось съ водвореніемъ у насъ «конституції». Съ одной стороны, начальство стало страдать время отъ времени припадками попустительства книгопечатанію, вслѣдствіе чего на русскій книжный рынокъ проникли произведенія Кропоткина, Э. Реклю и другихъ видныхъ анархистовъ. Съ другой стороны, неслыханное обостреніе политической и соціальной борьбы вызвало къ жизни, на ряду съ другими организаціями, партиями, союзами, образованіе анархистскихъ группъ. Правда, практическія выступленія русскихъ анархистовъ-коммунистовъ, выразившіяся въ рядѣ вооруженныхъ нападеній и грабежей, скорѣе укрѣпляли традиціонное представленіе объ анархистѣ, нежели побуждали къ его пересмотру. Тѣмъ не менѣе интересъ къ анархизму возросъ. Возникла настоятельная необходимость серьезно разобраться въ этомъ теченіи; и необходимость эта особенно настоятельна для соціальдемократовъ, которымъ ближе всего и чаще всего приходится сталкиваться съ анархистами-коммунистами на практикѣ.

Что же такое анархизмъ?

Уничтожение государства и всякихъ иныхъ формъ внѣшняго принужденія во имя безграничной свободы индивидуума—вотъ квинтъ-эссенція всѣхъ анархистскихъ программъ. Но само собою разумѣется, что за этимъ чисто отрицательнымъ девизомъ можетъ скрываться почти бесконечное разнообразіе положительныхъ требованій, запросовъ, идеаловъ. Весьма мало родственные между собой, порой даже прямо противоположные интересы могутъ вступить въ непримиримый конфликтъ съ государственной организаціей; ради далеко неодинаковыхъ цѣлей могутъ различные индивидуумы поднять знамя восстанія противъ всякой власти и требовать абсолютнаго самоопределѣнія.

И дѣйствительно, подъ анархистскимъ знаменемъ группируется очень пестрая армія.

Тутъ и представители интеллигентской богемы, которые бравируютъ своимъ равнодушіемъ къ соціальнымъ и политическимъ вопросамъ, стараются презрительно не замѣтить политического гнета, ищутъ главнымъ образомъ психологической свободы отъ всего, навязанного общественнымъ мнѣніемъ, отъ всего общепризнанного, обыденного, мечтаютъ о новыхъ формахъ мышленія и чувствованія, о новыхъ, никѣмъ еще не испытанныхъ переживаніяхъ.

Тутъ и бунтъ противъ капиталистической «собственности—кражи» со стороны мелкой *трудовой* собственности, бунтъ противъ государства, охраняющаго предпринимателей-эксплуататоровъ, со стороны предпринимателей-работниковъ, мелкихъ буржуа, стремящихся возродить золотое царство экономической справедливости въ свободныхъ союзахъ самостоятельныхъ товаропроизводителей.

Тутъ и полный христіанского смиренія анархизмъ

крестьянъ-сектантовъ, анархизмъ самодовлѣющаго «натурального» производства старой деревни, философія патріархальнаго крестьянина, застывшаго въ ужасѣ и недоумѣніи передъ антихристовымъ нашествіемъ городской цивилизациі съ ея раздѣленіемъ труда, властью денегъ, борьбой классовъ, крушеніемъ всѣхъ прадѣдовскихъ устоевъ.

Тутъ и дикій бояцкій протестъ противъ всякой вообще соціальной организаціи, злобная месть обществу со стороны бывшихъ его членовъ, «бывшихъ людей», безжалостно выкинутыхъ на «дно», за бортъ обществен-наго корабля. — И любопытно, какъ разъ въ этой группѣ анархистовъ отчаянія, злобы и мести мы на ряду съ изголодавшимися бояцками встрѣчаемъ нерѣдко самыя сливки буржуазнаго общества—изнѣженныхъ, пресыщенныхъ представителей верховъ буржуазіи: въ погонѣ за возбуждающими средствами они не могутъ найти ничего болѣе острого и пикантнаго, чѣмъ эта атмосфера слѣпой ярости, непримиримой клокочущей ненависти ко всему, на чемъ зиждится ихъ собственное существованіе.

Уже изъ этихъ немногихъ примѣровъ, далеко не исчерпывающихъ всѣхъ оттѣнковъ анархизма, ясно, насколько разнообразны охватываемые имъ элементы. Для анархиста интеллигентскаго типа непосредственный гнетъ государственной организаціи представляетъ сравнительно мало замѣтное зло,—главное вниманіе здѣсь направлено на устраненіе косвеннаго, психологического результата этого гнета, на борьбу съ тѣмъ «внутреннимъ жандармомъ», котораго, по извѣстному нѣмецкому выраженію, «каждый носить въ своей груди». Наоборотъ, для анархизма ремесленнаго или крестьянскаго именно внѣшняя сила капиталистического государства есть главный врагъ; а внутренній жандармъ, стоящій на стражѣ вѣкамъ завѣщанныхъ устоевъ нравственности и религіи, какъ разъ

и представляется той святыней, во имя которой ведется борьба съ государственной властью безбожныхъ слугъ антихристовыхъ.

Но не только въ области общихъ мотивовъ анархического настроенія, но и въ самой конструкції безгосударственного общежитія возможны крупныя вариаціи. Какъ ни противоположны между собою по своимъ взглядамъ интеллигентъ - эстетъ и крестьянинъ - сектантъ, въ ихъ соціальному міровоззрѣніи есть все же нѣкоторое формальное сходство. И тотъ и другой чужды интересамъ господствующихъ классовъ; поэтому и у того и у другого идея индивидуальной свободы дополняется идеей равноправія индивидуумовъ, право на самоопределение признается за всѣми безъ различія человѣческими существами.

Бываютъ однако случаи, когда анархическая тенденція окрашиваетъ собой міросозерцаніе самой господствующей группы. Такъ напримѣръ, классическое воззрѣніе буржуазіи на государство, какъ на «городового», призванного стоять на стражѣ интересовъ собственности, дѣлало попытки совершить еще одинъ шагъ и отнять у государства даже эту охранительную роль, отнюдь не устраниая, конечно, классового господства буржуазіи. Наиболѣе известная попытка въ этомъ родѣ принадлежитъ Спенсеру, который предвидитъ постепенное вытѣсненіе «военного типа» (т. е. государства) «индустріальнымъ типомъ» (т. е. непосредственно и исключительно экономическимъ господствомъ автономныхъ организаторовъ производства). Правда, антигосударственные тенденціи никогда не охватывали буржуазію сколько-нибудь широко, и въ настоящее время эпоху столь эксцентричныхъ увлеченій юности можно считать окончательно пройденной для капиталистического класса. Тѣмъ не менѣе этотъ своеобразный бунтъ буржуазнаго міровоз-

зрѣнія противъ охраняющаго буржуазный міръ гусударства имѣеть свои объективныя основанія, а отнюдь не является простымъ курьезомъ. Съ другой стороны, въ философіи Ницше нашелъ себѣ воплощеніе аристократической анархизмъ; попытка реставрировать феодально-іерархической духъ—«паюсь разстоянія»—прихотливо сочеталась здѣсь съ самой безудержной ненавистью ко всяkimъ освященнымъ исторіей нормамъ, гранямъ и ограниченіямъ.

Въ задачу настоящей работы не входитъ анализъ анархизма во всѣхъ его оттѣнкахъ и развѣтвленіяхъ.

Въ какомъ отношеніи стоитъ анархизмъ къ международному пролетарскому соціализму?—вотъ вопросъ, который настѣнъ здѣсь интересуетъ. Само собою понятно, что при этомъ особенное значеніе приобрѣтаетъ теорія и практика тѣхъ анархистовъ, которые стремятся связать свою дѣятельность съ освободительной борьбой пролетаріата. Анархическая теченія, открыто враждебныя пролетарскому движению или совершенно чуждыя ему, мы оставимъ поэтому въ сторонѣ. Мы не будемъ также останавливаться на исторіи развитія анархизма и перейдемъ прямо къ его современнымъ воззрѣніямъ.

II.

Доктрина анархистовъ-коммунистовъ.

Среди современныхъ анархистовъ, пытающихся опираться въ борьбѣ за свои идеалы на пролетарское движение, особенно видную роль играютъ такъ называемые «анархисты-коммунисты». Для характеристики ихъ взглядовъ мы воспользуемся работами Кропоткина, Э. Реклю, Черкезова и другихъ писателей, объединившихся подъ общимъ девизомъ «Хлѣбъ и Воля».

Идеаль анархистовъ-коммунистовъ, какъ видно уже изъ самаго ихъ названія, *безгосударственный соціализмъ*. Вмѣстѣ съ государствомъ отпадаютъ и всѣ иныя формы внѣшняго принужденія, т. е. не только писанные законы, поддерживающіе свое господство при помощи судовъ, тюремъ и висѣлицъ, но и неписанная «авторитарная» мораль, деспотизмъ освященныхъ преданіемъ и религіей нравственныхъ нормъ, которыя подъ страхомъ отлученія навязываются индивидууму общественнымъ мнѣніемъ. Анархисты работаютъ, по словамъ Элизе Реклю¹⁾, «для рожденія такого общественного строя, въ которомъ не будетъ больше никакихъ начальниковъ, не будетъ официальныхъ блюстителей нравственности, не будетъ ни тюремщиковъ, ни палачей, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, а только люди, равные между собой въ правахъ,—братья, имѣющіе каждый свою ежедневную долю хлѣба наступнаго и живущіе въ любви и согласіи не въ силу пресловутаго повиновенія законамъ, сопровождаемаго страшными наказаніями для послушниковъ, а въ силу всеобщаго уваженія интересовъ другихъ, въ силу научнаго слѣдованія законамъ природы». Этотъ свободный, или, какъ выражаются анархисты, «либертэрный» характеръ будущаго общежитія принято считать исключительной принадлежностью анархистской программы. Либертэрному соціализму противополагается соціализмъ «авторитарный», или государственный, который защищають якобы всѣ остальные соціалистическія направленія и въ первую голову соціальдемократія.

«Наши стремленія двоякаго рода», читаемъ мы въ первой статьѣ сборника «Хлѣбъ и Воля»²⁾, «мы стремимся къ уничтоженію частной собственности и къ пе-

¹⁾ Э. Реклю. Анархія, стр. 3.

²⁾ Стр. 6—7.

редачъ всего необходимаго для производства (земли, орудій труда и всѣхъ богатствъ, накопленныхъ человѣчествомъ) въ руки самого народа; въ этомъ мы сходимся съ другими социалистами. Но въ то же время мы стремимся къ уничтоженію государства и въ этомъ мы съ ними расходимся..... Уничтоженіе частной собственности намъ обеспечить экономическое благосостояніе, уничтоженіе государства—свободу личности. Вотъ почему мы говоримъ: «хлѣбъ и воля».

Итакъ, по увѣреніямъ самихъ анархистовъ-коммунистовъ различная оцѣнка государства составляетъ корень разногласія между ними и соціальдемократіей. Анархисты-коммунисты непримиримые враги всякой власти человѣка надъ человѣкомъ, тогда какъ соціальдемократы мечтаютъ о «государствѣ будущаго», хотятъ создать централизованную организацію общественного производства, подчиненную единой руководящей власти. Въ произведеніяхъ анархистовъ-коммунистовъ не мало теплыхъ словъ расходящихся по адресу этихъ «якобинцевъ», ведущихъ пролетариатъ не къ полному освобожденію отъ всякаго рабства, а къ новой системѣ рабства, къ «государственному капитализму». Въ широкой публикѣ также очень распространены взгляды, что именно государственный характеръ соціальдемократического соціализма рѣзче всего раздѣляетъ его отъ соціализма анархистовъ.

Мы считаемъ поэтому необходимымъ уже съ самаго начала подчеркнуть, что въ основѣ этого взгляда лежитъ чистѣйшее недоразумѣніе.

Никакихъ симпатій къ «государству» соціальдемократы никогда не выражали. Впрочемъ, о своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ представители этой партіи распространяются, какъ известно, не особенно много, быть можетъ даже меньше, чѣмъ бы слѣдовало. Гораздо больше интересуютъ ихъ тѣ массовыя историческія движенія, тѣ

реальная общественные силы, которые направляют ходъ исторіи независимо отъ воли и настроенія отдельныхъ группъ идеологовъ. Но и съ этой объективной точки зрењі положеніе государства отнюдь не представляется соціальдемократамъ особенно блестящимъ и незыблемымъ.

По господствующему въ буржуазныхъ кругахъ воззрѣнію, государство есть «прежде всего» организація порядка. А такъ какъ всякое общественное устройство предполагаетъ какой-нибудь порядокъ, то государственная власть съ развитіемъ общества можетъ менять лишь свою форму, приспособляясь къ новымъ общественнымъ потребностямъ, но никогда не можетъ исчезнуть совершенно. „Пока существуетъ общество, существуетъ и регулирующее его направленія государство“. По соціальдемократической теоріи государство есть „прежде всего“ организація классового господства. Для поддержанія общественного порядка необходима власть лишь постольку, поскольку этотъ общественный порядокъ есть упорядоченное господство надъ обществомъ определеннаго класса. Разъ исчезаютъ классовыя противорѣчія, разъ производство перестаетъ быть организаціей эксплуататоровъ для порабощенія эксплуатируемыхъ и станутся союзомъ равноправныхъ производителей для планомѣрной борьбы съ природой, то всякая власть дѣлается излишней. Государство ненужно и невозможно въ соціалистическомъ обществѣ, оно неизбѣжно отмiraетъ вмѣстъ съ прекращеніемъ классовой борьбы.

Такимъ образомъ, соціальдемократы менѣе всего являются „государственниками“; идея „государственного соціализма“ противорѣчитъ основнымъ положеніямъ марксистской теоріи. И если въ соціальдемократической литературѣ встречается иногда слово Zukunftstaat — „государство будущаго“, —то это свидѣтельствуетъ только о недостаточно критическомъ употребленіи терминовъ. За-

мѣтимъ впрочемъ, что основатели соціальдемократического ученія—Энгельсъ и Марксъ—никогда, насколько мы помнимъ, не говорили о государствѣ будущаго, но зато очень часто и недвусмысленно формулировали свой взглядъ на государство, какъ на организацію, специфически свойственную классовому обществу.

Чѣмъ же объяснить тогда нападки анархистовъ на мнимыя „государственные вожделѣнія“ якобинцевъ-соціальдемократовъ? Что это? Незнакомство съ учениемъ соціальдемократіи, или умышленное искаженіе его, демагогический пріемъ, имѣющій цѣлью дискредитировать сильного противника въ глазахъ недостаточно просвѣщенныхъ рабочихъ?

Въ отдельныхъ—и довольно таки частыхъ—случаяхъ бываетъ, конечно, и то и другое. Но въ общемъ и цѣломъ мы несомнѣнно имѣемъ здѣсь передъ собою совершенно искреннее недоумѣніе, органическую неспособность уяснить себѣ ту связь, которая соединяетъ „безгосударственность“ соціальдемократовъ со всѣми остальными положеніями ихъ теоріи и практики. Такъ напр., г. Черкезовъ¹⁾ съ величайшимъ негодованіемъ на двуличность Энгельса цитируетъ слѣдующія слова послѣдняго: „Общественные классы исчезнутъ, и съ ними вмѣстѣ рушится государство. Когда общество создастъ производство на началахъ свободной ассоціаціи равноправныхъ производителей, тогда всю государственную машину сдадутъ въ музей древностей, вмѣстѣ съ прядкой и бронзовымъ топоромъ“. Авторъ совершенно не въ состояніи согласовать эти слова со всей остальной дѣятельностью Энгельса. Вѣдь тотъ же самый Энгельсъ составилъ вмѣстѣ съ Мар-

1) «Доктрина марксизма», выпускъ второй. Стр. 10 и слѣд. Къ сожалѣнію, впрочемъ, этотъ писатель менѣе всего обнаруживаетъ склонности беспристрастно разбираться въ мнѣніяхъ противниковъ.

сомъ «Коммунистической манифестъ», гдѣ государству предъявляется цѣлый рядъ соціальныхъ требованій, гдѣ говорится о политической диктатурѣ пролетаріата. «Какимъ образомъ», негодующе восклицаетъ г. Черкезовъ, «авторы манифеста могли требовать усиленія государства, государственного производства, государственной монополіи, созданія государственной арміи труда, если они пришли къ выводу, что государство должно исчезнуть, что прогрессъ ведеть къ этому, и что всякий другъ прогресса, равенства и соціализма долженъ содѣйствовать ускоренію разрушенія государства, а не его усиленію иувѣковѣчиванію?» И г. Черкезовъ видѣтъ въ словахъ Энгельса лишь увертку, совершенно *нелогичную* уступку анархизму, —уступку, вызванную якобы тѣмъ обстоятельствомъ, что «всѣ (!) революціонеры оставляютъ знамя государственного соціализма и примыкаютъ къ анархистамъ».

И въ самомъ дѣлѣ, какая тутъ «логика»? Участвовать въ парламентской борьбѣ, въ работѣ государственной машины,—и въ то же время стремиться къ тому, чтобы машина эта была «сдана въ музей»!?!—Создавать централизованныя организаціи рабочихъ, проводить въ этихъ организаціяхъ строжайшую дисциплину, подчиненіе большинству и центральной власти правленія,—и въ то же время ставить уничтоженіе всякой власти своей конечной цѣлью! Очевидно тутъ что-то нечисто, тутъ есть какой-то подвохъ! Такъ разсуждаетъ анархистъ, такъ разсуждаютъ и большинство обывателей. То, что съ соціальдемократической точки зрењія совершенно послѣдовательно вытекаетъ изъ основныхъ посылокъ, для анархиста и средняго обывателя представляется вопіющимъ противорѣчіемъ. Очевидно, дѣло здѣсь не въ содержаніи самого идеала, а прежде всего въ методахъ, въ типахъ осуществленія конечной цѣли. Передъ нами двѣ различ-

ная партійна логіки, зависяція отъ различнаго пониманія соціального развитія и соціальной борьбы.

Уже съ первого взгляда бросается въ глаза неодинаковое отношение анархистовъ и соціальдемократовъ къ соціальному процессу. Анархисты чрезвычайно любятъ указывать на древнее происхожденіе анархизма. «Во всѣ времена», пишетъ Э. Реклю, «существовали свободные люди, презиравшіе законы, не признавшіе никакой власти надъ собой, и жившіе на основаніи права своего существованія и по велѣніямъ своего разсудка»¹⁾. Точно также, по Кропоткину, борьба между государственностью и анархизмомъ красною нитью проходитъ черезъ всю человѣческую исторію²⁾.—Соціальдемократы, наоборотъ, съ особеннымъ ударениемъ подчеркиваютъ, что современный соціализмъ является новымъ движениемъ, что возникновеніемъ своимъ онъ обязанъ специфическимъ особенностямъ новѣйшаго капиталистического развитія.

Уже это очень характерно. Анархисты — эти заклятые враги всякихъ традицій — считаютъ, подобно религіознымъ сектамъ, древность своего ученія аргументомъ въ его пользу. Если анархизмъ старъ, какъ само человѣчество, то, очевидно, онъ не есть что-либо случайное, навѣянное даннымъ стеченiemъ обстоятельствъ, очевидно, анархическая стремленія глубоко заложены въ человѣческой природѣ, неразрывно связаны съ самой сущностью человѣка. Таковъ смыслъ этого обращенія къ древности. — Соціальдемократа очень мало прельщаетъ

¹⁾ «Анархія», стр. 3.

²⁾ Ср. также Жана Грава: «Быть свободнымъ отъ всякаго принужденія, отъ всякаго стѣсненія — есть ли это въ самомъ дѣлѣ идеалъ человѣка, и не съ этой ли цѣлью производились всѣ революціи?» («Умирающее общество и анархія» стр. 10).

перспектива провозгласить социализмъ вѣчнымъ стремлениемъ человѣческой природы. Мало того, если даже обнаруживается древность теченій, родственныхъ современному социализму, социальдемократъ прежде всего старается показать, что, несмотря на вѣшнее сходство, старая движенія имѣли иной источникъ, иные задачи или, по крайней мѣрѣ, встрѣчали совершенно иную среду. Социальдемократъ не находитъ ни малѣйшаго утѣшенія въ томъ, что человѣчество вѣчно стремилось къ социализму, разъ въ силу какихъ-то — быть можетъ, тоже вѣчныхъ и неустранимыхъ препятствій — стремленіе это никогда не было осуществлено. Такіе аргументы, какъ „вѣчность“, сообразность человѣческой природѣ и т. п. не дурны, когда дѣло идетъ о метафизическомъ, этическомъ или религіозномъ *оправданіи* идеи, — для партійной программы нужно, по мнѣнію социальдемократовъ, иное; нужно найти опору не въ вѣчности, а въ данное время и въ данномъ мѣстѣ; нужно имѣть въ окружающей соціальной средѣ такія силы, которыя способны реализовать идеалъ, превратить его изъ благочестиваго вѣрованья въ практическое дѣло.

Но посмотримъ, каковы же итоги этой вѣчной борьбы человѣчества за анархію.

„Во всѣ времена въ человѣческихъ обществахъ боролись два теченія. Съ одной стороны, народныя массы вырабатывали, въ видѣ обычая, рядъ учрежденій, необходимыхъ для того, чтобы общественная жизнь была возможна, — чтобы обеспечить миръ въ своей средѣ, улаживать возникающіе раздоры и помогать другъ другу во всемъ томъ, что требуетъ соединенныхъ усилий. Родовой быть у дикарей, сельская община и мірской судъ, охотничья и позднѣе промышленная артель, вольные города республики вѣчного строя, возникшіе среди нихъ зачатки международнаго права и многія другія учрежде-

нія были выработаны не законодателями, а самимъ народнымъ творчествомъ.

«И во всѣ времена появлялись также среди людей волхвы, шаманы, прорицатели, жрецы и начальники военныхъ дружинъ, стремящіеся установить и упрочить свою власть надъ народомъ. Они сплачивались между собою, вступали въ союзъ и поддерживали другъ друга, чтобы начальствовать надъ людьми, держать ихъ въ повиновеніи, управлять ими—и заставлять ихъ работать на себя.

«Анархизмъ является, очевидно, представителемъ перваго теченія, — то-есть творческой, созидательной силы самаго народа, стремившагося выработать учрежденія обычного права, которыя уберегли бы его отъ желающаго властствовать меньшинства. Силою же народнаго творчества и народной созидательной дѣятельности, опирающейся на современное знаніе и технику, анархизмъ стремится и теперь выработать учрежденія, которыя обезпечили бы свободное развитіе общества. Въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, анархисты и государственники существовали во всѣ времена исторіи»¹⁾.

Итакъ, хотя анархизмъ всегда являлся выражениемъ „творческой, созидательной силы“ большинства народа, стремившагося „уберечься отъ желающаго властствовать меньшинства“, тѣмъ не менѣе это меньшинство—волхвы, жрецы, начальники—при всякомъ общественномъ переустройствѣ, во время всѣхъ революцій, неизмѣнно захватывали и упрочивали за собой власть, а большинство неизмѣнно подчинялось этой, по выражению Кропоткина, «насѣвшей на наго» власти. Авторъ не устаетъ подчеркивать этотъ двойственный характеръ соціального развитія. Всѣ общественные организаціи, — будуть ли это

¹⁾ Современная наука и анархизмъ. П. Кропоткинъ. стр. 3—4.

сельскія общины, цехи, гильдіи или даже средневѣковые республиканскіе города, — представляютъ естественный продуктъ народнаго творчества; всѣ они могли бы, сохранивъ свой общій типъ, существовать безъ всякой принудительной власти, опираясь лишь на свободное соглашеніе индивидуумовъ. Исключеніе дѣлается Кропоткинымъ лишь для современаго централизованнаго, основаннаго на широкомъ раздѣленіи труда, производства. Эта централизація несовмѣстима, по мнѣнію Кропоткина, съ либертѣрнымъ строемъ, и именно поэтому она не есть естественное созданіе народа, она искусственно сооружена капиталистами и подлежитъ разрушенню на другой же день соціальной революціи. Но и до капитализма группы насильниковъ всегда ухитрялись къ естественно сложившимся народнымъ союзамъ прильпить власть, сковать общежитіе принудительными законами, позволяющими эксплуатировать народъ въ интересахъ властующей шайки. Такъ напр., Галлы, Лангобарды, Аллеманы, Саксы и наши предки временъ Ярослава выработали «прекрасный обычай платить виру за членовредительство и убийство, вместо того чтобы практиковать законъ возмездія». Законы того времени фиксировали этотъ обычай, но тутъ же они «узаконили иувѣковѣчили едва намѣчавшееся тогда дѣленіе вольныхъ людей на классы», и узаконили его такъ основательно, «что до сихъ поръ, тысячу лѣтъ спустя, мы еще отъ него не освободились».

«И такъ оно шло, черезъ все законодательство всѣхъ вѣковъ, причемъ насилие предыдущей эпохи переходило, черезъ законъ, въ новое общество, создававшееся на развалинахъ старого: насилие Персидскаго царства переходило въ Грецію, насилие Македонскаго царства — въ Римъ; насилие и жестокость Римской имперіи — въ средне-

вѣковыя, только-что возникавшія средне-европейскія госуда́рства»¹).

«Всѣ законы, писавшиеся во всѣ вѣка, вплоть до нашего времени, слагались изъ тѣхъ же двухъ элемен-тovъ: одинъ закрѣплялъ (и заковывалъ) формы жизни, всѣми признанныя полезными; другой же былъ приставка — иногда даже только формулировка хитраго свойства, имѣвшая цѣлью насадить и укрѣпить нарождавшуюся власть боярина, воина, князя и священника — усилить и освятить ее»²).

Въ чемъ же сила этихъ удивительныхъ заговорщиковъ, умудрившихся на цѣлыхъ тысячелѣтія заковать человѣчество въ цѣпи принудительныхъ законовъ, и притомъ не только юридическихъ, но и моральныхъ? (ибо и нравственные законы они, по мнѣнію Кропоткина, при помоши «ловкой передержки», отожествили съ своими писанными законами). Вѣдь физически кучка насильниковъ никоимъ образомъ не могла бы противостоять натиску всего народа. Быть можетъ положительные услуги, оказываемыя обществу государственной и всякой иной властью, настолько значительны, настолько необходимы для существованія общества, что народъ, скрѣпя сердце, мирится съ эксплуатаціей и рабствомъ за неимѣніемъ другого исхода?

Нѣтъ; и это не такъ. «Научное изученіе развитія человѣческихъ обществъ и учрежденій приводить къ совершенно другому выводу. Оно показываетъ, что обычай, установившиеся для взаимной поддержки и защиты и для охраны мира,— обычай, которые и дали возможность человѣчеству выжить въ борьбѣ за существование среди очень тяжелыхъ природныхъ условій, — вырабатывались

¹⁾ Совр. наука и анархизмъ, стр. 25.

²⁾ Тамъ-же, стр. 25—26.

именно безыменною «толпой». Оно убѣждаетъ нась, что такъ называемые *руководители человѣчества* *ничею не внесли въ исторію*, что не было бы раньше выработано обычнымъ правомъ; и что они всегда стремились къ одному — либо разрушить эти правовые учрежденія, либо поработить ихъ себѣ на пользу»¹).

Остается только допустить, что «руководители» взяли хитростью. Пользуясь темнотою и довѣрчивостью народной массы, они сумѣли убѣдить народъ, что власть не случайный, вѣшній привѣсокъ къ естественно развившимся общественнымъ организаціямъ, а самая душа и сущность послѣднихъ; они сумѣли приписать себѣ плоды народного творчества, которые они только регистрировали въ своихъ законахъ; они создали и привили народу религію и мораль, освящающія власть и беспрекословное подчиненіе власти.

«Вѣдь если люди все еще терпятъ надъ собой гнетъ эксплуататоровъ», пишетъ Жанъ Гравъ, «если человѣческій умъ до сихъ поръ томится въ тискахъ понятій капиталистического общества, то это потому, что общепринятые взгляды, рутина, предразсудки и невѣжество брали всегда верхъ надъ мечтами о свободѣ и стремленіемъ къ независимости»²).

Но разъ государство держится только невѣжествомъ массы, искусственно привитыми ей предразсудками, то, очевидно, достаточно разсѣять невѣжество, разрушить предразсудки, достаточно просвѣтить массу относительно истинной природы государства — и царство насильниковъ окончится навсегда.

Мы подошли здѣсь къ той оси, вокругъ которой вращается вся анархистская теорія, и которая опредѣ-

¹⁾ Совр. наука и анархизмъ, стр. 24.

²⁾ Умирающее общество и анархія, стр. 10.

ляетъ положеніе этой теоріи въ ряду другихъ соціально-политическихъ направлений.

Уже не разъ указывалось¹⁾ на близкое родство анархизма съ ученіемъ французскихъ просвѣтителей второй половины XVIII вѣка и утопическимъ соціализмомъ начала XIX столѣтія. Сходство дѣйствительно бросается въ глаза. И просвѣтители предреволюціонной Франціи и утопические соціалисты приписывали всѣ настроенія окружающаго ихъ общества *невѣжеству* народной массы, возлагали всѣ надежды на *познаніе* истинной природы человѣка и общества.

Міровоззрѣніе, на которомъ базирують эти взгляды, носить название «раціонализма». Раціонализмъ, какъ общественная философія, тѣсно связанъ съ успѣхами точныхъ наукъ, и именно эта связь даетъ удобную путеводную нить, для того чтобы сразу подойти къ его характернымъ особенностямъ. Раціонализмъ подводить всю общественную жизнь подъ тотъ типъ отношеній, который складывается между людьми въ процессѣ ихъ познавательной дѣятельности и притомъ въ области точныхъ, т. е. математическихъ и естественно-историческихъ наукъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ пало могущество феодальной церкви, превращавшей всякую науку въ орудіе своихъ интересовъ, наука о природѣ стала *свободной*, а потому и *«точной»*. Соціальная противорѣчія нового общества непосредственно не отражались въ области естествознанія; что же касается государства, то для абсолютизма, боровшагося съ феодальнымъ укладомъ, было даже выгодно надѣвать на себя маску просвѣщенного свободомыслія. Абсолютизмъ убивалъ такимъ образомъ сразу двухъ зай-

¹⁾ См., напр., Плеханова: *Анархизмъ и соціализмъ*, а также первыя главы извѣстной работы Зомбарты: *Соціализмъ и соціальное движение*.

цевъ: подрывалъ независимый отъ него авторитетъ церкви и возвышалъ свой собственный авторитетъ въ глазахъ всѣхъ друзей независимой мысли. Вотъ почему умные деспоты XVII-го и особенно XVIII-го столѣтія были въ то же время деспотами «просвѣщенными», покровителями свободного изслѣдованія,—разумѣется, лишь внѣшней природы. На общественные и государственные науки свободомысліе ихъ распространялось съ очень внушительными оговорками.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ выработался мало-по-малу особый «научный интересъ», совершенно независимый отъ какихъ-либо внѣшнихъ директивъ и одинаково направленный у всѣхъ людей, занимающихся изслѣдованіями внѣшней природы. Каково содержаніе этого интереса, мы здѣсь разбирать не будемъ, — это слишкомъ далеко отвлекло бы насъ отъ нашей темы.

Достаточно указать просто, что у каждого онъ имѣется налицо. Человѣку не приходится разыскивать истинное направленіе научнаго интереса, онъ непосредственно *находитъ* его въ себѣ, какъ нѣчто данное, и притомъ легко убѣждается, что и всѣмъ другимъ людямъ, какое бы общественное положеніе они ни занимали, присуще то же самое «направленіе», тѣ же самые запросы.

Споръ можетъ возникнуть лишь изъ-за того, какая изъ наличныхъ научныхъ теорій лучше удовлетворяетъ общую для всѣхъ изслѣдователей научную потребность. Такой споръ всегда разрѣшается въ концѣ концовъ чисто логическимъ путемъ, доводами «разума». Источникомъ упорнаго разногласія здѣсь всегда является невѣжество. Очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что я могу лишь въ томъ случаѣ отвергать теорію, способную наиболѣе удовлетворить мой собственный научный интересъ, если я съ нею плохо знакомъ; и достаточно *просвѣтить* меня, достаточно логически доказать мнѣ, что данная теорія пре-

восходитъ всѣ другія, чтобы я вынужденъ былъ признать ее.

Совершенно съ тѣми же приемами приступаетъ раціоналистъ къ общественной жизни. У него есть известные соціальные интересы, есть известный соціальный идеалъ, какъ наилучшее средство ихъ удовлетворенія. Соціальные интересы онъ находитъ въ себѣ непосредственно, они для него такъ же очевидны, такъ же естественны, какъ и тотъ научный интересъ, который руководилъ имъ въ познавательной дѣятельности. Какъ тамъ, такъ и здѣсь онъ не спрашиваетъ себя о происхожденіи даннаго интереса, онъ просто предполагаетъ его, какъ нечто само собою разумѣющеся, въ одинаковой мѣрѣ свойственное всякому «нормальному» человѣку. Если же нормальные люди не хотятъ признать его идеала, то, очевидно, только потому, что не понимаютъ его, не видятъ его соответствія съ естественными запросами человѣческой природы; ихъ можно убѣдить логическими аргументами и только логическими аргументами.

Отсюда всѣ характерныя противорѣчія раціонализма. Являясь материалистическимъ или позитивнымъ въ точной науцѣ, онъ выступаетъ ярымъ идеалистомъ въ общественной жизни: превращенія матеріи вънѣшней природы онъ кладетъ въ основу своего изслѣдованія, тогда какъ матерія соціальной жизни—соціальные силы, создающія «интересы»—ускользаютъ изъ поля его зреянія, и на аренѣ исторіи остаются только «идеи», подгоняющія общественный строй къ заранѣе опредѣленному, самой природой продиктованному содержанію. Рекомендуя себя, какъ примѣненіе точной науки къ общественной жизни, раціонализмъ въ дѣйствительности дѣлаетъ невозможной всякую общественную науку: исторія человѣчества до открытія истинныхъ началъ обще-

житія превращается въ безсмысленный хаосъ «ошибокъ», — послѣ открытія, послѣ всеобщаго ознакомленія съ нимъ, истина осуществляется, — и исторія прекращаетъ теченіе свое.

Въ какія же эпохи раціонализмъ имѣть наибольшіе шансы на успѣхъ? Очевидно тогда, когда противорѣчія соціальныхъ интересовъ болѣе или менѣе сглаживаются или, по крайней мѣрѣ, затушевываются какими-либо общими для всего соціального цѣлага запросами. Такъ это было, напримѣръ, во Франціи конца XVIII вѣка, гдѣ отрицательное требованіе уничтоженія абсолютизма диктовалось жизненными интересами всѣхъ классовъ буржуазнаго общества, а тѣ положительныя задачи, которыя должны были расколоть это общество послѣ побѣды, еще не опредѣлились съ достаточной ясностью. Не удивительно, что именно въ предреволюціонной Франціи особенно пышнымъ цвѣтомъ распустилась раціоналистическая общественная философія.

Но торжество классовыхъ противорѣчій буржуазнаго міра надъ «естественной» гармоніей свободы, равенства и братства не убило раціоналистического духа. Послѣдній мощно возродился въ учениіи такъ называемыхъ «утопическихъ» соціалистовъ, которые поставили своей задачей исправить «ошибки» французской революціи. Оставаясь вѣрными завѣтамъ просвѣтителей XVIII вѣка, они объясняютъ неудачу революціи тѣмъ, что дѣятели ея были недостаточно свѣдущи, не сумѣли найти тотъ общественный порядокъ, который дѣйствительно удовлетворялъ бы естественнымъ требованіямъ человѣческой природы.

Первая и важнѣйшая задача соціального реформатора состоить съ этой точки зренія въ томъ, чтобы детально и основательно разработать планъ идеального обще�итія. Разъ такой планъ выработанъ, вся дальний-

шая работа сводится къ его распространенію путемъ пропаганды словомъ и практическими опытами. Въ этомъ и видѣли свое назначеніе соціалисты-утописты. Робертъ Овэнъ, напримѣръ, усиленно предостерегалъ рабочихъ отъ участія въ текущей политической борьбѣ. Въ самомъ дѣлѣ: къ чему впутываться въ эти дрязги, въ эти мелочные происки политиковъ, когда предстоитъ полное переустройство общества сверху до низу. Если овэновскіе рабочіе союзы и вели экономическую борьбу съ фабрикантами, то это отнюдь не было главной задачей ихъ основателей. Экономическая борьба допускалась лишь, какъ неизбѣжное зло; главной миссіей союзовъ было соціалистическое просвѣтительство: они должны были нести въ міръ евангеліе обновленія. На свою колонію въ Нью-Лэнаркѣ и другія подобныя предприятия Овэнъ смотрѣлъ прежде всего, какъ на пропаганду дѣломъ. Онъ вовсе не думалъ, что производительныя товарищества, усиливаясь и разростаясь, вытѣснятъ капиталистическія фабрики, заставлять капитулировать передъ собой старую организацію производства. Не какъ орудія въ непосредственной борьбѣ цѣнилъ онъ ихъ, а какъ увлекательные, чарующіе образчики будущаго строя, способные заразить капиталистической міръ подражаніемъ. Съ пропагандой Овэнъ—и въ этомъ отношеніи онъ не отличался отъ Фурье и другихъ утопистовъ—обращался ко всѣмъ и каждому, къ богачамъ и бѣднякамъ, къ предпринимателямъ и рабочимъ, подавалъ даже докладную записку представителямъ европейскихъ державъ, сѣхавшимся на дипломатическій конгрессъ.

Міросозерданіе великихъ утопистовъ не могло, конечно, сохраниться до нашего времени во всей своей чистотѣ. Безжалостнымъ потокомъ исторіи многое смыто и безвозвратно унесено въ этомъ стильтномъ и стройномъ сооруженіи. Современные анархисты уже не обра-

щаются съ проповѣдью къ капиталистамъ и правительсткамъ,—они уже знаютъ, что никакие соблазны грядущаго царства всеобщей гармоніи не заставятъ властъ имущихъ добровольно выпустить изъ рукъ орудія эксплуатациі и угнетенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ умерла вѣра въ єдиную человѣческую природу, какъ незыблемую опору соціалистической идеи и гарантію ея торжества въ мірѣ.

Кропоткину исторія представляется, какъ мы видѣли, въ видѣ непрерывной борьбы двухъ діаметрально противоположныхъ человѣческихъ природъ: природы насильниковъ и природы истинныхъ представителей подлиннаго народа. Первая воплощаетъ въ себѣ злое начало соціальной жизни, вторая—добroe начало. Анархизмъ, подобно большинству религіозныхъ ученій, признаетъ злое начало «насквозь ничтожнымъ»: зло внутреннее безсильно, абсолютно не способно къ созидательной работе,—оно лишь, какъ червь, подтачиваетъ и разрушаетъ все то, что творитъ геній добра. Доброе начало безконечно могуче и качественно и количественно: оно таитъ въ себѣ неисчерпаемый родникъ творческихъ силъ и полновластно господствуетъ въ душѣ огромнаго большинства людей. Необъяснимой загадкой представляется съ этой точки зрѣнія фактическое торжество зла въ мірѣ. Мощный гигантъ по какому-то совершенно непостижимому добродушію въ теченіе вѣковъ покорно сгибаетъ спину подъ плетью жалкаго карлика. Люди религіозные примиряются съ этимъ абсурдомъ, ссылаясь на неисповѣдимые пути Божіи и загробную жизнь, гдѣ первые будутъ послѣдними. Анархисты, лишенные и этого утѣшенія, стараются стереть противорѣчіе съ лица земли энергичнымъ натискомъ.

Вліяніе уроковъ исторіи сказалось не только въ томъ, что современные раціоналисты, вопреки своимъ предшественникамъ XVIII и начала XIX вѣка, были вынужде-

ны отказаться отъ пропаганды среди угнетателей и властителей. Измѣнился и самый характеръ пропаганды. Практика показала, что детально разработанныя картины и схемы будущаго строя далеко не имѣютъ того значенія, которое имъ склонны были приписывать первые соціалисты. Создавая небольшія замкнутыя секты фанатическихъ приверженцевъ, схемы эти очень мало вліяли на движение широкихъ народныхъ массъ. Съ другой стороны, выяснилось, что трудность разрѣшенія соціального вопроса состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы теоретически построить зданіе будущаго общества. Существование различныхъ системъ, изъ которыхъ каждая по своему, но совершенно послѣдовательно разрабатывала планъ соціалистического строя, наглядно доказывало, что логически мыслимо не одно рѣшеніе задачи, а нѣсколько. Въ абстракціи возможно, не впадая въ противорѣчія, различные производственные организаціи представить себѣ освобожденными отъ всякой эксплуатациіи и поработенія человѣка человѣкомъ.

Вѣра въ единоспасающую силу рецептовъ соціального строя угасла. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла необходимость рассматривать всѣ исторически осуществленныя формы общежитія, какъ случайные и уродливые продукты человѣческаго заблужденія. Не только въ умственныхъ построеніяхъ теоретиковъ соціалистической принципъ оказался совмѣстимымъ съ различными формами производства, но и въ самой жизни при внимательномъ разсмотрѣніи не трудно было отыскать такие союзы и организаціи, отъ которыхъ возможно «отдумать» связанныю съ ними въ исторіи эксплуатацию и власть. Отсюда отмѣченная нами у Кропоткина двойственная оценка всякой исторически данной общественной формациіи: то, что въ данномъ соціальномъ строѣ логически совмѣстимо съ идеаломъ безгосударственного соціализма,

оказывается творческимъ продуктомъ народной массы, естественнымъ, закономѣрнымъ проявлениемъ неиспорченной природы человѣка,—все, противорѣчащее идеалу анархического коммунизма, есть уродливое наслоненіе, искусственно привитое обществу извращенной природой насильниковъ.

Любопытно, что по Кропоткину даже *формы* властовданія не вполнѣ произвольны и случайны:

«Мы утверждаемъ и стараемся доказать, что всякой новой экономической формѣ общежитія надлежить выработать свою новую форму политическихъ отношеній. Такъ было въ исторіи, и такъ будетъ, несомнѣнно, въ будущемъ: новые формы уже намѣчаются.

«Крѣпостное право и самодержавіе, или, по крайней мѣрѣ, почти неограниченная власть короля или царя, шли въ исторіи рука объ руку. Онѣ обусловливали другъ друга. Точно также правленіе капиталистовъ выработало свой характерный политический строй—представительное правленіе въ строго-централизованной, объединенной монархіи или республикѣ.

«Соціализму, въ какой бы формѣ онъ не проявился и въ какой бы мѣрѣ онъ не подошелъ къ коммунизму, предстоитъ также выработать свою форму политическихъ отношеній»¹⁾

Казалось бы, при такой точкѣ зрењія, уже нельзя говорить о власти, какъ о силѣ, посторонней обществу, „насѣвшей” на него извнѣ. Вѣдь если каждая данная форма властовданія опредѣляется экономической структурой общества, то, очевидно, и самый фактъ власти долженъ разсматриваться, какъ необходимый продуктъ известного хозяйственного строя. Кропоткинъ однако какъ нельзя болѣе далекъ отъ такого взгляда. Для него

¹⁾ Совр. наука и анархизмъ, стр. 39.

историческая обусловленность государственной власти заключается просто въ томъ, что при недостаточномъ общемъ развитіи, при отсутствіи яснаго представлениі о способахъ осуществленія анархического строя народъ неизбѣжно долженъ быть стать жертвой коварного заговора насильниковъ; насильники же, въ свою очередь, лишенные всякой творческой силы, вынуждены были приспособлять формы своего господства къ учрежденіямъ, созданнымъ народными массами.

Такимъ образомъ, закономѣрность формъ эксплуатациі и власти служить не къ возвеличенію дѣла насильниковъ, а лишь къ вящему посрамленію послѣднихъ. Насильниковъ хватаетъ только на то, чтобы класть въ карманъ награбленное и стегать подставленную имъ спину; даже способы угнетенія народа вырабатываются не ими, а самимъ же угнетеннымъ народомъ. Тѣмъ болѣе загадочнымъ становится, конечно, самый фактъ насилия,— но у анархиста отсюда лишь одинъ выводъ: съ тѣмъ большей энергией надо звать народъ на борьбу съ этимъ абсурдомъ.

III.

Программа и тактика анархистовъ-коммунистовъ.

Какъ ни велики тѣ отступленія отъ классического утопизма, которыя подъ напоромъ опыта вынуждены были допустить анархисты, основа утопического міровоззрѣнія осталась у нихъ незыблемой.

Какъ для старого утопизма, такъ и для современныхъ анархистовъ, осуществленіе соціалистического строя не можетъ натолкнуться ни на какія объективныя, независящія отъ воли людей препятствія. Все дѣло въ субъективномъ отношеніи къ идеалу со стороны

ной массы. Социализмъ можетъ совершенно незамѣтно и неожиданно подкрасться къ современному обществу «какъ тать въ ноши», говорилъ Овэнъ. Анархисты-коммунисты придерживаются того же взгляда. Всегда и вездѣ надо призывать къ перевороту и по возможности начинать переворотъ.

«Прямая—кратчайшее разстояніе между двумя точками», читаемъ мы въ сборникѣ «Хлѣбъ и Воля». «Мы стоимъ за поднятіе краснаго революціоннаго знамени теперь же всюду, гдѣ есть на это силы. Первые революціонныя попытки, первыя коммуны, быть можетъ, даже навѣрное будутъ подавлены. Но одна изъ коммунъ послужить искрой, которая зажжетъ интернаціональный революціонный пожаръ... Ошибками учатся. Не надо бояться ошибокъ, надо рѣшиться начать.... Мы высказываемъ, такимъ образомъ, за бунтарство....»

Революція объективно возможна въ каждый данный моментъ. Надо только ясно знать, чего хочешь, и имѣть рѣшимость «начать». Разъ «начало» невозможно за недостаткомъ сочувствующихъ, всякая подготовка къ нему можетъ, очевидно, заключаться только въ пропагандѣ. Проповѣдь и примѣръ,—вотъ альфа и омега подготовительной работы старыхъ утопистовъ. Проповѣдь и примѣръ—альфа и омега современаго анархизма. Содержаніе проповѣди далеко неодинаково: старые утописты, обращаясь ко всему человѣчеству безъ различія классовъ и общественныхъ положеній, звали къ мирной созидательной работѣ; анархисты, обращаясь къ угнетеннымъ и обездоленнымъ, зовутъ къ возстанію. Но и для тѣхъ и для другихъ между началомъ переворота, осуществляющаго конечную цѣль, и пропагандой конечной цѣли нѣть и не можетъ быть никакихъ промежуточныхъ звеньевъ, никакихъ практическихъ задачъ, за которыхъ стоило бы бороться. «Если уже проливать кровь,

такъ было бы за что. Кровь не вода. За уступки стоить ли?... Наша задача—не ждать уступокъ, не добиваться уступокъ отъ нашей революціонной дѣятельности, а наоборотъ, все усиливать и усиливать интенсивность и силу революціонныхъ ударовъ... Смѣлѣе, рѣшительнѣе, безъ оглядокъ, прямо къ достиженію наивысшаго, полнѣйшаго счастья—къ анархіи»¹⁾.

Отсюда непримиримая вражда анархистовъ ко всякой программѣ-минимумъ. Одинъ изъ авторовъ сборника «Хлѣбъ и Воля» съ величайшимъ негодованіемъ цитируетъ слѣдующую выдержку изъ № 10 газеты «Впередъ»: «Мы отвергаемъ какъ утопію, какъ безсознательную провокацию, всякую попытку навязать пролетаріату невыполнимую *при настоящихъ соціально-политическихъ условіяхъ* (курсивъ нашъ. В. Б.) задачу немедленного осуществленія максимальной программы, т. е. немедленного созданія соціалистического строя.. пролетаріатъ выступаетъ, чтобы построить буржуазную республику, и онъ построитъ ее такъ, чтобы наилегче было перестроить ее на соціалистическихъ началахъ». «Нигдѣ еще», патетически восклицаетъ авторъ, «соціалистическая мысль не доходила до такого цинизма, нигдѣ и никогда еще, кажется, не бравировала такъ соціальдемократія своими буржуазными взглядами и планами». И ему уже мерещатся соціальдемократическіе трибуналы, которые будутъ примѣнять «всю строгость революціонныхъ законовъ» къ анархистамъ, зовущимъ рабочихъ къ немедленному захвату фабрикъ и заводовъ. Всѣ эти ужасы, конечно, плодъ разстроеннаго воображения. Не мнимыя буржуазныя симпатіи и не жажда расправляться съ анархистами по всей строгости революціонныхъ законовъ заставила «Впередъ» назвать русскую

1) «Хлѣбъ и Воля», стр. 135—136.

революцію буржуазной, а наличность «соціально-економическихъ условій», дѣлающихъ въ данный моментъ соціальную революцію *объективно* неосуществимой въ Россіи. Но если мы на минуту забудемъ объ этихъ «объективныхъ условіяхъ», если мы допустимъ вмѣстѣ съ анархистами, что осуществленіе соціализма зависитъ исключительно отъ доброй воли и энергіи пролетаріата, то протестъ противъ лозунга «буржуазной республики» станетъ вполнѣ послѣдовательнымъ. Цитируемая нами статья сборника «Хлѣбъ и Воля» ссылается на какихъ то «апологетовъ буржуазно-демократического строя», которые мотивируютъ умѣренность пропагандируемыхъ ими лозунговъ тѣмъ, что рабочая масса не доросла еще до *пониманія* коммунистического идеала. Мы не знаемъ, кто эти «апологеты», но во всякомъ случаѣ они не сотрудники газеты «Впередъ». Среди русской соціаль-демократіи давно уже оставлена мысль, будто бы ближайшія, практически осуществимыя при капитализмѣ требованія болѣе доступны *пониманію* рабочихъ, нежели соціалистическая конечная цѣль. Что полное освобожденіе отъ эксплуатациіи лучше смягченія эксплуатациіи, понятно рѣшительно каждому; столь же ясно, что освобожденіе возможно лишь съ устраненіемъ класса эксплуататоровъ и переходомъ производства въ руки самихъ рабочихъ. Въ частности, лозунгъ «буржуазная республика, какъ орудіе борьбы за соціализмъ» совершенно невозможно усвоить себѣ, не зная, что такое соціализмъ. Уже по одному этому соціальдемократическая пропаганда буржуазной республики никоимъ образомъ не можетъ имѣть въ виду логически необходимый этапъ въ развитіи пролетарской мысли, неподготовленной якобы къ соціализму. И если бы дѣло шло только о субъективной подготовкѣ пролетаріата къ соціализму, то анархисты были бы вполнѣ правы, утверждая, что всякая

программа-минимумъ не способствуетъ, а мѣшаетъ этой подготовкѣ.

Однако, вредоносность программы-минимумъ имѣть еще и другую сторону. Субъективная подготовка къ соціализму заключается не только въ отвлеченномъ пониманіи и платоническомъ сочувствіи соціалистической идеѣ, но и въ практическомъ усвоеніи тѣхъ особенностей и свойствъ характера, которыхъ необходимы для людей будущаго строя. Это не только просвѣтительная, но и воспитательная задача. Между тѣмъ борьба за такъ называемыя «ближайшія» цѣли, т. е. за цѣли, осуществимыя въ рамкахъ буржуазнаго общества, неизбѣжно должна принимать формы, противорѣчащія этой воспитательной задачѣ. Въ будущемъ предполагается царство свободнаго соглашенія автономныхъ индивидуумовъ, — въ текущей партійной борьбѣ необходима дисциплина; въ будущемъ самое понятіе «авторитетъ» должно исчезнуть, — въ боевыхъ организаціяхъ настоящаго «авторитарный духъ» болѣе или менѣе неизбѣженъ.

Анархисты стараются, правда, доказать, что даже для успѣха въ текущей борьбѣ рекомендуемыя ими «автономныя» формы организаціи несравненно болѣе целесообразны. Въ дальнѣйшемъ мы подробнѣе остановимся на происхожденіи «авторитарнаго» духа въ соціалистическихъ организаціяхъ, — а пока замѣтимъ только, что духъ этотъ диктуется вовсе не формой организаціи, а самой сущностью, самимъ характеромъ современной соціальной борьбы. Даже наиболѣе анархическія по формѣ организаціи немедленно теряютъ свое анархическое содержаніе, разъ онѣ вступаютъ на почву практическаго дѣла; «либертэрный» духъ сохраняется лишь до тѣхъ поръ, пока пропаганда является исключительной задачей организаціи. И любопытно, что тотъ типъ союзовъ, ко-

торый рекомендуютъ анархисты, не представляетъ въ сущности чего-либо специфически свойственнаго анархическому движенію: этотъ типъ проходитъ рѣшительно всѣ революціонныя партіи на той начальной ступени ихъ развитія, когда онъ, не будучи въ состояніи руководить массами въ ихъ практической борьбѣ, вынуждены ограничить свою работу просвѣтительствомъ.

Главное зло, по мнѣнію анархистовъ — «руководящіе» комитеты; идеаль организацій — автономные равноправные кружки, связанные между собой не организаціонно, а только идеально. Въ статьѣ «Организація или вольное соглашеніе» указывается на народничество 70-хъ годовъ, какъ на типъ движенія, близко подходящій къ этому идеалу. Всѣ тогдашніе кружки «находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ между собой, всѣ работали въ одномъ направленіи. Гдѣ бы жандармы ни дѣлали обыскъ, вездѣ они встречали ту же работу и захватывали тѣ же книги и брошюры. При этомъ полнѣйшее отсутствіе централизаціи и верховодства... Игратъ роль Центральнаго Комитета никому не приходило въ голову... Независимость была полная, а вмѣстѣ съ нею и полное единство дѣйствій»¹). — Народничество 70-хъ годовъ несомнѣнно раздѣляло многія анархическія идеи и тенденціи. Но только что цитированная характеристика отъ слова до слова примѣнима также къ русской соціальдемократіи 90-хъ годовъ, несмотря на то, что эта послѣдняя съ самаго зарожденія была насквозь пропитана «централистическимъ», «авторитарнымъ», «якобинскимъ» духомъ своихъ нѣмецкихъ учителей. Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія соціальдемократическая «партия» представляла чисто идеальное единство. «Верховодствовать» никому не приходило въ голову, каждый кру-

¹) «Хлѣбъ и Воля», стр. 164.

жокъ работалъ совершенно самостоятельно. Дѣло здѣсь, очевидно, не въ «якобинствѣ», а просто въ томъ, что свободное соглашеніе отдельныхъ кружковъ есть единственно цѣлесообразная форма организаціи до тѣхъ поръ, пока работа партіи ограничивается исключительно пропагандой. Въ зависимости отъ вкусовъ и настроеній можетъ, конечно, мѣняться терминологія: можно и въ періодъ чисто просвѣтительной работы назвать какое-либо учрежденіе «руководящимъ центромъ», — однако, фактически «руководство» это неизбѣжно приметъ формы чисто идеинаго вліянія на отдельныхъ работниковъ.

Но картина принимаетъ совершенно иной характеръ, когда задача расширяется, когда приходится не только распространять идеи, но и организовать практическія массовыя дѣйствія. Группы автономныхъ пропагандистовъ обнаруживаютъ вдругъ непостижимую жажду сковать себя дисциплиной, создается централизованная «лѣстничная» организація, торжествуетъ «якобинство», «верховодство» и прочія зловредныя лжеученія.

Итакъ, автономные идеинно связанные между собой кружки представляютъ организаціонный типъ, приспособленный не къ анархической, а ко всякой вообще пропагандѣ. Специально анархической эта форма организаціи является лишь постольку, поскольку анархическая теорія не признаетъ до наступленія соціальной революціи никакой иной дѣятельности, кромѣ пропаганды.

Всѣ разобранные нами до сихъ поръ программные, тактическіе и организаціонные взгляды анархистовъ строго логически вытекаютъ изъ ихъ основного воззрѣнія на движущія силы исторіи вообще, соціальной революціи въ частности. Гораздо труднѣе согласовать съ анархической теоріей тотъ тактическій приемъ, который въ глазахъ широкой публики связанъ съ анархизмомъ по преимуществу,—мы имѣемъ въ виду террористическіе акты.

Революціонный терроръ практиковался и практикуется самыми различными партіями, защищался и защищается самими разнообразными аргументами. Въ общемъ и цѣломъ всѣ формы не анархического террора—поскольку послѣдній мотивируется принципіально и не является актомъ личной мести—могутъ быть сведены къ двумъ типамъ: 1) устраненіе наиболѣе влиятельныхъ и рѣшительныхъ представителей даннаго режима съ цѣлью «дезорганизовать власть» и облегчить революціонной партіи побѣду надъ ней; 2) разъ терроръ уже не является рядомъ отдѣльныхъ убійствъ или «казней», организуемыхъ партіей, но принимаетъ характеръ мас-соваго движенія, онъ представляеть особый видъ вооруженнаго возстанія, своеобразную партизанскую форму гражданской войны.

И тотъ и другой видъ террора не имѣть ничего общаго съ «анти-буржуазнымъ» терроромъ анархистовъ. Для анархистовъ, признающихъ терроръ, послѣдній является не исключительнымъ средствомъ въ исключительныхъ политическихъ условіяхъ, а совершенно нормальнымъ методомъ воздействиа на буржуазный строй. Поэтому прежде всего направлениe террористическихъ актовъ лишается всякой индивидуальной окраски, — обь «избіеніи тирановъ» нѣтъ и рѣчи. По анархической теоріи террористической актъ тѣмъ выше, цѣлесообразнѣе, принципіальнѣе, чѣмъ менѣе онъ имѣть въ виду отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ болѣе онъ направляется противъ всего буржуазнаго общества въ цѣломъ, т. е. противъ первыхъ попавшихся случайныхъ его представителей въ какомъ-нибудь шикарномъ кафе, ресторанѣ, магазинѣ и т. п. ¹⁾.

¹⁾ Надо, впрочемъ, замѣтить, что за послѣднее время теорія принципіального, анти-буржуазного террора встрѣчаетъ все больше и больше возраженій среди самихъ анархистовъ. Многіе изъ нихъ категорически высказываются противъ такого «немотивированнаго» террора.

При этомъ сторонники такого террора стараются въ связи съ своей общей теоріей истолковать его, какъ особый—и притомъ наиболѣе успѣшный—способъ *пропаганды* анархическихъ идей. Недаромъ они называютъ его «пропагандой дѣйствіемъ».

«Одна удачно брошенная бомба заставляетъ гораздо больше народу обратить вниманіе на анархистовъ и заинтересоваться ихъ ученіемъ, чѣмъ сотни самыхъ краснорѣчивыхъ прокламацій»,—вотъ неизмѣнныи аргументъ, которымъ анархисты мотивируютъ цѣлесообразность террористическихъ актовъ. Не трудно замѣтить, насколько плохо вяжется это разсужденіе со всей анархической теоріей. Вѣдь мы все время слышимъ отъ анархистовъ, что народная масса отъ вѣка проникнута анархо-коммунистическими тенденціями, что только невѣжество, неумѣніе «привести свои требованія въ цѣльную соціальную систему»¹⁾ да зловредная пропаганда соціалистовъ-якобинцевъ сдерживаетъ народныя стремленія въ предѣлахъ буржуазнаго строя. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ анархистская пропаганда, дающая народу эту цѣльную систему и разоблачающая козни якобинцевъ, должна восприниматься массой, какъ манна небесная, должна подействовать на душу народную, какъ искра, брошенная въ бочку сухого пороха,—и вдругъ, по увѣренію самихъ же анархистовъ, народъ оказывается настолько глухимъ, тупымъ и безчувственнымъ къ анархическимъ идеямъ, что только героическимъ средствомъ динамитныхъ взрывовъ удается привлечь къ нимъ его вниманіе. Поистинѣ самоубийственная аргументація. Невольно вспоминаются теоріи нашихъ педагоговъ старой школы, утверждавшихъ, что только энергичное сотрясеніе всѣхъ нервовъ въ формѣ своевременно данной оплеухи

¹⁾ «Хлѣбъ и Воля», стр. 81.

можетъ сосредоточить вниманіе ученика, по природѣ своей склоннаго къ разсѣянности. Плоха та наука, которая не усваивается безъ помощи оплеухъ!

Анти-буржуазный терроръ связанъ съ анархическимъ учениемъ не логически, а только *психологически*. Капиталистическое общество съ его кричащими противоположностями нищеты и роскоши, голоднаго труда и празднаго обжорства, неизбѣжно создаетъ кадры безконечно озлобленныхъ людей, не способныхъ вести планомѣрную, выдержанную борьбу,—людей, у которыхъ вся кровь закипаетъ и руки сами хватаются за оружіе при видѣ всякаго сытаго и выхоленаго буржуа. Анархисты естественно видятъ въ этихъ «непримиримыхъ» высшихъ представителей угнетенныхъ классовъ, желанный прототипъ того бунтаря, какимъ не нынче, завтра станетъ весь народъ, поднявшій знамя соціальной революціи. Оттолкнуть отъ себя такие элементы анархисты не могутъ; но что же они въ состояніи предложить имъ, разъ въ данный моментъ не только соціальная революція, но и предвестники ея, «бунты», практически неосуществимы, и, следовательно, по анархической теоріи остается только заниматься пропагандой? Рекомендовать идейное просвѣтительство массъ человѣку, въ душѣ котораго не осталось мѣста ничему, кроме жгучей, клокочущей ненависти! Это похоже на насмѣшку. Конечно, не чтеніе анархическихъ лекцій или распространеніе анархическихъ брошюръ, а только бомба, кинжалъ или револьверъ способны дать надлежащій исходъ его чувству. И анархистамъ приходится всѣми правдами и неправдами санкционировать бомбу, чисто словесно соглашаясь ее, какъ «пропаганду дѣломъ», со своей общей точкой зрѣнія.

Надо впрочемъ замѣтить, что некоторые теоретики анархизма не идутъ на этотъ компромиссъ; Э. Реклю,

напр., лишь психологически оправдываетъ отдельные террористические акты, но отнюдь не выступаетъ принципиальнымъ сторонникомъ «пропаганды дѣломъ».

IV.

Какъ надо дѣлать революцію?

Выше мы видѣли, что по анархистской теоріи соціальная революція объективно возможна не только въ каждый моментъ капиталистического развитія, но была возможна и раньше, напримѣръ, въ средніе вѣка. Мало того, въ средніе вѣка, когда сравнительно небольшія группы людей составляли самодовлѣющія экономическая организаціи, уничтоженіе всякой власти и угнетенія было даже легче, чѣмъ въ эпоху капитализма съ его колоссальнымъ раздѣленіемъ труда и гигантскими централизованными предпріятіями. Въ средніе вѣка достаточно было спихнуть съ себя власть, оставивъ безъ перемѣны общій характеръ производства. Теперь необходимо сверху до низу перестроить весь механизмъ общественного хозяйства, уничтожить ту хозяйственную централизацію, которая, по мнѣнію анархистовъ, искусственно создана капитализмомъ, и совершенно несовмѣстима съ либертэрнымъ строемъ; свободный союзъ небольшихъ, экономически самостоятельныхъ коммунъ долженъ стать на мѣсто современного національного, и даже интернаціонального производства, покоящагося на широкомъ общественномъ раздѣленіи труда. Итакъ, поскольку имѣются въ виду объективныя условія, капиталистическое развитіе не только не приближаетъ соціализма, но напротивъ затрудняетъ соціальную революцію, создавая для нея такія препятствія, которыхъ не зналъ докапиталистическая міръ. И если въ докапиталистическую временна всѣ революціи заканчивались лишь перемѣною формъ власти,

и никогда народу не удавалось уничтожить власть совершенно, то тѣмъ больше шансовъ, что въ настоящее время, при усложнившихъ залахъ соціального переворота, «якобинцы» сумѣютъ обойти народъ и навязнуть ему во время грядущей революціи казарменный гнетъ государственности на мѣсто свободнаго анархического коммунизма.

Какъ же избѣжать этого? *Какъ надо дѣлать истинную революцію?*—вотъ вопросъ, занимающій нѣкоторыхъ изъ современныхъ анархистовъ почти въ такой же степени, въ какой старыхъ утопистовъ интересовалъ вопросъ о разработкѣ детальнаго плана соціалистического общества. Кропоткинъ посвятилъ ему одну изъ главныхъ своихъ работъ: «Завоеваніе хлѣба».

Кропоткинъ предполагаетъ, что коммунистическое возстаніе побѣдило на первый разъ въ какомъ-нибудь крупномъ промышленномъ центрѣ и ближайшихъ окрестностяхъ. Послѣдуетъ и мы за нашимъ авторомъ. Итакъ, въ Парижѣ и прилегающихъ къ нему департаментахъ «Сены» и «Сены и Уазы» провозглашена коммуна,—въ остальномъ мірѣ пока еще царствуетъ капиталистической строй. Что должны дѣлать повстанцы, чтобы упрочить свое положеніе? Вожди политическихъ партій, разныхъ оттѣнковъ радикалы, соціальдемократы попытаются, конечно, образовать новое правительство. Они соберутся гдѣ-нибудь въ ратушѣ, опоясанные красными шарфами, и составятъ изъ себя «комитетъ» или «совѣтъ», претендующій на руководство народнымъ движениемъ. Однако, по увѣреніямъ Кропоткина, изъ такихъ попытокъ ничего путнаго не выйдетъ, кромѣ нѣсколькихъ широковѣщательныхъ прокламаций, которымъ сужено остаться пустыми фразами. Народъ не пойдетъ за «якобинцами»,—онъ пойметъ, что ближайшая и насущная задача революціи вовсе не въ новыхъ формахъ правленія, которая никому не нужны, а въ матерьяль-

номъ обезпеченіи коммуны,—въ томъ, чтобы накормить, одѣть и пріютить борцовъ за освобожденіе человѣчества. Встаетъ, такимъ образомъ, необходимость возможно спра- ведливѣе и экономнѣе использовать въ общихъ интересахъ наличный запасъ пищевыхъ продуктовъ, носильного платья и жилыхъ помѣщеній.

Революція начинается съ экспропрації не орудій труда, а средствъ потребленія; коммунизмъ потребленія есть, по Кропоткину, первый шагъ, ведущій къ разрушенню буржуаз- наго строя; коммунистическія организаціи производства воз- винутъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе этого первого шага.

Но вотъ бѣда, вѣдь и тутъ, на почвѣ распределенія могутъ сложиться извѣстныя формы власти. Какъ же избѣжать этой опасности? Какую организацію надо придать распределенію, чтобы и справедливость была соблюдана, и «авторитарнымъ» руководителямъ не оказалось мѣста?

Прежде всего должно быть разъ навсегда покончено съ системой вознагражденія за трудъ. Сторонниками этой системы «наемнаго труда» являются «коллективисты», т. е. въ первую голову соціальдемократы, которые хотятъ и въ будущемъ обществѣ распредѣлять продукты пропорціонально количеству труда, потраченного каждымъ на производство. «Коллективизмъ, какъ извѣстно, вно- сить въ этотъ (т. е. капиталистической) строй значитель- ныя измѣненія, но сохраняетъ тѣмъ не менѣе наемный трудъ. Только государство, т. е. представительное пра- вительство, национальное или коммунальное, становится на мѣсто хозяина. Представители націи или коммуны и ихъ делегаты,—ихъ чиновники,—становятся управля- ющими промышленностью. Они также оставляютъ за со- бой право употреблять въ интересахъ всѣхъ прибавоч- ную цѣнность, получаемую изъ производства» ¹⁾

¹⁾ «Завоеваніе хлѣба», стр. 52.

Въ противовѣсь этимъ вожделѣніямъ колективистовъ грядущая революція выдвинетъ «коммунизмъ», какъ полное отрицаніе наемнаго труда. Кропоткинъ настойчиво критикуетъ вознагражденіе, пропорціональное труду, съ точки зренія его несправедливости. Пусть даже рабочій получитъ вознагражденіе, равное полному продукту его труда. Но развѣ изготовленный имъ предметъ потребленія въ дѣйствительности созданъ только его трудомъ? Кропоткинъ находитъ, что благодаря раздѣленію труда, благодаря сложной зависимости между дѣятельностью каждого отдельного человѣка и дѣятельностью всѣхъ остальныхъ членовъ общества, любой предметъ потребленія долженъ разсматриваться не какъ продуктъ труда того работника, который его непосредственно произвелъ, а какъ результатъ колективной работы всего общества. Отсюда уже ясна несправедливость вознагражденія, пропорціонального труду. Въ противовѣсь «двусмысленному» лозунгу колективистовъ Кропоткинъ выдвигаетъ лозунгъ: «довольство для всѣхъ», «каждому по его потребностямъ»¹⁾. Всѣ произведенныя обществомъ предметы потребленія являются, согласно этому требованію, колективнымъ фондомъ, изъ котораго каждый черпаетъ, что ему надо.

Но къ сожалѣнію потребительный фондъ, поскольку онъ создается человѣческимъ трудомъ, — а что, кроме воздуха и текучей воды, не создается трудомъ? — ограниченъ, и ограниченъ именно темъ количествомъ труда, которое общество согласно затратить на каждый данный предметъ потребленія. Какъ же быть, если даннаго про-

¹⁾ Лозунгъ этотъ впервые былъ выставленъ Бабефомъ. Марксъ отнюдь не относился къ нему отрицательно,—онъ находилъ только, что распределеніе пропорціональное труду въ соціалистической организаціи, выросшей изъ капитализма, явится неизбѣжной переходной формой къ чисто коммунистическому принципу: «отъ каждого по потребностямъ,—каждому по способностямъ». См. «Критику Готской программы».

дукта не хватить для полнаго удовлетворенія всѣхъ предъявленныхъ на него претензій? Волею или неволею приходится, очевидно, дѣлить его на основаніи какого-либо общаго правила. Этимъ правиломъ долженъ быть, по мнѣнію Кропоткина, раздѣль поровну, одинаковыми порціями.

«Каждому по потребностямъ, если продуктъ имѣется въ изобиліи; дѣлежъ по порціямъ, разъ количество продукта ограничено», — таковъ девизъ, противопоставляемый Кропоткинымъ несправедливому и ложному принципу вознагражденія за трудъ. Легко замѣтить однако, что съ точки зрењія справедливости этотъ анархической девизъ врядъ ли имѣеть серьезныя преимущества по сравненію съ коллективистской «системой наемнаго труда». Въ самомъ дѣлѣ, фактически потребности людей далеко не однаковы количественно и уже во всякомъ случаѣ не однородны качественно; поэтому при равной дѣлежкѣ одни неизбѣжно будутъ чувствовать себя болѣе удовлетворенными, другіе менѣе или вовсе не удовлетворенными.

Но вопросъ имѣеть и другую, съ анархической точки зрењія еще болѣе важную сторону. Вознагражденіе, пропорциональное количеству затраченной работы, предполагаетъ точную статистику труда и потребленія. Необходима, слѣдовательно, довольно сложная организація. Но какъ только дѣло заходитъ о сколько-нибудь сложной организаціи, анархисты — эти фанатические поклонники творческаго генія народа — тотчасъ же начинаютъ сомнѣваться въ способностяхъ послѣдняго. Сумѣеть ли народъ самостоятельно, на либертэрныхъ началахъ завѣдывать такой организаціей. А вдругъ лица, которые станутъ во главѣ ея, пользуясь ограниченностью разума массъ, образуютъ изъ себя своего рода «правительство»? Дѣло народнаго потребленія сосредоточится тогда въ ихъ рукахъ, а самъ народъ по прежнему окажется пассивнымъ матерьяломъ административныхъ мѣропріятій. — Ничего по-

добнаго немыслимо при господствѣ принципа: «каждому по потребностямъ». Такъ какъ только самъ индивидуумъ въ состояніи опредѣлить мѣру своихъ потребностей, то, очевидно, при такой системѣ распределенія никакой регулирующей власти не остается мѣста,—тутъ ужъ, что называется, комаръ носу не подточить, и никакія ухищренія «коллективистовъ» и прочихъ злоумышленниковъ не смогутъ нарушить свободы и самоопределенія отдѣльной личности.—Дѣлежка по порціямъ допускается, какъ неизбѣжное зло, при невозможности брать каждому сколько угодно. Раздѣлъ на равныя части данной «кучи продуктовъ»—операциѣ настолько простая, что даже анархисты считаютъ ее доступной для «творческаго генія» массъ, а потому въ этомъ случаѣ перспектива выдѣленія группы «авторитарныхъ» руководителей предста-вляется имъ не столь угрожающей.

Однако безъ самыхъ тщательныхъ мѣръ предосторожности не обходится дѣло и здѣсь. Вѣдь намъ предстоитъ распредѣлять продукты въ такомъ колоссальномъ городѣ, какъ Парижъ, гдѣ запасы предметовъ погребленія исчисляются десятками и сотнями миллионовъ кило. Даже составленіе простой описи ихъ требуетъ сложной организаціи. «Якобинцы» не особенно пугаютъ Кропоткина, пока они сидятъ въ ратушѣ и препираются между собой насчетъ будущей конституціи. Но вдругъ они окажутся настолько коварными, что примкнутъ къ практическому народному дѣлу революціоннаго переустройства, вдругъ они образуютъ какой-нибудь «комитетъ» для производства описи подлежащихъ раздѣлу продуктовъ. Конечно, статистическое бюро еще не правительство, а статистикъ не генераль-губернаторъ, но... но только человѣкъ, не извѣдавшій всей глубины черныхъ замысловъ, гнѣздающихся въ душѣ якобинца, можетъ безъ содроганія видѣть его даже въ скромной роли статистика. Анархистъ знаетъ,

что «государственнику» стоитъ протянуть только кончикъ пальца, чтобы онъ завладѣлъ всей рукой. И Кропоткинъ настоятельно предостерегаетъ поэому отъ всякаго рода центральныхъ комитетовъ и комиссій. Только самостоятельно возникшія, ни изъ какого центра не руководимыя группы гражданъ и гражданокъ смогутъ цѣлесообразно выполнить задачу переписи наличныхъ материальныхъ средствъ возставшей коммуны. Имъ придется, конечно, обмѣниваться результатами своей работы, необходимо будеть сдѣлать общую сводку. Но если ради послѣдней цѣли и возникнетъ какой-либо центръ, то поскольку онъ будетъ созданъ не якобинцами, а самимъ народомъ, онъ явится лишь центромъ сношеній, а отнюдь не руководящимъ комитетомъ.—Здѣсь проявляется черта, характерная для всякаго вообще соціального утопизма: возможность насилия или угнетенія связывается не съ функціями, которые выполняетъ данная общественная организація и даже не съ формой этой послѣдней, а исключительно съ индивидуальными особенностями входящихъ въ нее лицъ. Хотя данная форма союза и допускаетъ образованіе «власти», но все можетъ обойтись благополучно, если устранить отъ дѣла политиковъ и якобинцевъ и построить союзъ руками подлиннаго неиспорченного народа. — Совершенно такъ же разсуждаютъ, напримѣръ, утописты благожелательнаго народу самодержавія: вы требуете реформъ, вы ссылаетесь на насилия и «злоупотребленія» властей? Но, помилуйте, причемъ же тутъ реформы? Дѣло не въ измѣненіи формъ государственной организаціи, а въ лицахъ. Прогонимъ негодяевъ, назначимъ на ихъ мѣсто добродѣтельныхъ, преданныхъ своему долгу чиновниковъ,—и все пойдетъ прекрасно.

Организовавъ на справедливыхъ и безгосударственныхъ началахъ распределеніе, возставшая коммуна должна подумать и о преобразованіи производства. «Кол-

лективисты» уверяютъ рабочихъ, что послѣ соціалистической революціи общий характеръ производства останется неизмѣннымъ, — рабочие вернутся на покинутыя ими временно фабрики, для того чтобы производить тѣ же продукты, какъ и раньше. Кропоткинъ съ этимъ не согласенъ. Соціалистическая революція означаетъ полную реорганизацію всего промышленно-техническаго строя. Возстаніе вызоветъ разрывъ промышленныхъ связей не только между отдѣльными государствами, но и между отдѣльными городами. Не забудемъ, что, по предположенію Кропоткина, новый строй на первыхъ порахъ провозглашается въ изолированномъ отъ всего остального міра промышленномъ центрѣ съ прилегающими къ нему окрестностями. Такой центръ зачастую изготавляетъ какой-нибудь одинъ родъ продуктовъ, весьма мало потребляемыхъ или даже вовсе не потребляемыхъ его собственными обитателями. Такъ напримѣръ, Парижъ живетъ почти исключительно на средства, получаемыя отъ продажи тѣхъ предметовъ роскоши, которые онъ готовить для богачей всего міра. Отрѣзанный съ наступленіемъ революціи отъ своихъ покупщиковъ, онъ будетъ вынужденъ прежде всего подумать о прокормленіи себя своими собственными уси-ліями. Какъ этого достигнуть? Очень просто. По расчету Кропоткина, земли для производства хлѣба потребуется очень немного.

Примѣняя наиболѣе интенсивные методы хозяйства, выращивая кое-какие продукты подъ стекломъ, департаменты Сены и Сены и Уазы въ состояніи прокормить все живущее на ихъ маленькой территории населеніе, включая сюда и обитателей Парижа. Всѣ руки, свободныя отъ земледѣльческихъ работъ, вернутся къ обрабатывающей промышленности, но, конечно, не для того, чтобы по прежнему работать на тунеядцевъ всего міра, а для того, чтобы снабжать своихъ товарищѣй-земледѣльцевъ

орудіями и создавать другіе продукты, необходимые для членовъ самой коммуны.

Весь этотъ колоссальный переворотъ долженъ совершиться съ чрезвычайной быстротой, съ такимъ расчетомъ, чтобы въ теченіе тѣхъ немногихъ недѣль, которыя оставшій Парижъ въ состояніи прожить на счетъ имѣющихъ у него запасовъ, уже послѣла новая жатва на коммунальныхъ поляхъ.

Успѣхъ первой соціалистической коммуны зажжетъ пламя возстанія по всему земному шару, и черезъ короткій промежутокъ времени весь цивилизованный міръ станетъ ареной торжества безгосударственного коммунизма.

Таковъ въ общихъ чертахъ планъ соціального переустройства, развитый Кропоткинымъ. — Само собою разумѣется, «якобинцы» должны быть устраниены отъ участія въ реорганизаціи производства съ такою же тщательностью, съ какою они устраивались отъ революціонной организаціи распределенія. Иначе все дѣло можетъ погибнуть: революція закончится полной неудачей, или, въ лучшемъ случаѣ, приведетъ къ новой формѣ государственного гнета.

V.

Истинно-русскій анархизмъ.

«Якобинцы» являются постояннымъ кошмаромъ анархистовъ,—и кошмаръ этотъ тѣмъ безнадежнѣе тяготѣть надъ теоріей и практикой анархизма, чѣмъ таинственнѣе порождающія его причины. Между тѣмъ причины эти совершенно не поддаются раціональному уясненію. Загадочно происхожденіе якобинцевъ, еще болѣе загадоченъ источникъ ихъ успѣха, ихъ власти, неизмѣнно торжествующей надъ враждебными ей тенденціями народныхъ массъ.

Нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ пытается пролить

своеобразное анархическое течеіе, возникшее нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нѣдрахъ нашего отечества и пропагандируемое въ настоящее время группой такъ называемаго «рабочаго заговора» ¹⁾.

По этой теоріи источникъ эксплуатациі и угнетенія, источникъ всякой власти и господства — цивилизація, знанія, явившіяся во всѣ времена привилегіей немногихъ. «Пока знанія не сдѣлаются владѣніемъ всѣхъ людей, пока всѣ люди не станутъ одинаково образованными, пока существуютъ ограбленныя массы, знающія одинъ ручной трудъ, до тѣхъ поръ существуютъ господа и слуги, господа и рабы, до тѣхъ поръ существуетъ государство, и до того времени только пустые болтуны могутъ обѣщать уничтоженіе государства» ²⁾. Господствующій классъ современного общества — не буржуазія въ узкомъ смыслѣ этого слова, не капиталисты, владѣюще орудіями труда, а образованное общество вообще и прежде всего «профессиональная интеллигенція». Всѣ соціалистическія теоріи — какъ соціальдемократическія, такъ и анархическія — выдуманы интеллигенціей только для того, чтобы примирить со своимъ господствомъ пролетаріатъ. Проповѣдуя неизбѣжное торжество соціализма въ будущемъ, интеллигенты въ настоящемъ удерживаются пролетаріатъ отъ немедленного всеобщаго бунта. «Соціализмъ есть проповѣдь о счастьѣ, о справедливой жизни, о всеобщемъ равенствѣ будущихъ человѣческихъ поколѣній, которая увѣровавшихъ въ нее заставляетъ расширять и укрѣплять вѣковой грабежъ для скорѣйшаго

¹⁾ Мнѣ известны только два литературныхъ произведенія, отстаивающихъ эту точку зреїнія: во-первыхъ, «Умственный рабочій» А. Вольскаго, работа по преимуществу критическая съ не вполнѣ еще установившимися собственными взглядами, — во-вторыхъ, «Буржуазная революція и рабочее дѣло», где философія «рабочаго заговора» является уже вполнѣ завершенной.

²⁾ Эта цитата, какъ и всѣ дальнѣйшія, взята изъ брошюры «Буржуазная революція и рабочее дѣло».

якобы достижениія этого будущаго счастья... Соціализмъ есть проповѣдь, подобная той, какую дарили рабамъ всѣ религіи. Соціализмъ есть религія для рабовъ буржуазнаго строя».

Впрочемъ, нѣсколькими страницами ниже интерпретація соціализма, какъ религіи, созданной для одураченія рабочихъ, оказывается уже забытой, утверждается нѣчто діаметрально противоположное, и, конечно, съ тѣмъ же напряженіемъ обличительного паѳоса. Интеллигенція, «эта армія бѣлоручекъ, пользуется бунтами рабочихъ, чтобы выторговать себѣ у богачей все большіе и большіе доходы и вѣ случаѣ упраздненія класса капиталистовъ, о чёмъ мечтаютъ соціалисты, занять мѣсто частныхъ предпринимателей, командовать рабочими самолично и владѣть всѣми богатствами міра безраздѣльно». Какъ оказывается, соціализмъ выдуманъ не для одураченія рабочихъ, о немъ серьезно мечтаютъ сами соціалисты,— но, конечно, это только увеличиваетъ вину послѣднихъ въ глазахъ строгаго автора. Интеллигентамъ мало того «господства», какимъ они пользуются въ современномъ обществѣ, въ качествѣ высоко оплачиваемыхъ «умственныхъ рабочихъ», они хотятъ всѣ корни и нити сосредоточить въ своихъ рукахъ, стать на мѣсто королей и капиталистовъ.

Стоитъ ли церемониться съ такими людьми!? И авторъ дѣйствительно не церемонится. Анархистская литература вообще не грѣшитъ чрезмѣрной объективностью въ изложеніи взглядовъ соціалистовъ - «государственниковъ»,— но такія искаженія, какими переполнена разбираемая брошюра, не часто удается встрѣтить даже у анархистскихъ писателей. На стр. 43 оказывается, напр., что «по ученію соціальдемократовъ накормить въ настоящее время всѣхъ голодныхъ, по недостатку промышленнаго развитія, не въ состояніи никакая человѣческая сила» (курсивъ нашъ. В. Б.).— Всякому, даже не учившемуся

въ семинаріи, извѣстно, что «по ученію соціальдемократовъ» дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ.—Далѣе мы узнаемъ, что русскіе соціальдемократы допускаютъ экономическую борьбу пролетаріата лишь какъ средство втянуть пролетариатъ въ политическую борьбу за освобожденіе всего буржуазнаго общества. Это писалось въ ноябрѣ 1905 г., въ томъ самомъ мѣсяцѣ, когда соціальдемократы самымъ энергичнымъ образомъ поддерживали экономическую борьбу рабочихъ, несомнѣнно разлагавшую единодушіе освобождающагося буржуазнаго общества.

Не менѣе строгъ и справедливъ нашъ авторъ по отношенію къ современнымъ соціалистамъ-революціонерамъ, анархистамъ и всѣмъ другимъ «интеллигентскимъ» теченіямъ. Онъ не щадить даже покойниковъ. Такъ, по его мнѣнію, бунтари 70-хъ годовъ рѣшались говорить крестьянину: «бей во всю, отымай имущество у всѣхъ господъ», лишь потому, что «заранѣе было рѣшено» (кѣмъ?) отымать только землю, а переходъ въ общую собственность земли не уничтожаетъ еще эксплуатаціи и рабства.—Всякому опять-таки извѣстно, что это совершеннѣйшіе пустяки: старые «бунтари» звали народъ къ такому же полному и всеобщему поравненію, какъ и сторонники рабочаго заговора, и были проникнуты не меньшею ненавистью къ буржуазной привилегированной интеллигенціи.

Впрочемъ, нашему автору нельзя не простичь нѣкотораго расхожденія съ истиной при характеристикѣ противниковъ,—подпочвой этого расхожденія является не сознательно-клеветническій умыселъ, а глубоко идеалистическое настроеніе, невольно окрашивающее міръ въ цвѣта, не совсѣмъ согласные съ дѣйствительностью.

Передъ нами любопытный образчикъ нашего исконнаго, истинно-національнаго, въ былое время чрезвычайно

распространенного на Руси типа «кающагося интеллигента». Отрясти интеллигентскій прахъ отъ ногъ своихъ, проклясть освободительныя «буржуазныя» мечты и спѣшить на помощь народу, чуждому политики, жаждущему прежде всего хлѣба—таковъ былъ лейтъ-мотивъ старого народничества. И въ то время для этого настроенія дѣйствительно имѣлась почва. «Народъ» дѣйствительно былъ чуждъ политики, «слиться» съ народомъ не представлялось возможности иначе, какъ отрасши прахъ освободительныхъ мечтаній... Да и самыи процессъ сліянія, несмотря на всѣ свои трудности, не требовалъ слишкомъ непосильныхъ жертвъ: какъ ни отталкивала городского интеллигента тупая неподвижность крестьянскаго міровоззрѣнія, все же въ этомъ послѣднемъ можно было открыть нѣкоторую патріархальную гармонію, своеобразную «поэзію земледѣльческаго труда».

Нашимъ авторомъ покаянное настроеніе овладѣло въ эпоху, когда отъ былого патріархального консерватизма народныхъ массъ почти не осталось слѣда, когда народъ дружными толпами двинулся подъ знаменами политической свободы, когда только въ черносотенныхъ погромахъ можно усмотрѣть кое-что родственное „народному духу“ доброго старого времени. И дѣйствительно, для автора черносотенные погромы представляютъ единственное свѣтлое пятно на мрачномъ фонѣ политическихъ всеобщихъ забастовокъ, соціалистическихъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ и прочихъ зловѣщихъ симптомовъ, доказывающихъ, что народныя массы крѣпко запутались въ сѣти обманщицы-интеллигенціи. «Чѣмъ больше росла буржуазная революція... тѣмъ реальнѣе ощущали голодныя массы, что «общенародное освобожденіе» ихъ совершенно не касается, тѣмъ больше росла у нихъ злоба къ этой революціи. Такимъ образомъ, политическая революція неизбѣжно должна была готовить противъ с

черныя сотни изъ голодныхъ русскихъ массъ. Буржуазная революція ничего не могла дать этимъ людямъ; въ черныхъ сотняхъ имъ хоть предоставляютъ иногда богатые инородческие магазины»¹⁾.

Какой чудовищной кастраціи долженъ былъ подвергнуть себя этотъ типичный представитель русского революціоннаго подполья, для того чтобы «черная сотня» явилась для него единственной отрадой въ атмосферѣ мощнаго подъема революціи! Можно ли претендовать на такого человѣка, если онъ нѣсколько преувеличиваетъ трагическій героизмъ своего положенія, старается увѣрить себя, что онъ первый такъ рѣшительно порвалъ съ традиціями своего привилегированнаго класса, что всѣ бывши до него соціалисты, анархисты, бунтари оставались въ душѣ буржуазными «интеллигентами» и только надували народъ въ интересахъ своей соціальной группы?

Соціалистическая интеллигенція тѣмъ скорѣе можетъ простить бѣдному автору «Буржуазной революціи и рабочаго дѣла» его критическія увлеченія, что выводы, къ которымъ онъ приходитъ, далеко не такъ ужасны, какъ можно было думать, судя по посылкамъ. Всѣ разговоры о томъ, что рабочие сумѣютъ когда-нибудь захватить въ свои руки организацію производства и стать господами положенія—нелѣпая болтовня, химера. Пока рабочіе несутъ ярмо ручного труда, имъ некогда пріобрѣсти знанія, необходимыя для управлениія производствомъ, а безъ этихъ знаній нельзя стать господиномъ положенія. Рабочіе должны бороться «за достиженіе наивысшей платы за ручной трудъ». Необходимъ всемірный заговоръ, всемірная рабочая стачка—возстаніе, чтобы добиться этой цѣли. «Всеобщая экономическая стачка привлечетъ всѣхъ

¹⁾ Бурж. рев. и раб. дѣло, стр. 50.

безработныхъ, вмѣстѣ съ которыми потребуетъ немедлен-
наго обезпеченія отъ безработицы, обезпеченія безработ-
нымъ такого же заработка, котораго требуютъ бастующіе
занятые рабочіе. Уничтоженіе безработицы означаетъ рѣ-
шительную побѣду рабочей революціи. Нѣтъ тогда силы
у господъ удержать рабочихъ на рабскомъ пайкѣ. Борьба
можетъ остановиться лишь послѣ экспропріаціи всего
господскаго общества, по уничтоженіи всѣхъ господскихъ
доходовъ... Однаковый доходъ дастъ возможность вся-
кому рождающемуся существу получить равное образо-
ваніе... Тогда общество перестанетъ воспитывать однихъ
господъ, другихъ рабовъ, тогда нарастаетъ поколѣніе рав-
ныхъ людей». Итакъ, дѣло идетъ вовсе не о поголов-
номъ истребленіи интеллигенціи, а лишь о томъ, чтобы
бурнымъ натискомъ рабочей революціи заставить ее
устранить безработицу и неравенство доходовъ. При этомъ
рабочіе получаютъ возможность доставить своимъ дѣтямъ
ту науку, которую теперь въ теченіе долгихъ лѣтъ изу-
чаютъ сынки буржуазіи въ гимназіяхъ и университетахъ:
привилегія знанія—источникъ всяческой эксплуатаціі—
исчезнетъ навсегда.—Уничтоженіе безработицы, планомѣр-
ное регулированіе доходовъ предполагаетъ, конечно, пла-
номѣрную организацію производства въ интересахъ обще-
ства, т. е. соціализмъ. Итакъ, рабочіе не въ состояніи
сами осуществить соціализмъ, но они въ каждый данный
моментъ могутъ заставить господствующій классъ ввести
его. *Le socialisme est mort, vive le socialisme!*

И надо сказать, для соціалистической «интеллиген-
ціи» перспектива этой «рабочей революціи» не только
не представляетъ чего-либо ужаснаго, какъ, повидимому,
думаетъ авторъ, но, наоборотъ, даже весьма заманчива.
Вѣдь ни для кого не тайна, что 90 процентовъ интел-
лигенціи, дѣйствующей въ соціалистическомъ движеніи,
напр., у насъ въ Россіи, получаютъ «доходы», не пре-

вышающіе заработной платы квалифицированныхъ рабочихъ ручного труда. А такъ какъ, по увѣреніямъ автора, послѣ всеобщаго поравненія заработка плата поднимется настолько, что каждый рабочій будетъ въ состояніи воспитывать всѣхъ своихъ дѣтей въ гимназіяхъ и университетахъ, то, очевидно, отъ такого поравненія соціалистическая интеллигенція отнюдь не останется въ накладѣ. Кромѣ того, безработица будетъ уничтожена. Допуская даже, что по особому ходатайству нашего строгаго автора мѣра эта не распространится на безработныхъ интеллигентовъ, мы все же получимъ въ области интеллигентнаго труда значительный избытокъ спроса надъ предложеніемъ уже въ силу одной необходимости немедленно приступить къ систематическому всеобщему обученію. Такимъ образомъ, если бы современная соціалистическая интеллигенція дѣйствительно была «господствующимъ» классомъ, если бы она выполняла и способа была выполнять организаторскія функции въ системѣ общественнаго хозяйства, то, чего доброго, въ случаѣ успѣха «рабочаго заговора», дѣло могло бы уладиться къ обоюдному удовольствію интеллигенціи и пролетаріата ручного труда. Но къ сожалѣнію, соціалистическая интеллигенція только въ воображеніи нашего автора «господствуетъ» надъ производствомъ; въ дѣйствительности она состоить изъ представителей хотя и умственнаго, но отнюдь не организаторскаго труда; въ Россіи, напр., это по большей части люди, перебивающіеся уроками, статистикой, случайными литературными работами и т. п. То «образованное общество», которое дѣйствительно занимаетъ «господствующее» положеніе, въ качествѣ собственниковъ или наемныхъ организаторовъ производства — капиталисты, директора, управляющіе, банкиры, высшіе инженеры, администраторы, — это «образованное общество», увы, очень далеко отъ соціализма. И нѣть такой силы, которая бы

чисто внѣшнимъ, механическимъ давленіемъ заставила группу современныхъ организаторовъ перестроить производство по соціалистическому плану.

Между тѣмъ, именно такой внѣшней, механической силой долженъ явиться пролетаріатъ, по теоріи «рабочаго заговора». Теорія эта, какъ мы видѣли, исходить изъ того положенія, что въ рамкахъ капитализма для рабочаго класса объективно недостижими тѣ «зnanія» и способности, которыя позволили бы рабочимъ сыграть активно-созидательную роль въ соціальномъ переворотѣ. Рабочіе могутъ, согласно нашему автору, только «требовать», «диктовать», но они не въ состояніи взять дѣло обновленія въ свои собственные руки, они не въ состояніи не только самостоятельно перестроить производство, но даже контролировать ту организацію производства и распределенія, которую подъ ихъ могучимъ внѣшнимъ напоромъ должны будутъ создать теперешніе организаторы. Слѣдовательно, эти послѣдніе будутъ имѣть полную возможность такъ построить и такъ вести новый хозяйственный строй, чтобы онъ функционировалъ хуже старого и поскорѣе завершился всеобщимъ промышленнымъ крахомъ. А что они используютъ эту возможность, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: вѣдь ихъ кровный, насущный интересъ будетъ заключаться въ томъ, чтобы наглядно, на опытѣ убѣдить рабочихъ въ нелѣпости всякихъ соціалистическихъ мечтаній, въ неизнесспособности всякихъ соціалистическихъ организацій, въ преимуществахъ доброго, старого капитализма. Такой опытъ въ малыхъ размѣрахъ былъ уже, какъ известно, сдѣланъ во время французской революціи 48-го года. Рабочіе, игравшіе крупную роль въ февральскомъ движениі, представляли внушительную силу, съ которой нельзя было не считаться. Они еще не могли мечтать объ осуществленіи соціализма собственными руками, но

уже достаточно ясно понимали свое классовое положение, для того чтобы предъявить буржуазіи рядъ соціалистическихъ «требованій». Въ результатѣ были созданы національная мастерскія, при помощи которыхъ буржуазія на дѣлѣ демонстрировала негодность соціализма. Ничего другого, кромѣ повторенія въ колоссальныхъ размѣрахъ эксперимента съ національными мастерскими, не вышло бы и изъ всемірной забастовки «рабовъ» капитализма, если даже допустить, что фантастический планъ международного рабочаго заговора можетъ удастся. Извѣстный девизъ: «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ», имѣеть не только тотъ смыслъ, что рабочіе должны сами бороться за соціализмъ, онъ означаетъ также, что рабочіе должны сами *осуществить* соціализмъ. «Рабы» — поскольку они остаются только рабами — не въ состояніи заставить «господъ» устраниТЬ соціальныя предпосылки всякаго господства, — въ лучшемъ случаѣ, они могутъ добиться лишь нѣкотораго облегченія своей рабьей участіи. Полное освобожденіе, уничтоженіе всякой возможности господства предполагаетъ, что рабы уже въ периодъ своего рабства выработали въ себѣ способности, необходимыя для того, чтобы стать господами. И если справедливо мнѣніе нашего автора, что рабочіе только послѣ соціалистической революціи въ состояніи приобрѣсти «знанія», позволяющія имъ стать сознательными и самостоятельными участниками общественнаго производства, то отсюда вытекаетъ лишь, что освободительная пролетарская революція вообще невозможна. Это значитъ лишь, что гнетъ капитализма будетъ вѣчно тяготѣть надъ рабочими массами, сопровождаясь время отъ времени бунтами, которые, смотря по обстоятельствамъ, то нѣсколько ухудшаютъ, то нѣсколько улучшаютъ положеніе капиталистическихъ рабовъ, но никогда не въ состояніи освободить ихъ.

Выводъ этотъ настолько очевиденъ, что бунтарская метафизика «рабочаго заговора» гораздо скорѣе, чѣмъ всякое другое ученіе, грозить превратиться въ благочестивый догматъ, въ который не вѣрять сами его авторы. Такое превращеніе и совершилось, какъ известно, со старымъ бунтарствомъ народнической эпохи. Нѣкоторые сторонники этого направленія проповѣдывали разгромъ, какъ таковой: мы призваны только разрушать и расчищать почву, говорили они,—что построить на этой почвѣ будущія поколѣнія, намъ не дано знать, да нась это, признаться, и не интересуетъ: довѣрять днѣви злоба его.

VI.

«Индуктивная наука» анархистовъ и «метафизика» соціальдемократовъ.

Название «научный» соціализмъ, упрочившееся за соціальдемократическимъ ученіемъ, не перестаетъ, какъ известно, вызывать протесты и возраженія съ самыхъ различныхъ сторонъ.

Такъ напримѣръ, профессіональные ученые университетовъ и академій отказываются признать научность соціальдемократизма, главнымъ образомъ, за его революціонный духъ. Люди, стремящіеся къ диктатурѣ пролетаріата, къ насильственному ниспроверженію буржуазнаго строя, не могутъ, по ихъ мнѣнію, имѣть ничего общаго съ «научностью» и наукой. Вѣдь истинная, солидная, патентованная наука чужда боевого задора уличной толпы; свивъ себѣ скромное, но уютное гнѣздышко въ тиши комфорtabельнаго кабинета, она санкціонируетъ лишь спокойную постепенную эволюцію, лишь неслышный мирный прогрессъ. Съ точки зрѣнія этого «истинно-научнаго», кабинетно-каминнаго настроенія марксистская теорія не наука, а революціонная «метафизика».

Наоборотъ, анархисты усматриваютъ метафизическое грѣхопаденіе соціальдемократіи въ ея недостаточной революціонности, въ недостаточной свободѣ отъ «законовъ». Соціальдемократы, которые такъ любятъ указывать на объективную закономѣрность общественного процесса, которые такъ часто ссылаются на раскрытыe Марксомъ законы капиталистического развитія, не имѣютъ, по мнѣнію Кропоткина, ни малѣйшаго представлѣнія о томъ, что современная индуктивная наука разумѣеть подъ «закономъ». Соціальдемократы вмѣстѣ съ буржуазными экономистами «не замѣчаютъ, что всякий законъ природы имѣеть характеръ условный. Онъ всегда выражается такъ:—«Если въ природѣ встрѣтятся такія-то условія, то произойдетъ то-то». «Если одна линія пересекаетъ другую, образуя съ нею равные углы по обѣ стороны, то послѣствія будутъ такія-то». «Если на два тѣла дѣйствуютъ только тѣ движения, которыя существуютъ въ между-звѣздномъ пространствѣ, и нѣтъ третьаго тѣла на измѣримомъ отъ нихъ разстояніи, то ихъ центры тяжести будутъ сближаться съ такою-то скоростью (законъ тяготѣнія)» и т. д.

Вслѣдствіе этого, всѣ такъ-называемые законы и теоріи политической экономіи въ дѣйствительности ничто иное, какъ выраженіе слѣдующаго: «Допустивши, что въ странѣ всегда имѣется значительный запасъ людей, не имѣющихъ возможности прожить и двѣ недѣли или мѣсяцъ безъ того, чтобы не принять условій, налагаемыхъ на нихъ государствомъ (подати) или предлагаемыхъ имъ тѣми, кто въ силу государственныхъ законовъ владѣеть землею, фабриками и проч.—то произойдетъ то-то»¹). Между тѣмъ экономисты говорятъ просто: «мѣрило цѣнности—такой-то трудъ»; какъ будто цѣнность продукта

¹⁾ Совр. наука и анархизмъ, стр. 34, 35.

опредѣляется какой-то принудительной верховной властью, подчиняющей общественные отношенія «абсолютнымъ», независимымъ отъ измѣнчивыхъ условій законамъ.

Всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ методомъ Маркса, знаетъ, конечно, что ему особенно чуждо такое метафизическое представлениe о соціальныхъ законахъ. Въ то время, какъ для многихъ буржуазныхъ эконо-мистовъ «запасъ людей», вынужденныхъ продавать свою рабочую силу, дѣйствительно является неизмѣнной пред-посылкой всякаго общежитія, естественнымъ результа-томъ размноженія человѣческаго рода при ограниченности средствъ существованія, Марксъ вскрылъ тѣ историче-скія измѣнчивыя «условія», которыя создаются этотъ за-пасъ, поддерживаютъ и развиваются его, но въ то же время порождаютъ и развиваются новый рядъ «условій», ведущихъ къ устраниенію запаса и неразрывно связан-наго съ нимъ капиталистического производства. У Маркса всѣ нормы мѣновыхъ отношеній товарного міра и всѣ вообще соціальные законы отнюдь не представляютъ изъ себя абсолютныхъ предписаній какой-либо верховной силы, но всегда и всецѣло подходятъ подъ условную формулу Кропоткина: «если имѣются на лицо такія-то условія, то происходитъ то-то». При этомъ даже тѣ положенія, которыя были установлены буржуазными эко-номистами классической школы и приняты Марксомъ безъ существенныхъ измѣненій, пріобрѣтаютъ у него, не-смотря на тожество содержанія, совершенно иной смыслъ, располагаются въ совершенно новой перспективѣ. Тамъ, гдѣ классическая школа ставила точку, доходила до ос-новного, по ея мнѣнію, фундамента всякаго возможнаго общежитія, Марксъ ставить вопросительный знакъ; для него именно здѣсь и начинается самая важная область изслѣдованія: изслѣдованіе направленій, или тенденцій развитія, ведущихъ данный общественный строй къ раз-

ложению и замѣнѣ новымъ. Марксъ не только самъ былъ чуждъ стремленію разыскивать вѣчные и незыблемые устои общества, но впервые съ полной отчетливостью раскрылъ ненаучный «фетишистический» характеръ всѣхъ «законовъ», которые до него господствовали въ политической экономіи.

Все то, что Кропоткинъ говорить о метафизичности буржуазной политической экономіи, было въ свое время несравненно сильнѣе и доказательнѣе сказано Марксомъ. Тѣмъ не менѣе, Кропоткина совершенно не удовлетворяетъ соціалистическая критика буржуазной науки.— «Соціалистическая политическая экономія», пишеть онъ, «хотя и критикуетъ нѣкоторые изъ этихъ выводовъ, или нѣсколько иначе истолковываетъ другіе, но своего пути она еще не проложила, она все еще остается въ старыхъ рамкахъ»¹).

Каковъ же долженъ быть этотъ новый путь? Политическая экономія должна, по мнѣнію Кропоткина, «занять по отношенію къ человѣческимъ обществамъ такое же положеніе въ наукѣ, какое занимаетъ физіология по отношенію къ животнымъ и растеніямъ». «Физіология растеній (физіология питанія, размноженія) изучаетъ, какими приспособленіями пользуются растенія, чтобы достичь наибольшихъ результатовъ (сохраненіе особи и вида) при наименьшей затратѣ энергіи»²). Политическая экономія должна быть физіологіей общества. «Она должна поставить себѣ цѣлью изученіе потребностей общества и разнообразныхъ средствъ, употребляемыхъ (и употреблявшихся) для ихъ удовлетворенія; разобрать насколько они цѣлесообразны; а затѣмъ, — такъ какъ конечная цѣль всякой науки (это высказалъ уже Бэконъ) ея практическое

¹⁾ Совр. наука и анархизмъ, стр. 35.

²⁾ Авархія, стр. 24.

приложение къ жизни—заняться изысканиемъ средствъ удовлетворенія этихъ потребностей съ наименьшою бесполезною тратою труда (съ наибольшою его экономіею) и съ наибольшою пользою для человѣчества»¹⁾.

Но позвольте, вѣдь физіология растеній изучаетъ тѣ, и только тѣ приспособленія, которыми растенія уже пользуются въ борьбѣ съ природой. Что сказали бы мы о физіологии, если бы онъ, исходя изъ мысли, что «конечная цѣль науки—приложение къ жизни», стала изобрѣтать идеальные приспособленія, которыми растенія должны воспользоваться, чтобы достигнуть наибольшей теоретически мыслимой экономіи силъ. Всякій, конечно, согласится, что построение идеальныхъ, «должныхъ» типовъ растеній не имѣеть ничего общаго съ наукой. А между тѣмъ именно такими идеальными построеніями и рекомендуется Кропоткинъ заняться политической экономіи. Ученіе о томъ, какъ использовать современную технику «съ наибольшей пользой для человѣчества», было бы наукой лишь въ томъ случаѣ, если бы при данномъ общественномъ строѣ, «наибольшая польза всего человѣчества» была дѣйствительной задачей общественного производства. Но, какъ известно, дѣйствительнымъ назначеніемъ современного производства является созиданіе прибыли для капиталиста; что же касается удовлетворенія человѣческихъ потребностей, то, поскольку дѣло идетъ о рабочихъ, оно сводится къ возстановленію рабочей силы; да и это послѣднее есть отнюдь не цѣль, а необходимое условіе капиталистического производства, неизбѣжное зло, съ которымъ капиталистъ вынужденъ мириться. «Политическая экономія» (вѣрнѣе, соціальная технологія) Кропоткина могла бы быть наукой только въ соціалистическомъ обществѣ. Въ настоящее время научное отношеніе

¹⁾ Совр. наука и анархизмъ, стр. 35.

къ соціалистической проблемѣ можетъ заключаться лишь въ уясненіи тѣхъ тенденцій развитія, которые подгото-вляютъ почву для соціалистического переворота, а не въ техническихъ совѣтахъ будущему обществу.

Съ «научностью» Кропоткина произошла на нашихъ глазахъ метаморфоза, характерная, какъ мы уже упоминали, для раціонализма вообще. Раціоналисты являются ярыми сторонниками позитивной науки о природѣ; въ области естествознанія они строжайшіе эмпірики, тща-тельно очищающіе свои взгляды отъ малѣйшихъ слѣдовъ метафизики. Но какъ только раціоналистъ начинаетъ примѣнять эту естественно-научную точку зренія къ общес-твеннымъ отношеніямъ, отъ индуктивной науки остается одна терминологія; методъ ея куда-то исчезаетъ; на мѣсто законовъ сущаго, становятся предписанія должна. Метафизичность этихъ моральныхъ декретовъ, конечно, ничуть не уменьшается отъ того, что въ данномъ случаѣ ихъ источникъ — не деспотическая воля какого-либо авторитарного божества, а свободный духъ просвѣщенаго и гуманнаго раціоналиста. — Эта наивная, непроизволь-ная подмѣна индуктивной науки этической метафизи-кой неизбѣжна для раціоналиста. Не забудемъ, что исповѣдуемые имъ соціальные принципы не лежать до сихъ поръ въ основѣ общежитія исключительно благодаря недостаточной просвѣщенности всего человѣчества или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе значительной «народной» его части. Изслѣдователь «законы», покоящіеся на невѣжествѣ однихъ и безсовѣтности другихъ — трудъ слишкомъ непри-влекательный, да къ тому же по существу своему без-плодный. Для осуществленія принциповъ, проповѣдуемыхъ раціоналистомъ, детальное изученіе современнаго несо-вершенного общества излишне. Между законами, выте-кающими изъ невѣжества, и формами жизни, соотвѣт-ствующими просвѣщенію, нѣть никакой внутренней зави-

симости или связи. Разъ человѣчество достаточно просвѣтилось, оно зачеркивает свое нелѣпое и безмысленное прошлое и перестраиваетъ жизнь на новыхъ «разумныхъ» освованіяхъ. Результатъ этого переворота извѣстенъ априори, онъ диктуется правильно понятымъ «идеаломъ» общежитія; и было бы, конечно, нелѣпо предположить, что содержаніе разумнаго идеала хоть сколько-нибудь опредѣляется уродливыми отношеніями эпохи неразумія.

Интересъ къ подробностямъ организаціи несправедливаго и неразумнаго строя настолько чуждъ раціоналисту, что онъ не въ состояніи даже допустить возможность такого интереса въ другихъ людяхъ. Если, напр., соціалистъ обстоятельно изслѣдуетъ современныя «несправедливыя» отношенія, указывая на ихъ неизбѣжность и закономѣрность въ капиталистическомъ строѣ, то онъ уже возбуждаетъ подозрѣніе въ своей искренности.

Доказывать закономѣрность несправедливости и неразумія, хотя бы лишь при данныхъ условіяхъ, значить, по мнѣнію раціоналиста, «оправдывать» несправедливость. Интересную съ этой точки зрѣнія полемику съ Марксомъ находимъ мы у Кропоткина. Дѣло идетъ о квалифицированномъ трудѣ и его высокой оплатѣ сравнительно съ простымъ трудомъ. «Укажутъ на буржуазныхъ экономистовъ», пишетъ Кропоткинъ, «а также на Маркса, чтобы доказать, что градація заработныхъ платъ имѣеть свой смыслъ, потому что «сила труда» (т. е. рабочая сила, В. Б.) инженера болѣе стоила обществу, чѣмъ «сила труда землекопа». Въ дѣйствительности «инженеръ, ученый и врачъ просто эксплуатируютъ свой капиталъ—свой дипломъ,—какъ буржуа эксплуатируетъ какую-нибудь фабрику». «Пусть же не говорять намъ объ «издержкахъ производства», которыхъ стоитъ сила труда, и о томъ, что студентъ, весело проведшій молодость въ

университетъ имѣть право на заработную плату въ десять разъ большую, чѣмъ сынъ землекопа, чахнущій въ шахтѣ, начиная съ одиннадцатилѣтняго возраста»¹⁾.

Трудно найти болѣе яркій примѣръ наивнаго раціоналистического смѣшенія науки и морали.—Марксъ просто констатировалъ, какъ фактъ, что въ капиталистическомъ обществѣ трудъ обученнаго оцѣнивается, какъ помноженный простой трудъ. О несправедливости такой оцѣнки, о томъ, что въ будущемъ обществѣ она должна быть уничтожена, онъ не имѣлъ основанія особенно распространяться, ибо это понятно само собой. Въ соціалистическомъ обществѣ, гдѣ среднее и высшее, общее и профессиональное образованіе становятся достояніемъ всѣхъ и каждого, квалификація труда невозможна. Монополія знанія исчезаетъ, воспитаніе любого гражданина стоить обществу одинаковыхъ затратъ, а потому различія въ оплатѣ труда различныхъ категорій просто неосуществимы на практикѣ, совершенно независимо отъ того, представляются ли онѣ съ той или другой точки зрењія справедливыми или несправедливыми, желательными или нежелательными. Но для Кропоткина всѣ эти соображенія не существуютъ. Марксъ устанавливаетъ закономѣрность, присущую квалификаціи труда въ современномъ обществѣ, онъ воздерживается отъ тирадъ морализирующего негодованія по этому поводу,—ясно, что онъ *оправдываетъ право инженера на заработную плату въ десять разъ большую по сравненію съ углекопомъ.*

Итакъ, въ двухъ направленіяхъ проявляется принципіальная противоположность между анархическимъ и соціальдемократическимъ отношеніемъ къ соціальной дѣятельности. Всякое объективное изслѣдованіе «законовъ» существующаго строя воспринимается анархистами

¹⁾ Завоеваніе хлѣба, стр. 154, 155.

съ одной стороны, какъ измѣна идеалу, какъ апология современаго зла, съ другой стороны, какъ ненужная, оторванная отъ жизни схоластика. Вся критика анархистовъ, всѣ ихъ опроверженія научности соціальдемократизма сводятся къ варіаціямъ этихъ двухъ основныхъ мотивовъ. Чрезвычайно характерна въ этомъ отношеніи брошюра Черкезова «Доктрины марксизма». Къ сожалѣнію, авторъ задался несчастной мыслью доказать, что Энгельсъ и Марксъ были не ученые и оригинальные мыслители, а невѣжественные plagiators, сумѣвшіе одурачить весь мірь, кромѣ г. Черкезова, который и взялъ на себя непріятную задачу вывести на чистую воду этихъ искусствныхъ обманщиковъ. Для наиболѣе полнаго и наиболѣе хлесткаго достижениія послѣдней цѣли авторъ прибѣгаєтъ къ такимъ наивнымъ, чисто словеснымъ аналагіямъ и сопоставленіямъ, что всякий хоть сколько-нибудь знакомый съ дѣломъ человѣкъ невольно начинаетъ видѣть въ брошюре умышленную спекуляцію на невѣжество читающей публики. Мы думаемъ однако, что въ большинствѣ случаевъ г. Черкезовъ является совершенно искренней жертвой тѣхъ недоразумѣній, которыми загромождена его брошюра,—мы думаемъ, что для него самого, какъ вѣрующаго анархиста, должны представляться несущественными и прямо-таки непримѣтными крупнѣйшія различія между Марксомъ и тѣми его предшественниками, которыхъ онъ, по мнѣнію г. Черкезова, обокралъ.

Возьмемъ для иллюстраціи такой кардинальный вопросъ, какъ учение о прибавочной цѣнности. Фактъ эксплуатациіи былъ, конечно, открытъ не Марксомъ. Что богачи живутъ на счетъ труда бѣдняковъ, было известно очень давно,—съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ фактически появились праздные богачи и работающіе на нихъ бѣдняки; тѣмъ не менѣе, раскрыть происхожденіе при-

были въ капиталистическомъ обществѣ удалось далеко не сразу. Физіократы считали, какъ известно, единственнымъ источникомъ прибавочной цѣнности производительную силу земли, отрицая производительный характеръ обрабатывающей промышленности. Позднѣйшіе экономисты классического и мелкобуржуазного направленія признавали уже не природу, а человѣческий трудъ источникомъ всякой цѣнности, а слѣдовательно, и прибавочной цѣнности; но происхожденіе послѣдней все-таки оставалось невыясненнымъ, такъ какъ подъ «цѣнностью труда» разумѣлась одновременно и цѣнность, произведенная трудомъ, цѣнность самого труда, т. е. его оплата; было ясно, что прибыль капиталиста есть разница между цѣнностью, произведенной трудомъ, и оцѣнкой труда, т. е. неоплаченный трудъ; но выходило такъ, что эта недоплата есть результатъ продажи труда ниже его дѣйствительной цѣнности; а такъ какъ въ капиталистическомъ обществѣ товары продаются, вообще говоря, по ихъ дѣйствительной цѣнности, то трудъ представлялся исключеніемъ изъ всѣхъ другихъ товаровъ, условія его продажи казались систематической «кражей». Марксъ впервые съ полной отчетливостью выяснилъ разницу между цѣнностью, создаваемою трудомъ рабочаго, и цѣнностью продаваемой послѣднимъ рабочей силы, впервые доказалъ, что продажа рабочей силы, а слѣдовательно, и образованіе прибавочной цѣнности совершаются не съ нарушеніемъ законовъ товарного обращенія, а, наоборотъ, на точномъ основаніи этихъ законовъ; источникъ прибыли не «кража», не надувательство рабочаго капиталистомъ при обмѣнѣ, а «честная» торговая сдѣлка, продажа рабочей силы по ея полной цѣнности, опредѣляемой совершенно такъ же, какъ цѣнность любого иного товара.

Этотъ теоретическій анализъ имѣть огромные практическіе результаты. Въ самомъ дѣлѣ, если источникъ

прибыли—производительная сила земли, то, очевидно, для устраненія эксплуатациі достаточно отдать въ руки общества распоряженіе этой производительной силой, т. е. объявить землю или, по крайней мѣрѣ, земельный доходъ (ренту) національной собственностью и обратить полученные такимъ образомъ средства на покрытие общественныхъ потребностей. На этой точкѣ зреѣвія и стоять, какъ известно, сторонники націонализациі земли.—Если прибыль есть кража, нарушеніе законовъ обмѣна при продажѣ товара «трудъ», то весь соціальный вопросъ сводится къ борьбѣ съ этимъ видомъ воровства; нѣтъ, значитъ, никакой надобности уничтожать товарное производство, достаточно его *регулировать*, т. е. изобрѣсти мѣропріятія, обезпечивающія рабочимъ полное вознагражденіе за трудъ. Къ этому и сводится проектъ Прудона «конституировать» цѣнность, упорядочивъ товарное обращеніе при помощи національного банка. — Наконецъ, разъ выяснена неразрывная связь между самыми основами товарно-капиталистического хозяйства и эксплуатацией, то тѣмъ самымъ доказана невозможность устраненія послѣдней до тѣхъ поръ, пока существуетъ товарное производство въ какой бы то ни было формѣ. Послѣ Маркса стремиться къ освобожденію пролетаріата отъ эксплуатациі—значить стремиться къ уничтоженію анархического рынка и къ планомѣрной, непосредственно общественной организациі производства и распределенія.

Уже изъ сказаннаго ясно, какая глубокая,—не то что разница, а прямо таки пропасть лежитъ между учениемъ Маркса о прибавочной цѣнности со всѣми вытекающими изъ него выводами и соотвѣтственными ученіями Прудона и физіократовъ. Но ничего этого не видитъ г. Черкезовъ. Съ неподражаемымъ по своему непроизвольному комизму задоромъ уличаетъ онъ Маркса въ томъ, что послѣдній укралъ свою теорію прибавочной цѣнности

и у фізіократа Тюрго, и у Прудона, и еще у цѣлой массы экономистовъ самыхъ разнообразныхъ направлений: у Дж. Ст. Милля, Томсона, А. Смита, Бланки, Рикардо и т. п. Въ приводимыхъ авторомъ цитатахъ подчеркнуты слова, свидѣтельствующія, что цитируемые писатели относились къ факту эксплуатации неодобрительно, квалифицируя его, какъ «насилье», «обманъ», «кражу», «нажаденный трудъ» и т. п. Что источникъ «кражи», ея соціальную роль упомянутые экономисты опредѣляютъ далеко неодинаково, и ни одинъ изъ нихъ не опредѣляетъ ее такъ, какъ Марксъ,—эта несущественная подробность совершенно исчезаетъ изъ поля зрења почтенаго анархиста.

Приемы анализа научныхъ системъ сведены здѣсь къ той классической упрощенности, какая, по свидѣтельству Гоголя, господствовала при принятіи казаковъ, впервые вступавшихъ въ запорожскую сѣчь: «въ Бога вѣруешь?—А ну, перекрестись!»—и, если новоприбывшій вѣровалъ и крестился, онъ уже считался добрымъ казакомъ. Такъ и тутъ: «Эксплуатацию ненавидишь?—А ну, выругайся». Кто хлестко выругался, тотъ и добрый революціонеръ. Жаль только, что г. Черкезовъ, ослѣпленный своей ненавистью къ Марксу, не замѣтилъ, что съ такимъ же успѣхомъ онъ могъ бы уничтожить любого изъ тѣхъ предшественниковъ и современниковъ Маркса, которыхъ онъ противопоставляетъ этому «діалектическому» plagiarому, въ качествѣ серьезныхъ «индуктивныхъ» ученыхъ. Вѣдь если теорія прибавочной цѣнности Маркса тождественна со всѣми другими, указанными авторомъ, то, очевидно, и эти послѣднія также тождественны между собой. Если Марксъ укралъ свою теорію одновременно у Тюрго, Прудона, Милля, Рикардо, то, очевидно, Прудонъ, Милль, Рикардо въ свою очередь обокрали Тюрго и другъ друга. Да и можно ли считать фізіократовъ творцами ученія о

прибыли? Вѣдь еще Августинъ блаженный рѣзко осуждалъ прибыль и процентъ и громилъ эксплуататоровъ въ рѣчахъ, по своей сосредоточенной силѣ и неподдѣльному паѳосу далеко превосходящихъ фразеологію современаго анархизма!

Совершенно въ томъ же духѣ ведется анархистами критика материалистического пониманія исторіи. Анархистамъ нравится въ историческомъ материализмѣ только одно, а именно: утвержденіе, что экономическая структура общества опредѣляетъ собой политический строй. Своеобразно упрощая это положеніе, анархисты формулируютъ его такъ: «экономическія перемѣны предшествуютъ политическимъ» и создаютъ, такимъ образомъ, несокрушимый, по ихъ мнѣнію, аргументъ противъ политической программы соціальдемократіи. «Какимъ образомъ можете вы стремиться къ захвату государственной власти, какъ орудію соціалистического переворота, если по вашему же собственному ученію политический переворотъ можетъ быть только результатомъ экономического?»—побѣдоносно заявляютъ анархисты. Не трудно однако убѣдиться, что побѣдоносность эта всецѣло опирается на подмѣну понятій. «Опредѣлять» и «обусловливать» еще не значить непремѣнно «предшествовать». Опредѣляющее можетъ и совпадать съ опредѣляемымъ во времени,— причемъ въ рассматриваемомъ случаѣ все зависитъ отъ конкретныхъ особенностей даннаго соціального процесса. Можетъ ли соціалистическое переустройство производства совершиться ранѣе соответственного политического переворота, или же производственная революція неизбѣжно должна совпасть съ политической и реализоваться именно въ формѣ политической революціи,—этотъ вопросъ рѣшается не примѣнениемъ голой общей формулы, а анализомъ тѣхъ реальныхъ тенденцій, которыя подготавливаютъ соціалистический переворотъ. Впрочемъ, и сами анархисты

далеки отъ мысли, что экономическая революція будетъ предшествовать политическому перевороту, т. е. совершился въ рамкахъ современного политического строя; и у нихъ политическая революція сопровождается экономической и служить ея орудіемъ; но она мыслится не какъ примѣненіе государственной организаціи для создания соціализма, а какъ полное и немедленное уничтоженіе государства въ первый же день коммунистического возстанія. Такимъ образомъ, центръ разногласія сводится къ различному представленію о *формѣ* грядущаго политического переворота,—и поскольку эта форма также опредѣляется «экономикой» даннаго периода, постольку именно анархисты забываютъ здѣсь о первородствѣ экономики и, какъ мы покажемъ впослѣдствіи, декретируютъ политическія отношенія упрочившагося соціализма для периода обостренной борьбы за соціализмъ.

Въ остальномъ критика исторического материализма носить тотъ же характеръ, какъ и критика политической экономіи Маркса.

На первомъ планѣ моральное осужденіе. Разбирая неразрывно связанную съ историческимъ материализмомъ теорію классовой борьбы, г. Черкезовъ находитъ, что она есть «реакція противъ соціализма». Соціалисты—Овэнъ, Сенъ-Симонъ, Фурье—противопоставляли историческимъ классамъ съ ихъ интересами «идеаль» безклассового общества,—Марксъ самую борьбу за соціализмъ рассматриваетъ, какъ борьбу опредѣленного класса. Г. Черкезовъ чрезвычайно недоволенъ этой безнравственной «проповѣдью» классовой борьбы. «Не шагъ ли это назадъ къ буржуазнымъ идеаламъ», восклицаетъ онъ,—«вѣдь бороться классы могутъ за самые разнообразные интересы и даже предубѣжденія» и т. д. и т. п.

Съ другой стороны, марксистскій анализъ классового строенія общества непріятно поражаетъ анархиста своей

детальностью и скрупулезностью. «Самое понятие о классахъ и ихъ численности стало крайне смутнымъ», жалуется г. Черкезовъ,—«Марксъ насчитываетъ до 14 классовъ»...¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, къ чему такъ много? Для чего изслѣдовать, напр., противорѣчія интересовъ земельной аристократіи и промышленной буржуазіи, промышленной и финансовой буржуазіи и т. п.? Вѣдь все это эксплуататоры и насильники, вѣдь всѣ виды этихъ угнетателей подлежать немедленному искорененію въ первый же день соціалистической революціи! Къ чему, далѣе, раздѣлять мелкую ремесленную буржуазію и пролетариатъ, разъ не нынче завтра вспыхнетъ анархо-коммунистическое восстаніе, и всѣ недоразумѣнія между этими одинаково эксплуатируемыми группами прекратятся сами собой? «Въ настоящее время борются», по мнѣнію г. Черкезова, «не классы, а партіи, объединяющія подъ своимъ знаменемъ людей различныхъ классовъ». «Понятие о классѣ уступило мѣсто принципамъ, идеаламъ». ²⁾ Мы знаемъ, что анархизмъ насчитываетъ такихъ идеаловъ два: идеалъ эксплуататоровъ-насильниковъ и идеалъ угнетенного народа—этого при рожденного, хотя и безсознательного анархиста-коммуниста. Къ этой элементарной противоположности и сводятся для анархиста всѣ заслуживающія вниманія соціальная противорѣчія. Не даромъ г. Черкезовъ въ поискахъ за источниками Марковскихъ плагиатовъ нападаетъ между прочимъ на счастливую мысль, что теорія классовой борьбы украдена Марксомъ у Бланки, формулировавшаго свой взглядъ въ слѣдующихъ выраженияхъ: «шагъ за шагомъ прослѣдилъ я всѣ историческія событія... неизмѣнно въ нихъ участвовали только двѣ партіи: одна—людей, желающихъ жить своимъ трудомъ, другая—стремящихся жить трудомъ другихъ»...³⁾

¹⁾ Доктрины марксизма, стр. 24.

²⁾ Доктрины марксизма, стр. 25.

³⁾ Доктрины марксизма стр. 27.

Какъ и теорія прибавочной цѣнности, теорія классовой борьбы одобряется анархистами лишь постольку, поскольку она даетъ поводъ высказать моральное негодованіе по адресу эксплуататоровъ. «А что сверхъ сего, отъ лукаваго».

Итакъ, всегда и вездѣ отношеніе анархистовъ къ соціальной наукѣ характеризуется двумя указанными выше особенностями: 1) крайнимъ упрощеніемъ вопроса и 2) моральнымъ заподозриваніемъ тѣхъ лицъ, которые къ такому упрощенію не склонны. Мы считаемъ нелишнимъ еще разъ отмѣтить, что обѣ эти особенности вытекаютъ отнюдь не изъ индивидуальныхъ свойствъ того или другого анархиста, но изъ самыхъ основъ анархистскаго міросозерцанія. Дѣло здѣсь не въ невѣжествѣ или недобросовѣстности. Люди несомнѣнно просвѣщенные, съ тонкимъ аналитическимъ умомъ и не подлежащею сомнѣнію добросовѣстностью, каковъ, напр., Э. Реклю, становятся поверхностными и вульгарными въ области обществознанія. Чтобы ясно и тонко разграничить данное явленіе стъ всѣхъ другихъ, недостаточно имѣть общую способность различенія,— для этого данное явленіе, какъ таковое, должно вызвать къ себѣ специфическій интересъ, должно фиксировать на себѣ вниманіе, должно «выдѣлиться» изъ окружающей среды (*«sich abheben»*), какъ говоритъ Авенариусъ. Но именно возникновенію такого специфического интереса къ явленіямъ современаго грѣшнаго строя и мѣшаетъ анархистское міросозерцаніе.

Достается историческому материализму также и за его «діалектичность».

«Мы много слышали,— пишетъ Кропоткинъ,— о «діалектическомъ методѣ», который рекомендовался для обоснованія соціалистического идеала. Мы такого метода не признаемъ, какъ его не признаетъ и все современное

естествознаніе. Современному естествоиспытателю «діалектическій методъ» напоминаетъ о чёмъ-то давно прошедшемъ, давно пережитомъ наукою. Открытия девятнадцатаго вѣка въ механикѣ, физикѣ, химіи, біологіи, физической психологіи, антропологіи и такъ далѣе были сдѣланы не діалектическимъ методомъ, а методомъ естественно-научнымъ, — индуктивно-дедуктивнымъ. А такъ какъ человѣкъ — часть природы, и такъ какъ его «духовная» жизнь, какъ личная, такъ и общественная — такое же явленіе природы, какъ и ростъ цвѣтка, или умственное развитіе муравья и его общественной жизни, то нѣть причины мѣнять методъ изслѣдованія, когда мы переходимъ отъ цвѣтка къ человѣку, или отъ поселенія бобровъ къ человѣческому городу»¹⁾.

Этотъ единственно научный, одинаковый для бобровъ и для людей методъ и лежитъ въ основѣ коммунистического анархизма. Но, къ сожалѣнію, не только его одного: какъ известно, тотъ же методъ, и съ такою же непререкаемою увѣренностью въ его научности, примѣняли къ анализу общественного развитія многочисленные буржуазные «дарвинисты», «спенсеристы» и т. п., приходя къ результатамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ анархическимъ коммунизмомъ. Кропоткинъ, конечно, очень недоволенъ этими изслѣдователями. По его мнѣнію, они односторонне поняли Дарвиновскую «борьбу за существование», принявъ за доказанное, что сохраненію вида всего болѣе благопріятствуетъ ожесточенная борьба всѣхъ противъ каждого и вытѣсненіе слабыхъ сильными. Кропоткинъ напоминаетъ, что самъ Дарвинъ писалъ въ «Происхожденіи человѣка»: «Тѣ животные виды, среди которыхъ наиболѣе развиты чувства взаимной симпатіи и общественности, имѣютъ наибольшіе шансы сохранить свое

¹⁾ Совр. наука и анархизмъ, стр. 27, 28.

существование и оставить по себѣ многочисленное потомство». — Если бы буржуазные дарвинисты не забыли о благодѣтельности для человѣческаго вида «чувствъ взаимной симпатіи», если бы они подъ угломъ зрењія этихъ чувствъ оцѣнивали формы общежитія, они неизбѣжно пришли бы къ коммунистическому анархизму, который такимъ образомъ и является единственнымъ послѣдовательнымъ результатомъ правильнаго примѣненія научнаго метода къ соціальной жизни.

Не трудно замѣтить, что эта критика, какъ и всякая вообще анархическая критика, сводится въ сущности къ голому морализированію.

Интенсивное развитіе соціальныхъ чувствъ и соціальныхъ связей безспорно полезно для сохраненія вида. Для всякаго животнаго вида теоретически можно представить себѣ такую систему соціальныхъ связей, при которой видъ сохранялся бы лучше, нежели при разрозненной индивидуальной борьбѣ за жизнь. И тѣмъ не менѣе, фактически развитіе вида далеко не всегда приводить къ расширенію соціальныхъ связей. Извѣстно, напр., что общественные чувства проявляются среди травоядныхъ животныхъ, имѣющихъ всегда передъ собою болѣе или менѣе обильный запасъ пищи, но они совершенно — или почти совершенно — чужды хищникамъ, вынужденнымъ ожесточенно конкурировать изъ-за добычи. Конечно, и для тигровъ система планомѣрного сотрудничества, основанная на взаимной симпатіи, была бы въ высшей степени полезна, — однако на практикѣ эта польза неосуществима уже по одному тому, что соответственные чувства не могутъ сразу охватить всѣхъ тигровъ, а единичныя уклоненія въ сторону соціальности у отдельныхъ представителей вида, принесли бы этимъ послѣднимъ только вредъ, способствовали бы не выживанію, а вымиранию ихъ. Не всѣ теоретически мыслимыя полез-

ные приспособленія могутъ быть усвоены видомъ; характерные для даннаго вида способы борьбы за жизнь и сложившіеся на этой почвѣ отношенія между отдѣльными его представителями опредѣляютъ, какія именно приспособленія усвояемы въ каждомъ данномъ случаѣ, куда ведетъ тенденція развитія вида.

Но тѣ общія методологическія соображенія, которыя справедливы по отношенію къ виду «тигръ», примѣнимы и къ развитію вида «человѣкъ». И здѣсь ссылка на полезность соціальныхъ симпатій вообще представляеть лишь невинное благопожеланіе, моральноеувѣщаніе заблудшаго человѣчества и не имѣть ничего общаго съ опроверженіемъ буржуазно-дарвинистскаго или какого нибудь иного пониманія общественнаго развитія. Для того, чтобы это благопожеланіе пріобрѣло реальное значеніе, необходимо доказать, что данная форма соціальныхъ симпатій или соціальныхъ связей диктуется дѣйствительной тенденціей общественнаго процесса, т. е. находить себѣ все болѣе и болѣе прочную почву по мѣрѣ того, какъ подъ дѣленіемъ объективныхъ условій борьбы за жизнь мѣняется структура даннаго общества. Именно такъ и ставится вопросъ для ненаучнаго исторического материализма,— въ то время, какъ истинно научный «индуктивно-дедуктивный» методъ претерпѣлъ, какъ мы только что видѣли, свое обычное превращеніе въ нормативную морализирующую метафизику.

Противопоставленіемъ исторического материализма, какъ «метафизики», естественно-научному методу занимаются далеко не одни анархисты. На этой струнѣ не устаютъ наигрывать противники соціальдемократіи изъ разныхъ лагерей. Человѣчество есть часть животнаго міра; поэтому общіе «біологическіе» методы должны быть примѣнимы и къ анализу человѣческаго развитія; исторический материализмъ не имѣть ничего общаго съ

естественной наукой, это—метафизическая схема; — таково весьма распространенное мнѣніе.

Между тѣмъ въ дѣйствительности историческій материализмъ, несмотря на свою «гегеліанскую», метафизическую виѣшность, не только не противорѣчить «біологическому» методу Дарвина, но какъ разъ и предсталяетъ изъ себя примѣненіе этого метода къ человѣческому общежитію, и притомъ примѣненіе несравненно болѣе послѣдовательное, несравненно болѣе вѣрное духу дарвинизма, нежели большинство специально «дарвинистскихъ» соціологическихъ построеній.¹⁾

У соціологовъ-«дарвинистовъ» формы развитія всякаго человѣческаго общества отожествляются обыкновенно съ формами борьбы, свойственными товарно-капиталистическому обществу, и на первый планъ выступаетъ соперничество конкурирующихъ между собою индивидуумомъ, какъ источникъ всякаго мыслимаго прогресса. При этомъ оказываются совершенно неразрѣшимыми вопросы: почему же въ другія эпохи господствовали иныя формы борьбы за жизнь? что именно вызываетъ смѣну этихъ формъ? и т. п. Между тѣмъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ есть, очевидно, первая и основная задача всякой соціальной теоріи.

Согласно историко-материалистической теоріи, основу соціального развитія составляетъ ростъ производительныхъ силъ. Новые методы приложения труда и соответствующія имъ формы экономического строя могутъ вытѣснить старые лишь въ томъ случаѣ, если они несутъ съ собою повышеніе производительности труда, т. е. уменьшаютъ количество человѣческой энергіи, необходимой

1) Само собою разумѣется, мы отнюдь не утверждаемъ, что основатели теоріи исторического материализма почерпнули свои идеи у Дарвина. Историческій материализмъ везникъ, какъ известно, гораздо раньше дарвинизма. Дѣло идетъ здѣсь не о заимствованіи, а о принципіальномъ единствѣ двухъ совершенно независимо развившихся методовъ изслѣдованія въ двухъ самостоятельныхъ сферахъ изслѣдованія.

мой для производства данныхъ средствъ существованія. Такимъ образомъ, уменьшеніе энергіи, затрачиваемой на производство единицы предметовъ потребленія данной категоріи, или пониженіе *трудовой стоимости* предметовъ потребленія есть наиболѣе общій результатъ и въ то же время объективный регуляторъ человѣческаго прогресса, причемъ субъективно этотъ регуляторъ можетъ вовсе не восприниматься людьми, дѣйствовать въполномъ смыслѣ «за ихъ спиной», или же восприниматься въ искаженной «фетишистической» формѣ.

Не трудно убѣдиться, что въ примѣненіи къ человѣческому обществу «развитіе производительныхъ силъ» составляетъ основу тѣхъ «приспособленій къ средѣ», которыя по Дарвину подхватываются и упрочиваются естественнымъ отборомъ, обусловливаютъ прогрессъ въ мірѣ растеній и животныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія именно измѣненія органовъ обеспечиваютъ данному организму и его потомству преимущества въ борьбѣ за жизнь по сравненію съ другими представителями того же вида? Въ общемъ и цѣломъ къ этому приводятъ лишь тѣ измѣненія, благодаря которымъ организмъ въ состояніи, при прочихъ равныхъ условіяхъ, поддерживать свое существованіе съ меньшими затратами энергіи, нежели его сородичи; такимъ образомъ, и здѣсь результатъ и мѣра прогресса—производительность борьбы за жизнь.

И какъ въ животномъ, такъ и въ человѣческомъ мірѣ прогрессъ отнюдь не является силой, дѣйствующей самопроизвольно—закономъ, присущимъ самой природѣ организма или общества.

Въ растительному и животному царствѣ прогрессъ есть результатъ совмѣстного дѣйствія трехъ факторовъ: измѣнчивости организмовъ, наследственной передачи приобрѣтенныхъ измѣненій и интенсивнаго размноженія. Нѣть никакого закона, заставляющаго организмы выра-

батывать именно полезныя измѣненія. Подъ вліяніемъ безчисленныхъ перекрещивающихся воздействиій среды измѣненія организаціи, уклоненія ея отъ родительского типа совершаются въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ: какъ полезныхъ, такъ и вредныхъ съ точки зре-
нія экономіи силъ въ борьбѣ за жизнь. И всѣ эти измѣненія въ той или иной степени могутъ передаваться потомству. До тѣхъ поръ, пока представители даннаго вида находятъ болѣе или менѣе обильный запасъ пищи и вообще сравнительно легко могутъ поддерживать свое существованіе, никакого односторонняго преобразованія по линіи прогресса не происходитъ; видъ расчленяется, дифференцируется по всевозможнымъ, какъ полезнымъ, такъ и вреднымъ линіямъ. Однако, интенсивное размноженіе быстро кладетъ конецъ такому положенію вещей. По мѣрѣ возрастанія числа представителей вида, борьба за жизнь требуетъ отъ каждого изъ нихъ все большей и большей затраты силъ. Въ концѣ концовъ территорія оказывается *перенаселенной* организмами даннаго вида: послѣднихъ имѣется налицо больше, чѣмъ можетъ прокормить занятая ими площадь. Вотъ тутъ-то—когда борьба за существованіе требуетъ наивысшаго напряженія энергіи—пріобрѣтаютъ огромное значеніе «полезныя» уклоненія отъ господствующаго типа, даже самыя ничтожныя. Всѣ менѣе приспособленные гибнутъ, малѣйшія преимущества по сравненію съ среднимъ уровнемъ даютъ уже шансы на болѣе продолжительное существованіе и болѣе многочисленное потомство. Только на почвѣ перенаселенія естественный отборъ вступаетъ въ свои права, направляя въ односторонне прогрессивномъ духѣ свободную игру «случайныхъ» измѣненій, отсѣкая косою смерти все «неприспособленное», подхватывая и развивая въ ряду послѣдовательныхъ поколѣній всякия «полезныя» приспособленія.

Существенная особенность развитія человѣческаго общества обусловливается тѣмъ, что люди воздѣйствуютъ на окружающую среду не голыми, а вооруженными органами. «Человѣкъ есть животное, употребляющее орудія». Изобрѣтеніе новыхъ орудій труда и вообще новыхъ методовъ и пріемовъ производства играетъ въ исторіи человѣчества ту же самую роль, которая въ животномъ и растительномъ мірѣ принадлежитъ измѣненіямъ въ самихъ органахъ. При этомъ человѣческое изобрѣтеніе далеко не всегда есть продуктъ сознательной планомѣрной дѣятельности, одушевленной идеей прогресса; зачастую оно—аналогично прогрессивнымъ измѣненіямъ животнаго или растительного организма—является одною изъ тѣхъ «случайныхъ» комбинацій, въ которые человѣкъ соединяетъ предметы природы съ самыми разнообразными цѣлями, иногда просто ради забавы, игры. Такъ, напримѣръ, въ періодъ охотничьяго хозяйства человѣкъ «ради забавы» приручилъ рядъ дикихъ животныхъ, что впослѣдствіи (при переходѣ къ скотоводству) позволило ему во много десятковъ разъ увеличить производительность своего труда; ради забавы же онъ началъ разводить растенія задолго до того, какъ земледѣліе стало источникомъ его существованія. То же самое можно сказать и о многихъ другихъ великихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ.

Что касается *примѣненія* къ дѣлу уже найденныхъ изобрѣтеній, то и здѣсь, какъ мы указывали, разбирая Кропоткинскую «физіологію общества», не существуетъ силы, направляющей человѣчество по кратчайшей линіи теоретически мыслимаго прогресса. Не всякія открытія, способныя повысить производительность труда, могутъ, вообще говоря, быть усвоены обществомъ. Однако условія, опредѣляющія прогрессивное развитіе общества, нѣтъ возможности формулировать въ такомъ

общемъ видѣ, какъ для растеній и животныхъ. Дѣло въ томъ, что перемѣны въ строеніи организмовъ совершаются обыкновенно лишь съ чрезвычайною медленностью; ростъ производительности жизненной борьбы, вызываемый прогрессивными измѣненіями органовъ у растеній и животныхъ, ни въ коемъ случаѣ не въ состояніи компенсировать то ухудшеніе условій борьбы, которое создается размноженіемъ вида. Поэтому растительные и животные организмы всегда стремятся перейти границу максимальной при данныхъ обстоятельствахъ густоты разселенія; перенаселеніе является здѣсь постояннымъ факторомъ, регулирующимъ поступательный ходъ развитія. Наоборотъ, измѣнчивость орудій человѣческаго труда не ограничена никакими рамками. Примѣненіе вновь открытыхъ методовъ производства способно зачастую во много разъ и даже во много десятковъ разъ повысить производительность труда, способно, такимъ образомъ, надолго избавить общество отъ абсолютного перенаселенія. Въ человѣческомъ обществѣ перенаселеніе отнюдь не является поэтому такимъ всеобщимъ и неизменнымъ стимуломъ прогресса, какъ въ остальномъ мірѣ организмовъ. Абстрактный законъ размноженія существуетъ, говорить Марксъ, только для растеній и животныхъ; въ человѣческой исторіи каждая соціально-экономическая формація имѣеть свой собственный, еї только свойственный законъ размноженія. Каждая соціально-экономическая формація имѣеть и свою особенную «формулу прогресса», свой типъ развитія производительныхъ силъ.

VII.

Типы развитія производительныхъ силъ, характеризующіе натуральное, товарное и соціалистическое хозяйства.

Развитіе человѣческаго общества представляло чисто «біологический типъ» въ періодъ такъ называемаго нату-

рального хозяйства, т. е. въ тотъ періодъ, когда производство велось небольшими, вполнѣ самостоятельными группами лично связанныхъ между собою производителей, которые удовлетворяли собственнымъ трудомъ всѣ свои потребности.

Въ чистомъ видѣ натуральное хозяйство осуществлялось лишь въ рамкахъ первобытно-родового строя, который и является, такимъ образомъ, классической формой натурально-хозяйственной общественной организаціи. Представляя самодовлѣющее въ экономическомъ смыслѣ дѣло, родъ характеризуется отсутствиемъ какихъ-либо внутри-общественныхъ противорѣчій, какой-либо внутри-родовой борьбы. Общественно организованное, коммунистическое хозяйство регулировалось однако не «принципами», сознательно исповѣдуемыми людьми. Пріемы и способы производства и всѣ обусловленные ими общественные отношенія переходили изъ рода въ родъ въ застывшей, неподвижной формѣ непререкаемой традиціи. Они представлялись людямъ не свободно установленными «институтами», а совершенно неустранимыми, почти физически неизбѣжными формами жизни, въ которыхъ самое существованіе немыслимо. Человѣкъ былъ не «личностью», а органомъ недѣлимаго родового организма. Такъ, напримѣръ, обычай кровной родовой мести связывалъ данное дѣйствіе не съ индивидуумомъ, а съ обществомъ, къ которому послѣдній принадлежалъ,—въ отмщеніе за убійство уничтожался не его дѣйствительный виновникъ, а любой изъ равноцѣнныхъ съ нимъ органовъ виновнаго организма рода.

Понятное дѣло, что при такой прочности застывшихъ общественныхъ формъ, при полномъ отсутствіи какихъ-либо тенденцій, разлагающихъ эти формы изнутри, только могучее внѣшнее давленіе могло нарушать установившееся соціальное равновѣсие. Всякія изобрѣтенія, какіе бы гро-

мадные результаты въ смыслѣ повышенія производительности труда они ни сулили, могли добровольно усваиваться обществомъ лишь въ томъ случаѣ, если они укладывались въ рамки сложившихся формъ производства. Какъ мы уже упоминали, приученіе животныхъ и разведеніе растеній было известно первобытному человѣку задолго до появленія скотоводческаго и земледѣльческаго хозяйства. Въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ растенія и животныя разводились «для забавы», а единственнымъ источникомъ средствъ къ жизни по прежнему оставалась охота и рыбная ловля. И только тогда, когда, вслѣдствіе размноженія людей или вымирания дичи, для данного племени оказывалось абсолютно невозможнымъ прокормиться охотой на занятой имъ территоріи,—только тогда «забава» мало-по-малу, съ величайшими треніями превращалась въ «производство». Только подъ давленіемъ абсолютнаго перенаселенія земледѣліе и скотоводство отвоевывали себѣ почву, оттѣсняя на второй планъ охоту, видоизмѣнняя соответственно всѣ общественные отношенія. Насколько затруднительна перемѣна формъ хозяйства въ первобытно-родовой періодъ, видно изъ того, что кочевыя скотоводческія племена подъ давленіемъ земельной тѣсноты отнюдь не сразу переходятъ къ земледѣлію, во много разъ повышающему емкость территоріи; сначала они стараются обыкновенно вооруженной рукой пробить себѣ путь на новыя земли, переселяются иногда со своими стадами за многія тысячи верстъ, и только при абсолютной невозможности найти подходящую для кочевья землю медленно осѣдаютъ и превращаются въ земледѣльцевъ. Именно на этой почвѣ совершились тѣ массовыя передвиженія кочевниковъ, которые известны въ исторіи подъ именемъ «великаго переселенія народовъ». Во времена Цезаря, послѣ многолѣтнихъ странствованій германскія племена въ основной своей массѣ все еще

были кочевниками-скотоводами, занимаясь земледѣліемъ лишь случайно, урывками; и лишь съ того времени, когда римская имперія построила по линіи Рейна и Дунайя рядъ крѣпостей, остановившихъ потокъ варварского нашествія, когда переселяться было уже абсолютно некуда, среди германцевъ быстро стало упрочиваться земледѣліе.

Этотъ застойный консерватизмъ сложившихся общественныхъ формъ характеренъ и для позднѣйшей эпохи, когда натуральное хозяйство подъ напоромъ растущаго обращенія товаровъ, широкаго раздѣленія труда и обостренныхъ общественныхъ противорѣчій сдавало одну позицію за другой. Не малое упорство въ борьбѣ съ техническими изобрѣтеніями, несовмѣстимыми съ господствующей организаціей производства, проявляли, напримѣръ, средневѣковые ремесленные союзы,—цехи, которые работали на заказчиковъ и представляли, слѣдовательно, форму, промежуточную между производствомъ на неопределенный рынокъ и самопотребительнымъ натуральнымъ хозяйствомъ.

Итакъ, натуральному хозяйству присущъ тотъ же самый «законъ» развитія, какой господствуетъ въ животномъ и растительному мірѣ. Случайныя полезныя «уклоненія», случайно сдѣланныя изобрѣтенія—поскольку приложеніе ихъ требуетъ перемѣнъ въ методахъ хозяйства—вовсе не развиваются, а сохраняются въ зародышевой формѣ до тѣхъ поръ, пока есть хоть какая-нибудь возможность жить по старому. Абсолютная невозможность обеспечить себѣ существованіе при данномъ уровнѣ производительныхъ силъ—вотъ единственный стимулъ прогресса. Только на фонѣ абсолютнаго перенаселенія—и, слѣдовательно, спорадически—выступаетъ трудовая стоимость, въ качествѣ регулятора экономического развитія; при этомъ она ни въ коемъ случаѣ не является сознан-

тельнымъ принципомъ экономической дѣятельности человѣка, но направляетъ послѣднюю извѣ, какъ посторонній и враждебный человѣку «законъ природы».

Совершенно иная движуща сила направляютъ развиціе товарно-капиталистического общества. Не трудность добыванія, а трудность реализаціи уже готовыхъ предметовъ потребленія является здѣсь рѣшающимъ моментомъ. Соперничество товаровъ, выбрасываемыхъ производителями на неопределенный, неорганизованный «рынокъ» сбыта, стимулируетъ экономическій прогрессъ въ буржуазномъ обществѣ.—Побѣдить соперника на товарномъ ристалищѣ можно только путемъ пониженія цѣны товара; но для того, чтобы такая побѣда не оказалась Пирровой, чтобы она не разрушила предпріятія самого побѣдителя, пониженіе товарной цѣны не должно сопровождаться пониженіемъ прибыли изготавлиющаго товаръ капиталиста. *При прочихъ равныхъ условіяхъ* прибыль капиталиста тѣмъ выше, чѣмъ дешевле обходится ему самому изготавленіе товара, чѣмъ ниже его издержки производства, а издержки производства—опять таки *«при прочихъ равныхъ условіяхъ»*—тѣмъ ниже, чѣмъ меньше труда затрачено на изготавленіе товара. Казалось бы, въ товарномъ хозяйствѣ повышеніе производительности труда должно быть постояннымъ стремленіемъ производителей, неизмѣннымъ руководящимъ принципомъ ихъ хозяйственной дѣятельности. Въ дѣйствительности однако это не такъ. Дѣло въ томъ, что фактически далеко не всегда имѣется налицо то *«равенство прочихъ условій»*, при которомъ всякое повышеніе производительности труда въ предпріятіи выгодно для капиталиста. Невыгоднымъ можетъ оказаться техническое усовершенствованіе въ томъ случаѣ, если оно, повышая производительность труда, въ то же время удлиняетъ періодъ полнаго оборота капитала; еще чаще эта невыгода обусловливается необходимостью за-

мѣнить болѣе простой и, слѣдовательно, хуже оплачиваемый трудъ трудомъ обученнымъ, болѣе дорогимъ. Это послѣднее обстоятельство служитъ главнымъ тормазомъ техническаго прогресса въ капиталистическомъ строѣ; до тѣхъ поръ, пока цѣна рабочей силы стоитъ низко, техническія усовершенствованія, требующія примѣненія квалифицированного труда, вводятся весьма туго,—наоборотъ, повышеніе цѣнъ на рабочемъ рынке—въ силу ли уменьшенія безработицы или въ результатахъ побѣдоносной борьбы рабочихъ организаций—всегда даетъ толчокъ интенсивному техническому прогрессу.

Не всякия изобрѣтенія, не всякие методы, повышающіе производительность труда, фактически примѣняются въ капиталистическомъ строѣ; но какъ бы то ни было, здѣсь ростъ производительныхъ силъ значительно обгоняетъ ростъ населенія. Абсолютное перенаселеніе отходитъ въ область преданій, и мѣсто его заступаетъ «относительное перенаселеніе», выражющееся въ созданіи арміи безработныхъ, какъ «резервного фонда» капиталистического производства. Теперь люди умираютъ съ голоду не потому, что они не въ состояніи при данномъ уровнѣ техники производства добыть средства, необходимыя для жизни, но потому, что они находятся вообще внѣ производства, потому что для нихъ закрыта возможность приложить свои силы къ производительному труду. Не абсолютный недостатокъ предметовъ потребленія, а относительный избытокъ ихъ по сравненію съ покупательной способностью потребителей создаетъ критический моментъ въ развитіи производства, вызываетъ интенсивную перестройку сложившихся экономическихъ организаций.

Задача организаторовъ капиталистического производства—не повышеніе производительности труда, а повышеніе прибыли. Но для капиталиста прибыль вы-

ступаетъ прежде всего, какъ разница между цѣной произведенаго товара и цѣной затраченныхъ на его изгото-
вленіе средствъ производства. Поэтому трудовая стои-
мость, являющаяся мѣриломъ производительности труда,
становится постояннымъ регуляторомъ хозяйственнаго
развитія,—правда, не прямо и непосредственно, а въ
превращенной и искаженной формѣ рыночной цѣны.

Итакъ, при капитализмѣ — въ противоположность всѣмъ болѣе раннимъ хозяйственнымъ формамъ—разви-
тие производительныхъ силъ не встрѣчаетъ уже болѣе
никакихъ препятствій въ технической организаціи про-
изводства. Въ ремесленномъ цехѣ среднихъ вѣковъ, въ
древней земледѣльческой общинѣ, въ патріархальномъ
скотоводческомъ родѣ установившіяся формы раздѣленія
и сочетанія труда представляютъ тѣ прочныя, окостенѣ-
вшія границы, въ рамкахъ которыхъ только и можетъ
совершаться ростъ производительныхъ силъ. Наоборотъ,
въ капиталистическомъ обществѣ нѣть никакихъ заранѣе
установленныхъ предѣловъ для измѣненія технической
организаціи производства: всѣ теоретически возможные
типы сотрудничества и раздѣленія труда здѣсь одинаково
примѣнимы и дѣйствительно немедленно примѣняются
на практикѣ, разъ въ данномъ конкретномъ случаѣ этого
требуетъ основная задача капиталиста—повышение при-
были.

Отсюда вытекаютъ два важныхъ вывода по отноше-
нію къ соціалистическому производству будущаго.

1. Очевидно, что соціалистическое производство не
можетъ развиться путемъ постепенного «вростанія» въ
капитализмъ.

Какъ извѣстно, защитниками этой идеи вростанія
являются крайніе правые элементы соціалистическихъ и
крайніе лѣвые элементы буржуазныхъ партій. Соціализмъ,
по ихъ мнѣнію, возникаетъ уже въ нѣдрахъ капитали-

стическаго общества въ видѣ маленькихъ ячеекъ, въ видѣ отдельныхъ, немногочисленныхъ ассоціацій, основанныхъ на товарищескихъ началахъ. Мало-по-малу ассоціаціи эти завоевываютъ себѣ все болѣе и болѣе обширную арену дѣйствій, преобразовываютъ весь общественный строй, и такимъ образомъ соціализмъ овладѣваетъ обществомъ путемъ незамѣтнаго, безболѣзеннаго процесса мирной эволюціи. Любопытно, что и большинство анархистовъ, несмотря на всю свою революціонность, въ одѣнкѣ реформаторской роли свободныхъ ассоціацій вполнѣ сходятся съ защитниками идеи мирнаго соціального обновленія.

Теорія постепенного перерожденія капитализма въ соціализмъ построена по аналогіи съ тѣмъ процессомъ, при помощи которого средневѣковое хозяйство превратилось въ капиталистическое. Промышленный капитализмъ дѣйствительно «вросталъ» въ цеховое ремесло въ видѣ отдельныхъ, сначала ничтожныхъ вкрапленій, возникавшихъ въ порахъ и трещинахъ средневѣковой производственной организаціи. Капиталистическая предпріятія, стѣсняемыя средневѣковымъ законодательствомъ, основывались въ деревняхъ, гдѣ не было цехового ремесла, или ютились близъ крупныхъ центровъ за городской чертой, куда не распространялись цеховыя ограниченія. И по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія эти маленькия деревушки быстро превращались въ шумные населенные города, фабрики и мануфактуры предмѣстій вытѣсняли цеховое ремесло центра или вносили въ него элементы внутренняго разложенія. Подобно тому, какъ вода, забираясь въ поры гранита, разрываетъ его при замерзаніи на мелкіе кристалики,—капитализмъ, расширяясь въ порахъ средневѣкового строя, шагъ за шагомъ разрушалъ всѣ основы тогдашняго общежитія, подготавляя почву для новаго соціально-экономического уклада.—Почему была возможна такая эволюція? Да только потому, что каждое отдель-

ное капиталистическое предпріятіе было экономически сильнѣе всего цехового производства, взятаго въ цѣломъ. Примѣная техническія изобрѣтенія, повышающія производительность работы, капиталисты-предприниматели вводили соотвѣтственные формы сотрудничества и раздѣленія труда, которые для цеховъ были абсолютно недоступны, такъ какъ противорѣчили самой формѣ организаціи цехового производства. Никакого иного орудія борьбы съ капитализмомъ, кромѣ внѣшняго давленія законодательной власти не было у цеховъ; естественно, что, несмотря на юридическая препятствія, капитализмъ одерживалъ одну побѣду за другой, частью отѣсняя и разоряя цеховое ремесло, частью ассимилируя его себѣ, превращая богатыхъ ремесленниковъ въ настоящихъ капиталистовъ-предпринимателей.

Для соціализма такой путь развитія совершенно невозможенъ. Товарищескія ассоціаціи не въ состояніи усвоить себѣ такие методы производства, которые, повышая производительность труда, были бы въ то же время принципіально недоступны капиталистамъ, ибо такихъ методовъ вообще не существуетъ. Капиталистическая предпріятія ограничены въ примѣненіи техническихъ усовершенствованій лишь однимъ условіемъ: техническій прогрессъ долженъ сопровождаться повышеніемъ предпринимательской прибыли. Освободить себя отъ этого единственного ограниченія не можетъ и товарищеская ассоціація; она не можетъ продавать свои товары дороже, не можетъ тратить на расширеніе предпріятія меньшій процентъ, чѣмъ конкурирующіе съ ней капиталисты, такъ какъ въ противномъ случаѣ гибель ея неизбѣжна. «Ячейка соціализма», возникшая въ нѣдрахъ капиталистического общества, вынуждена бороться съ этимъ послѣднимъ его же собственнымъ оружиемъ, вынуждена руководствоваться законами капиталистического рынка. Въ результатѣ она

или убивается капиталистической конкуренцией, или, приспособившись ко всем требованиям товарного производства, превращается в капиталистическое предпрятие. Судьба «социалистическихъ» вкрапленій въ капитализмъ діаметрально противоположна судьбѣ капиталистическихъ предпріятій въ средневѣковомъ строѣ. Послѣдняя ассимилировали себѣ ту среду, въ которой возникали, первые, наоборотъ, неизбѣжно сами ассимилируются въ окружающей ихъ средѣ. Соціализмъ возможенъ — если онъ вообще возможенъ — не какъ постепенный ростъ внѣдренныхъ въ капитализмъ зачатковъ, а какъ одновременное переустройство по новому плану всего производственного цѣлага.

2. Второй выводъ, вытекающій изъ характера капиталистического развитія, заключается въ томъ, что новый строй сможетъ стать на смѣну капитализма лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ совершенно свободенъ отъ какихъ бы то ни было нормъ, ограничивающихъ развитіе производительныхъ силъ.

«Ни одна общественно-экономическая формациѣ не погибаетъ раньше, чѣмъ разовѣть всѣ доступныя для нея производительныя силы», — говоритъ Марксъ. Съ другой стороны, новый соціально-экономическій строй побѣждаетъ старый лишь тогда и лишь постъку, когда и поскольку онъ въ состояніи устранить тѣ тормазы въ развитіи производительныхъ силъ, которые въ извѣстный моментъ дѣлаютъ невозможнымъ экономическій прогрессъ на почвѣ старого строя. И само собою разумѣется, новый строй не можетъ одной рукой разбивать цѣпи, сковавшія ростъ производительности труда при старомъ строѣ, а другой рукой реставрировать еще болѣе старыя цѣпи, съ которыми давно покончилъ уже его предшественникъ. Капиталистическій строй, какъ мы видѣли, знаетъ лишь одно ограниченіе развитія производительныхъ силъ, —

ограниченіе, вытекающее изъ неорганизованности общественного производства, изъ его *товарнаю* характера. Соціализмъ, замѣняя эту «промышленную анархію» планомърной организаціей, уничтожаетъ послѣднее ограничение роста производительныхъ силъ. Повышеніе производительности труда должно теперь стать единственнымъ критеріемъ, опредѣляющимъ собою размѣры и формы общественного производства; никакіе заранѣе установленные, независимые отъ этого критерія предѣлы и нормы въ этой области недопустимы; трудовая стоимость впервые сознательно примѣняется, какъ регуляторъ производства,—и притомъ не въ искаженной «фетишистической» формѣ рыночной цѣны, а въ своемъ чистомъ видѣ, какъ абстрактное мѣрило производительности человѣческаго труда.

Между тѣмъ анархисты - коммунисты и нѣкоторыя другія соціалистическія теченія какъ разъ и стараются предписать будущей производственной организаціи определенные формы и размѣры, исходя притомъ почти исключительно изъ соображеній морального порядка. Какъ мы уже видѣли выше, анархисты—враги централизаціи производства, враги сколько-нибудь широкаго общественного раздѣленія труда. Только небольшія производственные ассоціаціи могутъ, по ихъ мнѣнію, организоваться на основѣ свободнаго товарищескаго соглашенія, въ то время какъ обширные размѣры хозяйственного цѣлага неразрывно связаны съ необходимостью выдѣлить на вершинѣ общества особую группу «руководителей». Послѣдніе могутъ быть, конечно, выборными, могутъ быть связаны самимъ тщательнымъ контролемъ и самой строгой ответственностью передъ избирателями, но въ рамкахъ своихъ полномочій они все-таки являются «властью», издающей въ той или другой формѣ предписанія, обязательныя для всѣхъ членовъ общества. Мы получимъ,

следовательно, не свободный союзъ «автономныхъ» личностей, но «авторитарный» строй, покоящійся на принудительной «дисциплине». Кромѣ того, детально проведенное раздѣленіе труда непосредственно калѣчить и уродуетъ личность, лишаетъ ее способности къ всестороннему развитію.—Эта послѣдняя сторона дѣла лишь мимоходомъ затрагивается въ литературѣ анархистовъ-коммунистовъ, но она была подробно разработана и возведена въ систему нѣкоторыми изъ нашихъ народниковъ,—въ особенности Н. К. Михайловскимъ.

Наибольшее раздѣленіе труда между органами и вполнѣйшая, по возможности, однородность индивидуумовъ— вотъ та задача, къ осуществленію которой, согласно Михайловскому, стремится соціальный прогрессъ, имѣющій въ основѣ своей «борьбу за индивидуальность». Въ защиту этого идеала Михайловскій приводилъ между прочимъ то соображеніе, что здѣсь отнюдь не исключается развитіе производительныхъ силъ, но постулируется только особый типъ этого развитія. Все, укладывающееся въ рамки сотрудничества, или «простой коопераці», совмѣстимо съ этимъ типомъ развитія; отсѣкается лишь то, что требуетъ коопераціи сложной, или раздѣленія труда. Само собою понятно, что такая аргументація неубѣдительна. Какъ мы уже видѣли, для защиты данной системы хозяйства, какъ возможного преемника капитализму, еще очень недостаточно доказать, что система эта не является абсолютно застойной и допускаетъ нѣкоторый типъ техническаго прогресса, — необходимо, чтобы она осуществляла всевозможные типы развитія производительныхъ силъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ на минуту, что принципъ Михайловскаго восторжествовалъ: создана система производства, обеспечивающая путемъ строжайшей регламентаціи послѣдовательное проведеніе и исключительное господство начала простой коопераціи.

Не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію, что воспрещен-
ный типъ развитія сумѣлъ бы въ той или другой формѣ
обойти всѣ юридическія препоны и, опираясь на свои
непосредственные экономическія преимущества, ассими-
лировалъ бы себѣ въ концѣ концовъ систему чистаго
сотрудничества, — совершенно такъ же, какъ въ свое
время капитализмъ ассимилировалъ цеховое производство,
разрушивъ всѣ его ограниченія. И если бы даже мнѣніе
Михайловскаго обѣ отрицательномъ вліяніи системы раз-
дѣленія труда на человѣческую личность было правильно,
если бы раздѣленіе труда всегда и при всякихъ усло-
віяхъ вело работника къ деградаціи, къ физическому и
умственному вырожденію, то это отнюдь не было бы
аргументомъ въ пользу соціализма простой коопераціи.
Какъ разъ наоборотъ, — это значило бы лишь, что со-
ціализмъ вообще невозможенъ, что по мѣрѣ развитія ка-
питализма рабочій класъ становится все менѣе и менѣе
способнымъ побѣдоносно бороться за свое освобожденіе.
Къ счастью, однако, дѣло обстоитъ вовсе не такъ плохо.
Только въ начальный періодъ капиталистического разви-
тія, когда рабочіе были особенно беззащитны въ борьбѣ
съ эксплуатацией, а техническіе методы фабричнаго про-
изводства сравнительно грубы, раздѣленіе труда превра-
щало рабочаго въ отупѣвшее, безразличное ко всему су-
щество, способное лишь играть роль пассивнаго при-
датка къ машинѣ. Тѣ поразительные примѣры одичанія
фабричнаго пролетариата, которые приведены въ первомъ
томѣ «Капитала», относятся именно къ этому началь-
ному періоду. Въ дальнѣйшемъ развитіи измѣняются са-
мыя требования, предъявляемыя къ рабочему техникой
производства, и параллельно съ этимъ ограничивается
эксплуатация подъ вліяніемъ систематической борьбы про-
летариата. Чѣмъ больше совершенствуются машины, тѣмъ
значительнѣе та подготовка, которая требуется отъ рабо-

чаго; но въ отличіе отъ мануфактурнаго и ремесленнаго періода подготовкa эта состоить не въ спеціализаціи работника, не въ односторонней виртуозности его рукъ, а въ умственномъ развитіи. По мѣрѣ того, какъ машина беретъ на себя одну за другой тѣ функции, которыя прежде выполнялись ручнымъ трудомъ, механизмъ ея усложняется, и роль рабочаго, приставленнаго къ машинѣ, сводится къ общему надзору за ходомъ этого чрезвычайно сложнаго механизма. Спеціальная споровка рукъ, необходимая для работы на *данномъ* станкѣ, становится все болѣе легкой, и параллельно съ этимъ повышается уровень общаго развитія и техническихъ знаній, необходимыхъ для управлениія всякой машиной вообще¹⁾.

Что касается той политической, «авторитарной» опасности, которой, по мнѣнію анархистовъ, грозить общественное раздѣленіе труда, то на этой сторонѣ вопроса мы еще остановимся впослѣдствіи; теперь же отмѣтимъ только тѣ соображенія, при помощи которыхъ анархисты стараются согласовать свой идеалъ съ требова-

1) В. Зомбартъ въ своемъ «Соціализмѣ и соціальномъ движеніи» пытается оспаривать наличность этой тенденціи. Въ качествѣ примѣра высокосовершенныхъ машинъ, требующихъ большой спеціализаціи работника, онъ приводить наборную машину и сельскохозяйственные орудія. Но наборная машина представляетъ совершенно исключительный случай, и, кромѣ того, техника труда на усовершенствованныхъ наборныхъ машинахъ очень близка къ техникѣ труда на пишущихъ машинахъ. Правда, въ настоящее время пишущія машины далеко еще не вошли во всеобщее употребленіе, однако, едва ли можно сомнѣваться, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ они сдѣлаются такой же неотъемлемой принадлежностью всякаго пишущаго человѣка, какъ теперь перо и чернила; вмѣстѣ съ тѣмъ и техника ихъ употребленія станетъ всеобщимъ достояніемъ. Что касается сельскохозяйственныхъ машинъ, то трудность найти для нихъ подходящихъ рабочихъ зависитъ именно отъ недостатка общаго и технического образования среди деревенскаго пролетаріата. Работа при помощи сельскохозяйственныхъ орудій требуетъ не спеціальной виртуозности рукъ, а умѣлаго обращенія съ этими сложными и сравнительно хрупкими механизмами. Здѣсь требуется, слѣдовательно, не физическое приспособленіе къ машинѣ, а пониманіе ея конструкціи.

ніемъ неограниченного развитія производительныхъ силъ Кропоткинъ, проектируя раздробленіе современаго общества на экономически самодовлѣющія коммуны, указываетъ на то, что въ настоящее время централизація производства обусловлена чисто капиталистическими потребностями. Въ примѣръ онъ приводитъ Парижъ, производящій преимущественно предметы роскоши для капиталистовъ всего міра. — Весьма возможно, конечно, что въ соціалистическомъ строѣ не будетъ имѣть мѣста такое сосредоточеніе въ одномъ пунктѣ мірового законодательства изящнаго вкуса. Однако, въ очень многихъ случаевъ національное и даже интернаціональное объединеніе производства явится технической необходимостью. Совершенно несомнѣнно, напримѣръ, что каждая отдельная коммуна не въ состояніи собственными силами добывать всѣ необходимые для нея металлы, просто потому, что богатыя залежи рудъ самою природой сосредоточены въ немногихъ пунктахъ земного шара. Равнымъ образомъ, отнюдь не по винѣ капитализма кавказская и американская нефть удовлетворяетъ въ настоящее время міровую потребность въ этомъ продуктѣ; и даже анархо-коммунистическая революція врядъ ли въ состояніи заставить нефтяные источники равномѣрно распределиться по всѣмъ коммунамъ. Въ міровыхъ размѣрахъ необходима организація транспортнаго и почтоваго дѣла. Даже съ такимъ повсемѣстнымъ занятіемъ, какъ земледѣліе, дѣло обстоитъ далеко не такъ благополучно, какъ это представляется съ первого взгляда. Кропоткинъ рекомендуетъ коммунамъ будущаго наиболѣе интенсивныя системы земледѣльческой культуры, разсчитывая при этомъ на колоссальное повышеніе производительности труда. Къ сожалѣнію, однако, расчеты его, построенные на единичныхъ примѣрахъ, весьма мало убѣдительны. Массовыхъ систематизированныхъ данныхъ по этому во-

просу, насколько мнѣ известно, не существуетъ; но цѣлый рядъ косвенныхъ соображеній заставляетъ предполагать, что высоко интенсивные методы земледѣлія, въ громадной степени повышая производительность земли, отнюдь не повышаютъ, а скорѣе понижаютъ производительность человѣческаго труда. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже тотъ—столь утѣшающій всякаго рода оппортунистовъ—фактъ, что капитализмъ оказывается «несостоятельнымъ» въ области интенсивнаго земледѣлія. «Несостоятельность» эта выражается, какъ известно, въ томъ, что капиталисты находятъ невыгоднымъ для себя вести интенсивное земледѣльческое хозяйство и потому предоставляютъ мелкимъ хозяйствчикамъ густо населенныхъ странъ воздѣлывать свои поля огороднымъ способомъ, а сами организуютъ въ широкихъ размѣрахъ экстенсивное хозяйство гдѣ-нибудь въ свободныхъ степяхъ Америки. И хлѣбъ, произведенный за океаномъ этимъ «несовершеннымъ» способомъ, весьма успешно вытѣсняетъ съ рынка мѣстный продуктъ самой «совершенной», архипротестантской культуры. Существуетъ цѣлый рядъ другихъ указаний, заставляющихъ предполагать, что интенсификація земледѣлія за известными предѣлами приводить къ чисто хищнической растратѣ человѣческаго труда. Мелкий самостоятельный производитель, ковыряющій лопатой свой клочекъ земли, вынужденъ мириться съ такимъ расхищеніемъ своей энергіи просто потому, что онъ все равно не въ состояніи употребить ее болѣе производительнымъ способомъ; сей блестящій представитель «прогрессивныхъ» теченій въ сельскомъ хозяйствѣ, если по пристальнѣе къ нему приглядѣться, оказывается въ сущности представителемъ резервной арміи капитала въ той же формѣ, которую Марксъ называлъ «скрытой». Очень возможно, такимъ образомъ, что соціалистическому хозяйству придется не покровительствовать интенсивнымъ

культурамъ, а, наоборотъ, организовать въ широкихъ размѣрахъ расчистку и распашку свободныхъ земель и обслуживать густо населенныя страны хлѣбомъ, добытымъ путемъ экстенсивной обработки дѣственныхыхъ почвъ.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что централизація производства технически необходима въ очень и очень многихъ отрасляхъ производства. Но такія отрасли вовсе не должны быть даже многочисленны для того, чтобы сосредоточеніе соціалистического производства въ рамкахъ небольшихъ коммунъ стало невозможнымъ. Если въ соціалистическомъ строѣ хоть одна отрасль массового производства требуетъ міровой организаціи, то и всѣ остальныя отрасли должны быть организованы въ тѣхъ же размѣрахъ. Въ самомъ дѣлѣ, работники интернаціонально организованного производства нуждаются въ продуктахъ всѣхъ другихъ производствъ, и, наоборотъ, работники этихъ послѣднихъ нуждаются въ продуктахъ, вырабатываемыхъ интернаціональнымъ производствомъ. Но поскольку между участниками всѣхъ вѣтвей и подраздѣленій производства необходимъ обмѣнъ въ интернаціональномъ масштабѣ, постольку съ уничтоженіемъ товарнаго рынка необходима планомѣрная интернаціональная организація, охватывающая все производство. Итакъ, соціалистическая организація не можетъ ограничиться не только коммунальными, но и национальными рамками. Соціалистическое производство есть организація всемирная.

VIII.

Техническія и отрицательныя общественные предпосылки соціализма.

Мы разсмотрѣли нѣкоторыя условія, внѣ которыхъ немыслима побѣда соціализма. Соціализмъ не можетъ по-

степенно развиться въ нѣдрахъ капиталистического общества, соціализмъ не можетъ санкціонировать нормъ, ограничивающихъ заранѣе установленными рамками развитіе производительныхъ силъ. Но изъ этого, конечно, отнюдь еще не вытекаетъ, что торжество соціализма въ какой бы то ни было формѣ неизбѣжно, или хотя бы только возможно. Каковы же тѣ силы, которая фактически подготавлиаютъ почву для соціалистической революціи, каковы «предпосылки» соціализма?

По Марксу эти предпосылки осуществляются въ слѣдующихъ «тенденціяхъ развитія». По мѣрѣ того, какъ растетъ капитализмъ, разрушая и поглощая болѣе раннія производственные формы, обостряется присущее ему противорѣчіе между общественнымъ характеромъ производства и индивидуальнымъ присвоеніемъ продуктовъ; тотъ же самый процессъ роста производительныхъ силъ, который приводить къ расширенію производства, автоматически сокращаетъ рынокъ сбыта; вслѣдствіе этого, кризисы, непосредственно обусловленные анархіей производства, все болѣе и болѣе обостряются, и наступаетъ, наконецъ, производственная катастрофа, отъ которой капитализмъ не въ состояніи оправиться собственными силами, — передъ обществомъ встаетъ альтернатива: или погибнуть или взять въ свои руки планомѣрную организацію производства. Вмѣстѣ съ тѣмъ создаются условія, облегчающія эту послѣднюю задачу. Съ одной стороны, благодаря вытѣсненію мелкихъ капиталистовъ крупными средства производства сосредоточиваются въ концѣ концовъ въ рукахъ немногихъ магнатовъ капитала, и, такимъ образомъ, производство уже самимъ капитализмомъ централизуется по чѣмъ тѣхъ самыхъ размѣрахъ, которые необходимы для соціалистической его организаціи; наряду съ этимъ число лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ сохраненіи старого строя, сводится къ ничтож-

ной кучкѣ промышленныхъ королей. Съ другой стороны, пролетаріатъ, включающій въ свои ряды все большую и большую часть населенія, все интенсивнѣе испытываетъ на себѣ капиталистическую эксплуатацію: растетъ угнетеніе пролетаріата, но въ то же время растетъ его материальная сила, его организованность, создаваемая самой техникой фабричнаго труда, его озлобленіе противъ господствующаго строя; увеличивается, слѣдовательно, революціонная рѣшимость рабочихъ массъ бороться за соціализмъ и въ то же время ихъ способность побѣдоносно завершить эту борьбу, т. е. захватить въ свои руки государственную власть и при ея помощи организовать производство на новыхъ началахъ.

Какъ извѣстно, эти положенія Маркса вызвали громаднѣйшую критическую литературу,—прежде всего въ буржуазномъ лагерѣ, а затѣмъ и среди самихъ соціалистовъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться съ надлежащей обстоятельностью на этой «ревизіонистской» работѣ, и потому мы попытаемся лишь въ самомъ сжатомъ видѣ формулировать ея итоги.

Попытка подвергнуть критическому пересмотру теорію кризисовъ Маркса была сдѣлана въ Россіи въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія Туганъ-Барановскимъ и Булгаковымъ. Эти писатели—въ то время ярые «марксисты»—старались побить Маркса самимъ же Марксомъ, доказать возможность безграничнаго развитія самодовѣрющаго капиталистического производства, исходя изъ теоріи реализаціи, изложенной во II томѣ «Капитала». Основная мысль ихъ заключается въ томъ, что сокращеніе рынка для предметовъ непосредственнаго потребленія отнюдь еще не способствуетъ само по себѣ обостренію промышленныхъ кризисовъ. Кризисъ обусловливается не абсолютными размѣрами сбыта предметовъ потребленія, а неправильнымъ распределеніемъ капитала

между производствомъ средствъ существованія и производствомъ средствъ производства. И если весь обществен-ный капиталъ будетъ затрачиваться на эти два подраз-дѣленія производства въ опредѣленномъ, строго устано-вленномъ соотношеніи, то капиталистическое хозяйство, даже вполнѣ изолированное и замкнутое въ самомъ себѣ, можетъ развиться безпредѣльно.

Расчеты, положенные въ основу этого вывода, вы-звали цѣлый рядъ возраженій, на которыхъ мы не будемъ останавливаться. Замѣтимъ только, что теорія Т.-Барановскаго-Булгакова была бы мало убѣдительна даже въ томъ случаѣ, если бы сокращеніе рынка предметовъ потребленія дѣйствительно не отражалось на ходѣ раз-витія капиталистического производства. Очевидно въ са-момъ дѣлѣ, что строгое соблюденіе пропорціи, обезпе-чивающей безпрепятственную реализацію товаровъ на рынке, возможно только при планомѣрной общественной организаціи производства. Капитализмъ же можетъ приспо-собляться къ этой пропорціи лишь стихійно, т. е. подъ давленіемъ кризиса, вызваннаго отклоненіемъ отъ нея; поэтому кризисъ, хотя быть можетъ и не столь рѣзкій, какъ это представлялъ себѣ Марксъ, долженъ стать хро-ническимъ состояніемъ самодовлѣющаго капитализма.

Быстрое и неправильное расширение производства, характерное для капитализма, происходитъ безпрепят-ственно лишь до тѣхъ поръ, пока имѣются налицо не-капиталистическая область, на счетъ которыхъ осуще-ствимо такое же быстрое и такое же неправильное рас-ширение сбыта. Такимъ образомъ, завоеваніе вѣнѣнныхъ рынковъ—«внѣшнихъ» не въ смыслѣ «заграничныхъ», а въ смыслѣ «некапиталистическихъ»—имѣетъ самое жизненное значеніе для развитія капитализма. Разъ эта перспектива исчезаетъ, разъ весь міръ уже захваченъ капитализмомъ, периоды продолжительного и интенсив-

наго расцвѣта становятся все менѣе и менѣе возможными,—поскольку, разумѣется, капитализмъ остается капитализмомъ, т. е. «анархическимъ» производствомъ. Итакъ, въ сущности теорія реализаціи доказываетъ возможность безпредѣльного развитія не для самодовлѣющаго капитализма, а для нѣкотораго совершенно фиктивнаго общественнаго строя, соединяющаго въ себѣ капиталистическую эксплуатацію и соціалистическую планомѣрность производства.

Впрочемъ, въ литературѣ—и даже соціалистической—не было недостатка въ произведеніяхъ, которые стремились доказать, что такая капиталистически-планомѣрная организація производства не фикція, а дѣйствительная тенденція развитія. Указывалось на то, что съ развитіемъ средствъ сообщенія и повышеніемъ освѣдомленности анархія производства устраниется самимъ капитализмомъ,—процессъ, которому въ особенности благопріятствуетъ сосредоточеніе производства въ рукахъ предпринимательскихъ союзовъ—трестовъ, картелей и т. п. Э. Бернштейнъ, выступившій защитникомъ этого взгляда, утверждалъ даже категорически, что отнынѣ кризисы невозможны, что кризисы—это дѣтская болѣзнь капитализма... и утверждалъ это какъ разъ наканунѣ кризиса, охватившаго въ 1900—1901 г.г. міровую промышленность.

Въ настоящее время даже человѣкъ, настолько далекій отъ «ортодоксального» марксизма, какъ профессоръ Зомбартъ, признаетъ, что марксова теорія кризисовъ въ основѣ своей выдержала испытаніе полуѣко-вой теоретической и практической критики. Опытъ свидѣтельствуетъ только, что ресурсы капитализма исчерпываются далеко не такъ быстро, какъ думали Марксъ и Энгельсъ въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка. Съ другой стороны, тотъ окончательный кризисъ, который рисовался Марксу въ видѣ мощнаго девятаго вала, разбивающаго

въ щепы современный общественный корабль, долженъ, повидимому, принять менѣе рѣзкій, но гораздо болѣе затяжной характеръ. Капитализмъ стремится не къ острой катастрофѣ производства, а къ хроническому застою, мало-по-малу разлагающему производительныя силы общества.

Если эта поправка, отодвигающая конечный кризисъ и смягчающая его форму, почти не затрагиваетъ теоретической стороны произведенаго Марксомъ анализа, то практически она, конечно, чревата весьма важными послѣдствіями. Въ самомъ дѣлѣ, если капиталистическому обществу уже въ ближайшемъ будущемъ грозить полное экономическое крушеніе, исключающее всякой иной выходъ, кромѣ соціализма, то, очевидно, подъ давленіемъ этой внѣшней желѣзной необходимости соціализмъ осуществимъ и дѣйствительно будетъ осуществленъ, несмотря на очень серьезная внутренняя сопротивленія. Общество въ его цѣломъ вынуждено будетъ перейти къ соціализму, разъ оно не хочетъ умереть; при такихъ условіяхъ защитники старого строя быстро исчезнутъ или потеряютъ всякую почву подъ ногами; всѣ интеллек-туальныя и материальныя силы общества будутъ направлены къ тому, чтобы какъ можно скорѣе возстановить нарушенный хозяйственный процессъ на новомъ, единственно возможномъ основаніи, и соціализмъ восторжествуетъ неизбѣжно, восторжествуетъ, хотя бы концентрація производства была еще недостаточна, а рабочій классъ далеко не достигъ той сознательности и организованности, которыя ему необходимы для того, чтобы собственными силами совершить переворотъ.—Наоборотъ, хроническій застой, хотя и приводить въ конечномъ счетѣ къ разложенію и смерти общества, не можетъ вызвать такой рѣшительной перегруппировки общественныхъ силъ. Въ исторіи известны примѣры обществъ,

медленно разлагавшихся въ теченіе ряда вѣковъ, при полномъ равнодушіи къ этому процессу гніенія со стороны господствующихъ классовъ, при систематическомъ подавлениі всякаго рода реформаторскихъ попытокъ снизу. Поэтому, разъ тенденція капиталистического развитія приводить лишь къ медленному разложенію производства, а не хозяйственной катастрофѣ, то особенную важность пріобрѣтаетъ вопросъ: нарождаются ли параллельно съ такимъ процессомъ распада творческія силы, стремящіяся разбить оковы умирающаго строя, создать новое общество? и если да, то могутъ ли они пріобрѣсти достаточно мощи, чтобы на дѣлѣ совершить этотъ переворотъ?

Мы подошли къ общественнымъ предпосылкамъ соціализма. Возраженія, пытающіяся подвергнуть сомнѣнію наличность этихъ предпосылокъ, опираются обыкновенно на статистическія данныя и вкратцѣ сводятся къ слѣдующему. Концентрація производства, хотя и совершается въ области обрабатывающей промышленности, но далеко не особенно быстро; въ большинствѣ странъ даже тѣ отрасли промышленности, гдѣ крупное производство имѣетъ несомнѣнныя преимущества, все еще отличаются раздробленностью и во всякомъ случаѣ очень далеки отъ сосредоточенія въ рукахъ единаго централизованнаго управления. Притомъ — и это особенно важно — число капиталистовъ отнюдь не уменьшается въ той же пропорціи, въ которой концентрируется производство. Сосредоточеніе производства совершается не путемъ вымирания болѣе слабыхъ капиталистовъ, а путемъ объединенія ихъ съ болѣе сильными въ общія предпринимательскія ассоціаціи; развитіе акціонернаго дѣла приводить къ тому, что увеличеніе числа собственниковъ идетъ параллельно концентраціи предпріятій. Такимъ образомъ, численность и сила класса, стоящаго на стражѣ капитализма, не уменьшается, а возрастаетъ. Далѣе,

численность мелкой буржуазіи, т. е. самостоятельныхъ мелкихъ товаропроизводителей все еще остается огромной—даже въ обрабатывающей промышленности наиболѣе развитыхъ и быстро прогрессирующихъ странъ, какъ, напримѣръ, Германія. Наконецъ, въ сельскомъ хозяйствѣ капиталистической концентраціи производства вовсѣ не наблюдается; здѣсь имѣеть мѣсто скорѣе обратный процессъ раздробленія: мелкое производство торжествуетъ надъ крупнымъ по всей линіи.

Эти поправки къ «марксистской догмѣ» выдвигаются впередъ всѣми противниками революціонной соціальдемократіи; причемъ выводы изъ нихъ дѣлаются совершенно различные, въ зависимости отъ того, какой именно сторона соціальдемократического движенія не сочувствуетъ данная группа критиковъ.

Критики изъ буржуазнаго лагеря умозаключаютъ отсюда, что соціализмъ вообще—вредная утопія, что соціальдемократическая пропаганда только мѣшаетъ рабочимъ всецѣло отдаваться единственно «реальной» политикѣ реформъ на почвѣ существующаго строя; наиболѣе радикальные и объективные изъ этой группы критиковъ соглашаются условно признать законность соціальдемократизма, какъ преходящаго «настроенія» рабочихъ, вызваннаго экспесами слишкомъ прямолинейной классовой политики буржуазнаго государства.

Оппортунистическое крыло соціалистовъ, принимая посылки буржуазныхъ критиковъ, пытается смягчить ихъ выводы; согласно этому ученію, невозможенъ не соціализмъ вообще, а только «ортодоксальный», т. е. революціонный путь осуществленія соціализма; въ чемъ заключается «возможный» неортодоксальный путь, остается, къ сожалѣнію, тайной оппортунистовъ (теорія «вростанія» большинствомъ изъ нихъ уже не защищается),—извѣстно только, что путь этотъ долженъ быть «мирный».

Наконецъ, анархисты и близкія къ нимъ группы, указывая на возрастающую мощь капитала, настаиваютъ на томъ, что съ соціалистической революціей надо спѣшить; каждый дальнѣйшій шагъ въ развитіи капитализма не облегчаетъ, а затрудняетъ возможность переворота.

Всѣ эти теоріи съ одинаковой побѣдоносностью противопоставляютъ себя «обанкротившейся» ортодоксіи, но уже одинъ тотъ фактъ, что столь разнообразные выводы дѣлаются изъ однѣхъ и тѣхъ же посылокъ, заставляетъ усомниться въ прочности позиціи многочисленныхъ могильщиковъ марксизма.

Въ марксистской литературѣ не разъ подвергались обстоятельному разбору фактическія данныя, положенные въ основу теорій, ниспровергающихъ ортодоксію; при этомъ зачастую оказывалось, что даже самый цифровой матеріялъ, на который опираются «поправки» къ установленнымъ Марксомъ тенденціямъ развитія, далеко не безспоренъ. Однако мы не можемъ здѣсь подвести итоговъ этой полемикѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы углубиться въ детали, несовмѣстимыя съ общимъ характеромъ настоящей работы. Мы допустимъ поэтому самое неблагопріятное для революціоннаго соціализма, — допустимъ, что въ общемъ и цѣломъ всѣ цифровыя данныя критиковъ правильны, и посмотримъ, въ какой степени это должно отразиться на нашемъ практическомъ отношеніи къ «проблемѣ соціализма».

Итакъ, прежде всего вопросъ о концентраціи производства. Какъ далеко должна подвинуться концентрація въ данной отрасли промышленности для того, чтобы послѣдняя могла войти въ составъ соціалистически организованного производства? — Уже съ первого взгляда очевидно, что соціалистамъ вовсе нѣтъ необходимости дожидаться того момента, когда само капиталистическое

развитіе сосредоточить всѣ предпріятія каждой отрасли производства подъ руководствомъ единаго центрального управлениія. Тѣ, которые считаютъ утопіей быстрое «революціонное» объединеніе въ одно организованное цѣлое отрасли производства, раздробленной между десятками самостоятельныхъ капиталистовъ, забываютъ, что утопія эта неоднократно и притомъ съ большою легкостью осуществлялась на практикѣ. Она осуществлялась каждый разъ, когда возникалъ новый предпринимательскій трестъ. Организаторы трестовъ менѣе всего придерживаются той мирной «реальной» политики, которую солидные буржуазные ученые такъ рекомендуютъ рабочимъ; они отнюдь не склонны выжидатъ, пока естественная эволюція капитализма устранитъ всѣ мелкія и технически несовершенныя предпріятія, но обнаруживаютъ пагубную наклонность дѣйствовать путемъ насильственныхъ переворотовъ. Захвативъ всѣми правдами и неправдами власть въ данной отрасли производства, они однимъ революціоннымъ ударомъ уничтожаютъ десятки отсталыхъ и несовершенныхъ предпріятій, пуская въ ходъ лишь нѣсколько наиболѣе совершенныхъ фабрикъ. И при этомъ, благодаря строго рациональной постановкѣ дѣла, эти нѣсколько объединенныхъ подъ центральнымъ руководствомъ треста предпріятій начинаютъ производить продукта больше, чѣмъ производилось раньше многими десятками самостоятельныхъ капиталистовъ.

Было бы, конечно, нелѣпостью утверждать, что для соціалистического режима технически недоступно то, что на каждомъ шагу совершаютъ капиталистическая компаніи. Нельзя, наоборотъ, не согласиться съ мнѣніемъ Каутского, что побѣдоносный пролетаріатъ встрѣтитъ при выполненіи этой задачи гораздо меньше затрудненій, чѣмъ встрѣчаютъ ихъ въ настоящее время тресты.—

Тресту приходится при своемъ возникновеніи преодолѣвать двоякаго рода препятствія: во-первыхъ, со стороны отдельныхъ предпринимателей, которые иногда до послѣдней капли денегъ борются за свою самостоятельность,— во-вторыхъ, со стороны рабочихъ, которые массами выбрасываются на улицу, вслѣдствіе закрытія цѣлаго ряда фабрикъ. Между тѣмъ при соціалистическомъ объединеніи отрасли производства занятые въ ней рабочіе получаютъ непосредственную выгоду отъ самаго раскассированія несовершенныхъ предпріятій,—не говоря уже о другихъ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ, которая несетъ съ собой соціализмъ. При трестификаціи рабочіе закрытыхъ технически отсталыхъ фабрикъ въ значительной своей массѣ вовсе теряютъ заработокъ, при соціализаціи они всѣ переходятъ въ болѣе совершенныя предпріятія,—и уже одно это даетъ возможность сильно сократить рабочій день, расширяя въ то же время размѣры производства, т. е. повышая жизненный уровень рабочихъ. Такимъ образомъ, имѣя въ рукахъ достаточную соціальную силу, всегда возможно быстро устранить въ каждой данной отрасли отсталыя предпріятія и организовать производство, пользуясь исключительно самыми высшими формами существующей техники.

Условіе, необходимое для быстраго «революціоннаго» превращенія капиталистической анархіи въ планомѣрную организацію, заключается не въ фактическомъ объединеніи каждой данной отрасли производства, а въ *технической целесообразности* такого объединенія и въ наличности достаточнаго числа предпріятій, которая легко могутъ быть приспособлены къ требованіямъ наивысшей техники.

Но вотъ вопросъ: имѣется ли во всѣхъ отрасляхъ производства хотя бы эта минимальная техническая предпосылка соціализма?—или, по крайней мѣрѣ, под-

готовляется ли она ходомъ капиталистического развитія? На этотъ вопросъ мы уже согласились отвѣтить отрицательно. Мы уже допустили, что въ такой важной отрасли хозяйства, какъ земледѣліе, не наблюдается концентраціи производства. Отсюда слѣдуетъ одно изъ двухъ: или соціализмъ вообще невозможенъ до тѣхъ поръ, пока новые изобрѣтенія или какія-либо иныя обстоятельства не измѣнятъ кореннымъ образомъ характеръ развитія земледѣльческого хозяйства,—или же для осуществленія соціализма вовсе не требуется, чтобы только что формулированная нами техническая предпосылка имѣлась во всѣхъ безъ исключенія отрасляхъ производства. На первомъ выводѣ настаивалъ г. Булгаковъ, критикуя программную часть книги Каутского «Аграрный вопросъ». По мнѣнію г. Булгакова, соціализація обрабатывающей промышленности при сохраненіи индивидуального производства въ земледѣліи была бы соціальнымъ чудомъ. Соціальдемократы, вообще говоря, придерживаются второго взгляда, т. е. допускаютъ возможность успѣшного соціалистического переворота, оставляющаго неприкосновеннымъ мелкое производство въ земледѣліи и даже нѣкоторыхъ областяхъ обрабатывающей промышленности.—Но не противорѣчить ли такой взглядъ тому, что мы говорили раньше о невозможности постепенного вростанія соціализма въ товарное производство, о необходимости одновременно подчинить все общественное хозяйство единой цѣлесообразной организації?

Для того, чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, уяснимъ прежде всего самую постановку его.

Постепенное завоеваніе современного производства соціалистическими организаціями является, какъ мы видѣли, неосуществимымъ потому, что въ рамкахъ современного строя всякое рѣшительно предпріятіе, съ какими бы благими соціалистическими намѣреніями оно ни осно-

вывалось, должно приспособляться къ требованиямъ капиталистического товарного рынка, должно, слѣдовательно, само превратиться въ товарно-капиталистическое предпріятіе, разъ оно хочетъ жить и развиваться. Соціализмъ долженъ немедленно овладѣть обращеніемъ товаровъ, устраниТЬ анархію рынка.

Но для планомѣрной организаціи обращенія продуктовъ вовсе не требуется, чтобы всѣ они безъ исключенія производились въ общественно организованныхъ предпріятіяхъ. — Представимъ себѣ, что все общественное хозяйство распадается только на три строго специализированныя отрасли промышленности: А — производство орудій труда, В — производство одного вида предметовъ потребленія (напримѣръ, какой-нибудь одежды) и С — производство другого вида предметовъ потребленія (напр., какого-нибудь пищевого продукта)¹⁾. Допустимъ сначала, что технически подготовлено къ соціализаціи и дѣйствительно соціализировано только одно подраздѣленіе А, въ то время какъ въ подраздѣленіяхъ В и С господствуютъ по прежнему отдельныя самостоятельныя предпріятія. При такихъ условіяхъ обобществленная часть производства имѣеть мало шансовъ овладѣть рынкомъ и подчинить его себѣ. Ибо, хотя всѣ участники подраздѣленій В и С нуждаются въ продуктахъ А, но далеко не всѣ продукты В и С покупаются подраздѣленіемъ А. Значительная и, быть можетъ, даже доминирующая масса продуктовъ В потребляется въ С и наоборотъ. Такимъ образомъ, соціалистическое А лишено возможности непосредственно

¹⁾ Я прекрасно понимаю, что никакое общество не въ состояніи удовлетвориться однимъ видомъ орудій, однимъ видомъ одежды и пищи,—но приближеніе къ дѣйствительности въ данномъ случаѣ только усложнило бы расчеты, не внося никакихъ измѣненій въ ходъ аргументаціи по существу.

регулировать обращеніе продуктовъ и скорѣе вынуждено само подчиниться регулирующему вліянію товарнаго рынка, т. е. вынуждено утратить свой соціалистической характеръ.

Предположимъ теперь, что соціализировано и А и В, и только въ С сохраняется индивидуальное производство. Не забудемъ, что по нашему предположенію отрасли производства строго специализированы, т. е. въ В производится только одинъ видъ одежды, въ С только одинъ видъ пищи. На рынокъ выносится только то, что не потребляется самими производителями, а следовательно, обмѣнъ существуетъ лишь между А+В и С, но не въ предѣлахъ каждого отдельнаго подраздѣленія. Очевидно, въ этомъ второмъ примѣрѣ всѣ продукты, изготовленные индивидуалистической частью производства, потребляются въ соціалистической его части. А+В составляютъ единственную область сбыта для С, а такъ какъ А+В соціализированы, подчинены планомърной организаціи, то они выступаютъ по отношенію къ С не въ качествѣ «рынка», а въ качествѣ единаго заказчика, который не только можетъ, но даже вынужденъ регулировать производство работающихъ на него поставщиковъ,— вынужденъ прежде всего заранѣе определить количество необходимаго для него продукта и, следовательно, уничтожить анархический, товарный характеръ обращенія. Итакъ, соціалистической переворотъ осуществимъ, разъ соціализированная часть производства сможетъ взять на себя роль заказчика на главнѣйшіе продукты массового потребленія, изготавляемые вѣдь ея.

Если съ этимъ критеріемъ въ рукахъ подойти къ современному капитализму, то нельзя не признать, что уже въ настоящее время въ большинствѣ культурныхъ странъ соціалистической переворотъ не встрѣтился бы на своемъ пути непреодолимыхъ техническихъ препятствій.

Не забудемъ прежде всего, что въ расчетъ должны быть приняты лишь тѣ отрасли производства, которые выбрасываютъ свой продуктъ на широкій капиталистической рынокъ массового сбыта. Слѣдовательно, совершенно остаются въ сторонѣ виды промышленности, носящіе характеръ личныхъ услугъ или работы на заказчика, т. е. такія, напримѣръ, профессіи, какъ парикмахеры, полотеры, трубочисты, безчисленныя категоріи мелкихъ ремесленниковъ, занимающихся починкой и т. п. Мы не хотимъ, конечно, сказать, что въ положеніе этихъ лицъ соціализмъ не внесетъ никакихъ измѣненій. Отнюдь нѣтъ; такъ какъ немедленнымъ результатомъ введенія соціализма будетъ значительное повышеніе жизненного уровня рабочихъ, занятыхъ въ соціализированныхъ предпріятіяхъ, и такъ какъ при соціалистическомъ веденіи производства каждый новый работникъ — желанный гость въ любой отрасли труда, то будущему обществу удастся сохранить перечисленныя выше профессіи лишь въ томъ случаѣ, если материальное и моральное положеніе ихъ участниковъ будетъ не ниже, чѣмъ во всѣхъ другихъ областяхъ промышленности. Мы говоримъ только о томъ, что типъ отношеній между производителями данной категоріи и потребителями можетъ сохраниться прежній безъ малѣйшаго ущерба для дѣла соціалистического переустройства.

Но преобладающая масса мелкихъ самостоятельныхъ производителей въ обрабатывающей промышленности принадлежитъ именно къ профессіямъ, носящимъ характеръ работы на заказчика (ремесленники-одиночки) или личныхъ услугъ. Что касается производства продуктовъ массового потребленія, то здѣсь лица, которыхъ официальная статистика регистрируетъ, какъ мелкихъ самостоятельныхъ производителей, относятся, за самыми ничтожными исключеніями (за исключеніемъ, напр., нѣкото-

рыхъ видовъ художественного ремесла), къ слѣдующимъ двумъ категоріямъ работниковъ. Это, во-первыхъ, представители резервной арміи капитала въ ея скрытой формѣ,— одиночки, пытающіеся конкурировать съ крупнымъ производствомъ путемъ чрезмѣрного удлиненія рабочаго дня и чрезмѣрного сокращенія потребностей. Поступить на фабрику,— не соціалистическую, а современную, капиталистическую, эксплуататорскую фабрику,— вотъ завѣтная мечта этихъ «самостоятельныхъ» производителей. Во-вторыхъ, передъ нами подъ видомъ «самостоятельныхъ» фигурируютъ наемные рабочіе такъ называемой «домашней системы промышленности», т. е. рабочіе, занимающіеся производствомъ у себя на дому, но изъ материала, принадлежащаго капиталисту. Въ работѣ Зомбарта «Современный капитализмъ» читатель найдетъ данные, съ полной убѣдительностью доказывающія, что въ Германіи именно эта форма капиталистической зависимости фактически господствуетъ въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ статистика указываетъ преобладаніе мелкаго самостоятельнаго производства. Даже «лавочникъ» — этотъ синонимъ типичнаго мелкаго буржуя — не составляетъ исключенія: и онъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказывается лишь рабочимъ домашней системы промышленности, во главѣ которой стоитъ то крупный купецъ, то богатый домовладѣлецъ.

Широкое распространеніе домашней промышленности объясняется не тѣмъ, что сосредоточеніе производства въ данномъ случаѣ не повысило бы производительности труда, а исключительно тѣмъ, что такое сосредоточеніе капиталистически не выгодно при низкой оплатѣ труда рабочихъ домашней промышленности. Во всякомъ случаѣ, такихъ отраслей труда, гдѣ система домашней промышленности господствовала бы исключительно, уже очень немного. Но даже тамъ, гдѣ это имѣть мѣсто, быстрое

сосредоточеніе производства не представляетъ непреодолимыхъ техническихъ трудностей. Многіе — и при томъ не только соціалисты, но и буржуазные філантропы — доказываютъ, что уже теперь, при господствѣ капитализма, вполнѣ осуществимъ былъ бы законъ, воспрещающій раздачу работы на домъ и обязывающій всѣхъ безъ исключенія предпринимателей отводить собственное помѣщеніе для работъ. Въ обрабатывающей промышленности развитыхъ капиталистическихъ странъ мы едва ли встрѣтимъ хоть одну отрасль массового производства, въ которой соціализація была бы технически невозможна.

Остается, такимъ образомъ, только земледѣліе, которое на первыхъ порахъ несомнѣнно должно было бы сохранить индивидуалистический характеръ, если бы соціалистической переворотъ произошелъ при современныхъ условіяхъ производственной техники. И при томъ только земледѣліе въ узкомъ и строгомъ смыслѣ слова: такъ называемыя побочные отрасли сельского хозяйства, какъ напр., производство молочныхъ продуктовъ, мяса и т. п., уже теперь — при капитализмѣ — приобрѣтаютъ мало-по-малу крупную централизованную организацію. Но, само собою разумѣется, продукты чистаго спеціализированаго земледѣлія, поскольку они не потребляются на мѣстѣ самими производителями, могутъ потребляться только участниками обрабатывающей промышленности. И разъ послѣдняя, за ничтожными исключеніями, соціализирована, она имѣеть полную возможность взять на себя роль заказчика на всѣ продукты земледѣльческаго производства. Не подлежитъ, такимъ образомъ, ни малѣйшему сомнѣнію, что въ большинствѣ капиталистическихъ странъ области, въ которыхъ объединеніе производства уже теперь технически цѣлесообразно и фактически осуществимо, могли бы при соціализаціи подчинить своему контролю все обращеніе про-

дуктовъ. Другими словами, техническія предпосылки соціализма уже им'ются налицо; съ технической стороны переворотъ уже въ настоящее время достаточно подготовленъ въ передовыхъ странахъ капиталистического міра.

Какъ же обстоитъ дѣло съ тѣми соціальными силами, которые должны сыграть активную роль въ этомъ переворотѣ?

Количество собственниковъ, говорять намъ, растетъ, несмотря на концентрацію производства, растетъ ихъ экономическая мощь, растетъ, слѣдовательно, сила сопротивленія капитализма. — Такъ ли это? Вѣрно ли, что сотня акціонеровъ объединенного предпріятія представляетъ столь же крупную соціальную силу, какъ и сотня независимыхъ капиталистовъ, самостоятельно ведущихъ каждый свое дѣло?

Соціальная сила данной группы людей опредѣляется не только численностью, но также—и это прежде всего—общественной ролью группы. Энергія, находчивость, стойкость, способность къ организаціи — всѣ эти качества, необходимыя для успешной соціальной борьбы, не отпускаются природой въ равномъ количествѣ каждому человѣческому экземпляру, но всецѣло зависятъ отъ тѣхъ функцій, изъ которыхъ складывается общественная жизнь человѣка. И само собой разум'ется, капиталистъ-организаторъ самостоятельного производства безконечно болѣе способенъ къ энергичной борьбѣ, нежели капиталистъ-паразитъ, отрѣзыватель купоновъ. А вѣдь именно къ такому превращенію класса организаторовъ производства въ классъ бездѣятельныхъ паразитовъ и приводитъ разбираемая нами тенденція развитія. Управленіе производствомъ все болѣе и болѣе сосредоточивается въ немногихъ рукахъ,—нерѣдко руководящая роль въ цѣлой отрасли промышленности принадлежить наемной дирекціи,—

вмѣстѣ съ тѣмъ бывшіе организаторы устраниются отъ активнаго участія въ хозяйственной жизни страны, становятся мирно почивающими на лаврахъ держателями процентныхъ бумагъ. При этомъ не можетъ не атрофироваться способность данной соціальной группы къ *самостоятельной жизненной борьбѣ*. Это не значитъ, конечно, что уже теперь, при капиталистическомъ строѣ, удѣльный вѣсъ класса капиталистовъ уменьшается по мѣрѣ развитія въ немъ паразитныхъ элементовъ. Въ капиталистическомъ обществѣ соціальная и политическая вліятельность опредѣляется не личной активностью и жизнеспособностью людей, а количествомъ сосредоточенныхъ въ ихъ рукахъ «цѣнностей». Полная удовлетворенность держателей цѣнностей, спокойное, довѣрчивое отношение ихъ къ общему ходу дѣлъ есть необходимое условіе правильнаго функционированія капиталистического механизма. Промышленнымъ рантье нѣтъ надобности лично отстаивать свои интересы, нѣтъ даже надобности уяснить себѣ, какія именно мѣры лучше всего гарантируютъ ихъ благосостояніе; сотни усердныхъ головъ среди бюрократовъ промышленности и государства неусыпно думаютъ за нихъ, предупреждая малѣйшіе поводы къ неудовольствію съ ихъ стороны, стараясь обеспечить устойчивость ихъ доходовъ. Пока существуетъ капиталистическая система хозяйства, паразитизмъ властителей купона есть высшая форма приспособленія къ средѣ,—затрата энергіи, необходимая для поддержанія жизни, сведена здѣсь къ предѣлу теоретически мыслимаго минимума, къ нулю. Но дѣло совершенно измѣняется съ наступленіемъ момента, когда самая капиталистическая система оказывается подъ знакомъ вопроса, когда бумажныя «цѣнности» грозятъ утратить свою магическую силу и начинаютъ импонировать столь же мало, какъ и всякие другие, неквалифицированные клочки бумаги. Вотъ тутъ то, подъ уда-

рами соціальної бури и произойдетъ переоцѣнка соціальныx цѣнностей: то, что знаменовало силу бумажныхъ аристократовъ — ихъ освобожденіе отъ всякой личной борьбы, атрофія способности къ организованному натиску и сопротивленію—станетъ источникомъ ихъ слабости, источникомъ ихъ неизбѣжного пораженія.—Возрастаніе числа собственниковъ, идущее параллельно концентрації производства, не увеличиваетъ, а уменьшаетъ потенціальную енергію ихъ сопротивленія соціальному перевороту.

Намъ могутъ возразить, что «собственниками»—акціонерами промышленныхъ предпріятій являются не одни паразиты-рантье. Значительная часть сбереженій «трудовыхъ» слоевъ населенія также помѣщается сюда. Англійские и американские капиталисты зачастую выпускаютъ особья дешевые акціи и прилагаютъ специальная странія къ тому, чтобы распространить ихъ среди своихъ рабочихъ и такимъ образомъ заинтересовать послѣднихъ въ безостановочномъ и интенсивномъ развитіи доходности предпріятія.—Къ сожалѣнію, однако, никакими ухищреніями нельзя превратить каждого мелкаго буржуа въ крупнаго капиталиста, и еще труднѣе сдѣлать рабочаго своимъ собственнымъ эксплуататоромъ. Хотя число мелкихъ акціонеровъ очень значительно, но на долю каждого приходится такая гомеопатическая доза «собственности», что въ общей суммѣ капиталъ ихъ составляетъ лишь ничтожную часть цѣнности, сосредоточенной въ рукахъ настоящихъ, чистыхъ капиталистовъ. Для соціалистического режима нѣть поэтому никакой необходимости и никакого интереса экспропріировать эти жалкія ренты. Собственники накопленныхъ трудовыхъ грошей могутъ быть совершенно спокойны за свои «сбереженія», — отъ соціализма имъ не грозить ни малѣйшей опасности¹⁾.

1) Каутскій предлагаетъ очень остроумный способъ вознаградить мелкихъ рантье, не вознаграждая крупныхъ. Для этого стоитъ только

Но если мелкие буржуа, въ качествѣ владѣльцевъ процентныхъ бумагъ, не имѣютъ особаго основанія противиться соціализму, то не являются ли они его злѣйшими врагами, въ качествѣ самостоятельныхъ производителей, одержимыхъ фанатизмомъ собственности?

Здѣсь прежде всего необходимо отмѣтить, что самый объектъ этого фанатизма въ значительной степени разрушенъ капиталистическимъ развитиемъ. Чистый типъ мелкаго буржуа, т. е. соединеніе въ одномъ лицѣ работника и самостоятельного предпринимателя, непосредственно выносящаго свои продукты на рынокъ, является, какъ мы уже упоминали выше, рѣдкимъ исключеніемъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ о такой самостоятельности мелкаго производителя не можетъ быть и рѣчи; можно говорить лишь о формахъ его зависимости отъ капитала. Среди многочисленныхъ видоизмѣненій этихъ формъ выдѣляются двѣ основныя. Или капиталистъ служить только посредникомъ между рынкомъ и мелкимъ производителемъ, эксплуатируя послѣдняго, въ качествѣ скупщика; или капиталистъ не только скупаетъ продукты мелкаго производителя, но и снабжаетъ его средствами производства.

Очевидно, только въ первомъ случаѣ сохраняется почва для мелкобуржуазнаго «фанатизма», ибо только въ этомъ случаѣ мелкій хозяйствчикъ болѣе или менѣе самостоятельно организуетъ и ведетъ свое производство. Этотъ типъ отношеній особенно распространенъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ; и если бы соціализмъ угрожалъ крестьянину немедленнымъ лишениемъ самостоятельности, превращеніемъ каждого хозяйствика въ рабочаго обще-

выкупить по полной стоимости капиталистическія предприятия и затѣмъ устранить всѣ доходы, превышающіе извѣстную норму, путемъ соотвѣтственно разсчитанного подоходно-прогрессивнаго налога.

ственno организованнаго крупнаго предпріятія, то онъ несомнѣнно встрѣтилъ бы въ крестьянской средѣ отчаянное сопротивленіе. Но, какъ мы уже говорили, соціалистической переворотъ не можетъ взять на себя такой задачи, да вовсе и не нуждается въ ея *немедленномъ*, насильственномъ осуществленіи. Вся непосредственная перемѣна въ положеніи крестьянина свидется къ тому, что вмѣсто скупщика выступить, въ качествѣ *заказчика*, соціалистическая организація работниковъ обрабатывающей промышленности. Развитіе товарищескихъ формъ въ организаціи сельскохозяйственнаго производства будетъ, конечно, неизбѣжнымъ резултатомъ побѣды соціализма, но оно возникнетъ самопроизвольно подъ вліяніемъ новой среды, оно не можетъ быть сразу декретировано сверху.—Такимъ образомъ, крестьянинъ, поскольку онъ самостоятельный работникъ на своей нивѣ, а не эксплуататоръ батрацкаго труда, сохранить самоопределѣленіе во всемъ, что касается веденія его «собственнаго» хозяйства, и лишь будетъ получать несравненно больше за свой трудъ, такъ какъ соціалистическое общество не имѣть ни интереса, ни фактической возможности подвергать его такой эксплуатаціи, какую онъ прежде выносилъ со стороны скупщика-ростовщика.

Что касается мелкой буржуазіи городовъ, то она почти сплошь уже утратила самостоятельность въ организаціи предпріятія. Она превратилась, какъ мы видѣли, въ рабочихъ домашней промышленности, для которыхъ, какъ и для всякихъ рабочихъ, соціализмъ несетъ съ собой только освобожденіе.

При такихъ условіяхъ мелкая буржуазія, казалось бы, уже теперь должна являться сторонницей соціализма. Мы знаемъ однако, что въ дѣйствительности этого не наблюдается. Только немногіе элементы мелкой буржуазіи увлекаются потокомъ пролетарскаго движенія, пре-

обладающая же масса ея продолжаетъ вѣдѣ сохранять свою обособленную позицію.

Правда, цѣльность мелкобуржуазнаго міровоззрѣнія давно уже разбита исторіей. Нашему времени совершенно чужды тѣ мощные, точно изъ одной каменной глыбы высѣченные фанатики «свободы, равенства и братства», которые въ славные дни конвента съ непоколебимой энергіей шли къ своему идеалу, безпощадно отсѣкая все то, что справа или слѣва мѣшало ихъ утопической мечтѣ воплотиться въ жизнь. Идеалъ братства свободныхъ и равныхъ товаропроизводителей не только потускнѣлъ съ тѣхъ поръ, впитавъ въ себя цѣлый рядъ компромиссовъ, но, что особенно характерно, онъ удалился изъ предѣловъ практической досягаемости. Идеологи мелкой буржуазіи выработали теорію, по которой всякий идеалъ тѣмъ то и «цѣненъ», что онъ абсолютно неосуществимъ и совершенно независимъ отъ жизни; соціалистическая конечная цѣль представляется имъ „низменной“ уже по одному тому, что соціалисты видятъ въ ней не заоблачную грезу, а реальную задачу, подлежащую воплощенію во всей ея полнотѣ. Эта возвѣденная въ принципъ оторванность идеала отъ жизни лучше всего показываетъ, насколько далеко ушло разложеніе даннаго класса, насколько безнадежными представляются ему самому мечты о соціальномъ строѣ, обеспечивающемъ торжество желательныхъ для него формъ и отношеній. Идеалы современной мелкой буржуазіи—это парадные апартаменты ея скуднаго жилища; въ обычное время они крѣпко заперты на ключь и открываются лишь для особо почетныхъ гостей и по особо торжественнымъ днямъ. На практикѣ мелкіе буржуа примираются со своимъ подчиненіемъ власти капитала, какъ съ неумолимымъ рокомъ. Причемъ въ зависимости отъ характера этого подчиненія вырабатывается двоякое отношеніе къ господину.

Тамъ, гдѣ имѣется хоть какая-нибудь возможность смотрѣть на себя, какъ на существо привилегированное по сравненію съ «простымъ» рабочимъ, развивается характерная психологія излюбленныхъ, приближенныхъ слугъ. Взгляните, напримѣръ, на какого-нибудь мелкаго „клерка“, ничтожнаго „служащаго“ въ какой-нибудь капиталистической конторѣ или канцеляріи капиталистического государства. Съ какимъ великодѣпнымъ презрѣніемъ посматриваетъ онъ съ высоты своихъ обязательныхъ крахмальныхъ воротничковъ на засаленную куртку рабочаго! Въ полномъ согласіи съ теоріей автора «Буржуазной революціи и рабочаго дѣла» онъ относить себя къ командующимъ классамъ,—вѣдь онъ «интеллигентъ», одѣтый въ „господское“ платье. И вы ни за что не убѣдите его, что трудъ „простого“ рабочаго во многихъ профессіяхъ требуетъ несравненно большей интеллигентности, чѣмъ переписываніе бумагъ и щелканье на счетахъ. Даже нерѣдкое превосходство заработка у „рабочаго“ не всегда въ состояніи поколебать тотъ пьедесталь, который воздвигъ себѣ «служащій».— Въ промышленныхъ странахъ идеологія „излюбленнаго слуги“ становится мало-по-малу характерной для тѣхъ слоевъ мелкой буржуазіи, которые у насъ въ Россіи принято называть „интеллигенціей“ Съ развитiemъ промышленнаго капитализма представители умственнаго труда — даже въ томъ случаѣ, если они принадлежать къ такъ называемымъ либеральнымъ профессіямъ—дѣлаются все болѣе и болѣе зависимыми отъ капитала. Являясь частью наемными организаторами, частью ближайшими исполнителями предназначенній капитала или капиталистическаго государства, «интеллигенты» въ общемъ и цѣломъ представляютъ дѣйствительно привилегированную группу слугъ современаго строя. Кромѣ того, это своеобразное промежуточное положеніе даетъ интеллигенціи возмож-

ность въ моменты обостренія соціальнихъ противорѣчій сыграть роль того добавочнаго груза, присоединеніе котораго окончательно склоняетъ вѣсы въ ту или другую сторону. Вотъ почему даже въ тѣхъ странахъ, где мелкая буржуазія далеко уже не составляетъ большинства, „общественное мнѣніе“, направляющееся всегда по равнодѣйствующей боряющихся соціальныхъ силь, формируется преимущественно профессиональной «интеллигенціей».

Въ тѣхъ случаяхъ, когда—какъ напримѣръ, въ типичной домашней промышленности—для иллюзіи привилегированности не остается никакого мѣста, основной тонъ мелкобуржуазной психологіи—приниженная, заискивающая покорность, стремленіе не прогнѣвить какънибудь господина, заслужить его милость. Такое настроеніе создаетъ самая форма эксплуатациі, убивающая въ своихъ жертвахъ всякую способность къ систематической организованной борьбѣ, всякую вѣру въ свои собственные силы.

Само собою разумѣется, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ приверженность мелкой буржуазіи къ ея господину—капиталу прочна лишь до тѣхъ поръ, пока власть послѣдняго грозна и непоколебима. Если бы стало для всѣхъ очевиднымъ, что въ рукахъ промышленныхъ рабочихъ уже сосредоточена сила болѣе значительная, чѣмъ та, которой располагаетъ капиталистический классъ, мелкая буржуазія немедленно отшатнулась бы отъ своего обанкротившагося властителя. И уже въ настоящее время въ тѣхъ случаяхъ, когда пролетаріату удается какимъ-либо неожиданнымъ ударомъ внести временное смятеніе въ ряды руководителей капиталистического строя, наблюдается иногда такая измѣна мелкой буржуазіи, внезапный поворотъ «общественного мнѣнія».

Въ общемъ и цѣломъ получается, слѣдовательно, такой

выводъ. Хотя мелкая буржуазія въ строгомъ смыслѣ этого слова уже уничтожена капиталистическимъ развитіемъ, хотя самостоятельные мелкіе производители современаго общества «самостоятельны» лишь по формѣ, по существу же являются рабами капитала,—тѣмъ не менѣе промышленный пролетаріатъ въ ближайшемъ будущемъ не можетъ разсчитывать на сколько-нибудь серьезную и систематическую поддержку этихъ слоевъ населенія. Они будутъ на сторонѣ пролетаріата, но лишь тогда, когда въ рукахъ его сосредоточится сила, способная импонировать капиталистическому строю. Накопить эту силу пролетаріатъ долженъ одинъ, опираясь только на самого себя, въ процессѣ самостоятельной классовой борьбы.

IX.

Положительные общественные предпосылки социализма.—Формы рабочаго движения.

Складывается ли,—и если да, то какимъ именно образомъ складывается пролетаріатъ въ ту силу, которая способна совершить соціалистической переворотъ?

Попытаемся съ этой точки зренія подвести итоги исторически выработаннымъ формамъ пролетарской борьбы.

Если оставить въ сторонѣ кооперативы, не стоящія въ прямой связи съ боевыми задачами пролетаріата, то всѣ остальные виды рабочаго движения сведутся къ двумъ основнымъ потокамъ, которые до сихъ поръ пробивали свой путь обособленно, порою враждебно сталкиваясь между собой и расходясь въ разныя стороны, порою сближаясь и перекрещиваясь, но никогда не сливаясь въ одно общее русло. Мы имѣемъ въ виду политическую и экономическую борьбу.

Классической страной экономической борьбы является

Англія. Здѣсь выработались образцовые по своему материальному могуществу и стройной организаціи типы професіональныхъ союзовъ, здѣсь были достигнуты наиболѣе крупныя экономической завоеванія, здѣсь же сложилось особое трэдъ-юніонистское міровоззрѣніе, извѣстное у насъ въ Россіи подъ именемъ «экономизма». Надо однако замѣтить, что тѣ формы капиталистического развитія, которые вызвали расцвѣть классического англійского трэдъ-юніонизма, отнюдь не были сами по себѣ классическими, т. е. типичными для развитія капитализма вообще. Наоборотъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ условіями, совершенно исключительными, которые въ настоящее время исчезли въ самой Англіи и не могутъ болѣе повториться ни въ одной странѣ.

Блестящіе успѣхи трэдъ-юніоновъ относятся къ періоду 50-хъ—80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда англійскій промышленный капиталъ занималъ монопольное положеніе на всемирномъ рынкѣ, нигдѣ не встрѣчалъ себѣ достойнаго соперника и эксплуатировалъ всѣ остальныя страны, какъ свои вассальные владѣнія. Пользуясь такимъ исключительно благопріятнымъ положеніемъ міровыхъ эксплуататоровъ, англійскіе капиталисты сравнительно легко могли пойти на серьезныя уступки рабочимъ. Само собой разумѣется, никакой склонности къ уступкамъ капиталисты не обнаруживали и въ этотъ періодъ, каждое улучшеніе рабочимъ приходилось завоевывать упорной стачечной борьбой; но самое отношение капиталистовъ къ стачкамъ носило болѣе дѣловой, менѣе принципіальный характеръ, нежели въ другія не столь благопріятныя эпохи. Капиталистъ просто рассматривалъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ, что ему выгоднѣе, согласиться на условія рабочихъ или дожидаться, пока голодъ заставитъ ихъ прекратить забастовку. Вопросъ объ организованномъ противодѣйствіи самой формѣ стачечной

борьбы, о томъ, чтобы сдѣлать успешныя стачки вообще невозможными, возникалъ сравнительно рѣдко. Съ другой стороны, постоянно повышающейся спросъ на рабочія руки при отсутствіи рѣзкихъ промышленныхъ кризисовъ заставлялъ рабочихъ относиться съ довѣріемъ къ прочности завоеванныхъ ими позицій въ рамкахъ существующаго строя. Рабочіе союзы радовали капиталистической сердца солидною умѣренностью своихъ требованій, корректнымъ стремленіемъ къ гармонизаціи классовыхъ противоположностей. Рабочимъ удалось улучшить не только свое экономическое, но и свое юридическое положеніе въ предпріятіи. Самодержавная фабрика превратилась въ конституціонную: большинствомъ капиталистовъ трэдъ-юніоны были признаны официальными представителями рабочихъ, договоры о наймѣ заключались черезъ посредство секретарей союзовъ, выработанныя союзами нормы заработной платы пользовались широкимъ признаніемъ. Многимъ уже начинало казаться, что эта фабричная конституція столь же прочно вошла въ нравы, стала столь же неотъемлемой принадлежностью англійского строя жизни, какъ и прерогативы парламента. Среди англійскихъ соціалистовъ-постепеновцевъ («фабіанцевъ») появились даже опасные мечтатели, которые стали подумывать объ изысканіи мирныхъ путей для постепенного превращенія конституціонной фабрики въ фабрику республиканскую...

Тѣмъ временемъ международное положеніе англійской промышленности измѣнилось; интенсивное развитіе капитализма въ сѣверной Америкѣ, Германіи и другихъ странахъ положило конецъ періоду промышленной монополіи Англіи; вездѣ выросли опасные конкуренты,—и «конституціонное» настроеніе англійскихъ капиталистовъ испытало рѣзкій поворотъ въ сторону былого самодержавія. Трэдъ-юніонизмъ былъ разжалованъ изъ столповъ общества и провозглашенъ, какъ въ дни его дѣтства, угрозой

общественному порядку и спокойствию; «общественное мнѣніе» повернулось противъ него; суды и палата лордовъ выступили на поддержку капиталистовъ, занявшихся систематической травлей профессиональныхъ союзовъ. Въ результатѣ трэдъ-юніоны, несмотря на свои громадныя материальныя средства, становятся все безсѣльнѣе и безсѣльнѣе, въ качествѣ органовъ экономической борьбы, все болѣе и болѣе превращаются въ простыя кассы взаимопомощи.

Не трудно убѣдиться, что чисто стачечная профессиональная борьба можетъ вообще быть успешной или при такихъ совершенно исключительныхъ условіяхъ, какія имѣлись въ Англіи въ періодъ промышленной монополіи, или же при недостаточномъ развитіи капитализма, когда формы сопротивленія класса капиталистовъ еще не выработаны. Въ самомъ дѣлѣ, при какихъ условіяхъ капиталистъ *вынужденъ* уступить стачкѣ? Такъ какъ источники средствъ существованія у капиталиста всегда несравненно обильнѣе, нежели у любого изъ его рабочихъ, то, очевидно, никакой профессиональный союзъ, сколько бы онъ ни накопилъ сбереженій изъ заработной платы, не можетъ и мечтать о томъ, чтобы голодомъ принудить врага сдаться на капитуляцію. Стачка не угрожаетъ гибелью капиталисту, какъ индивидууму. Но она при извѣстныхъ условіяхъ можетъ вызвать гибель его, какъ предпринимателя. Если капиталистъ имѣеть срочные заказы, если онъ долженъ внести срочные платежи, если конкурентъ ждетъ только удобнаго случая, чтобы вытѣснить его съ рынка, то даже непродолжительная забастовка можетъ привести предприятіе къ полному краху, и капиталистъ вынужденъ уступить подъ угрозой банкротства. Какъ мы видимъ, всѣ обстоятельства, благопріятствующія стачкѣ, обусловливаются исключительно противорѣчіями интересовъ между самими капиталистами и существуютъ лишь

постольку, поскольку капиталисты, имѣющіе то или другое отношеніе къ забастовавшему предпріятію, не только не поддерживаютъ своего удрученаго горемъ собрата, но, наоборотъ, всячески стараются использовать его затруднительное положеніе въ своихъ интересахъ. Но разъ этого нѣтъ, разъ существуетъ союзъ предпринимателей, обязующихся взаимно поддерживать другъ друга при забастовкахъ, стачка становится совершенно безсильнымъ оружиемъ, она превращается въ состязаніе между кассою группы капиталистовъ и кассою работающихъ у нихъ пролетаріевъ. Само собою разумѣется, на этомъ поприщѣ рабочимъ никогда не у gnаться за капиталистами. Въ настоящее время всѣми компетентными дѣятелями профессионального движения признано, что въ тѣхъ областяхъ производства, гдѣ предприниматели объединены въ тресты или картели, успѣшная экономическая стачка невозможна. Правда, такое тѣсное объединеніе предпринимателей далеко не всегда осуществимо. Сохраненіе конкуренціи является, вообще говоря, жизненной потребностью капитализма, и это въ значительной степени затрудняетъ организацію стройнаго предпринимательского отпора рабочимъ. Однако мало-по-малу затрудненія эти все же преодолѣваются. Чѣмъ интенсивнѣе развивается экономическая пролетарская борьба, тѣмъ скорѣе создаются такія соглашенія между капиталистами, которыя, не уничтожая конкуренціи вообще, отнимаютъ въ то же время у рабочихъ возможность использовать ее въ своихъ интересахъ. Боевые профессиональные союзы капиталистовъ слѣдуютъ по пятамъ за боевыми профессиональными союзами рабочихъ, все успѣшие и успѣшие параллазя дѣятельность послѣднихъ. Вотъ почему въ такой отсталой странѣ, какъ Россія, процентъ успешныхъ стачекъ несравненно выше, чѣмъ въ передовыхъ западно-европейскихъ странахъ. Нало впрочемъ замѣтить, что за послѣдніе

годы особенно обостренной социальной борьбы наши капиталисты быстро догоняютъ своихъ западныхъ товарищѣ въ области классового самосознанія и классовой организації.

Приходится, такимъ образомъ, признать, что съ развитіемъ классовой борьбы мало-по-малу утрачиваетъ свое значеніе стачка въ ея первоначальной, классической формѣ, т. е. простоянка работъ данной профессиональной группой, опирающейся только на кассу своего союза и борющейся за улучшеніе условій труда только въ предѣлахъ своей профессіи.

По мѣрѣ того, какъ профессиональная экономическая борьба самимъ своимъ развитіемъ, самыми своими успѣхами создаетъ условія, задерживающія ея дальнѣйшее развитіе, исключающія возможность ея дальнѣйшихъ успѣховъ, взоры рабочихъ массъ все настойчивѣе и настойчивѣе обращаются въ сторону «политики».

Политическое движение рабочаго класса охватываетъ всѣ виды и формы давленія на государственную власть, направленные къ тому, чтобы вырвать законодательныя мѣры, улучшающія экономическое и правовое положеніе рабочихъ,—всѣ виды и формы организованной борьбы, способные усилить влияніе рабочихъ на ходъ общественныхъ дѣлъ и подготовить завоеваніе политической власти классовой партіей пролетаріата. Такъ смотрѣтъ на задачи политической борьбы соціальдемократія. Такимъ образомъ, собственно *парламентская* борьба—даже въ обычное «мирное» время—представляетъ лишь важнѣйшую, но далеко не единственную форму политической борьбы, признаваемой и практикуемой соціальдемократіей.

Задачи, преслѣдуемыя парламентской дѣятельностью соціальдемократіи, можно свести къ слѣдующимъ четыремъ пунктамъ.

1. Представляеть крупную важность использовать

въ цѣляхъ агитаціи и пропаганды парламентскую трибуну, пользующуюся особымъ авторитетомъ въ глазахъ широкихъ народныхъ массъ.

2. Соціальдемократическая фракція въ парламентѣ стремится провести законы, охраняющіе рабочихъ отъ чрезмѣрной эксплуатациі и укрѣпляющіе ихъ позицію въ борьбѣ за соціализмъ.

3. Выборы въ парламентъ, если они производятся на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайного голосованія, даютъ удобный способъ сдѣлать подсчетъ силъ, выяснить численность населенія, идущаго подъ знаменемъ соціализма¹⁾.

4. Завоевавъ большинство въ странѣ, а слѣдовательно,—при всеобщемъ избирательномъ правѣ,—и въ парламентѣ, соціальдемократія дѣлаетъ послѣдній орудіемъ соціалистического переворста.

Использованіе парламента, въ качествѣ агитаціонной трибуны, имѣть особенно важное значеніе въ первые годы развитія соціалистического рабочаго движенія, когда, съ одной стороны, непосредственное вліяніе соціалистической партіи незначительно, съ другой стороны, среди широкой рабочей массы еще живы буржуазно-демократическая иллюзія, заставляющія видѣть въ парламентѣ органъ абсолютной, сверхклассовой справедливости. Но

¹⁾ Насколько важно для партіи имѣть точное представленіе о числѣ ея сторонниковъ въ странѣ, понятно само собою. Надо однако замѣтить, что число голосовъ, полученныхъ на парламентскихъ выборахъ—въ особенности при условіи тайного голосования—не всегда даетъ надежную цифру для практическихъ расчетовъ. Такъ, напримѣръ, едва ли можно думать, что тѣ сотни тысячъ мелкихъ буржуа, которые голосуютъ за нѣмецкихъ соціальдемократовъ, стали бы открыто на сторону соціальдемократіи, если бы разыгрался непосредственный внѣпарламентскій конфликтъ. Тайное голосование за соціальдемократа даетъ очень удобный способъ всякому обиженному мелкому буржуа безнаказанно отомстить своимъ господамъ. Но отъ невиннаго желанія подложить капиталу свинью въ видѣ тайного "бюллетея" до революціоннаго выступленія противъ капитала еще очень большой шагъ.

по мѣрѣ того, какъ растетъ и обостряется классовая борьба и классовое сознаніе, миражъ «всенародной» правды, вѣщаемой устами «всенародныхъ» представителей, мало-по-малу разсѣивается, и для всѣхъ становится ясно, что парламентъ, какъ и всякое иное поприще, на которомъ сталкиваются представители различныхъ классовъ, есть лишь арена борьбы противоположныхъ интересовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, соціалистическая партія приобрѣтаетъ все болѣе и болѣе авторитета, дѣлается общепризнанной выразительницей интересовъ рабочаго класса. Ея лозунги имѣютъ теперь вѣсъ и значеніе независимо отъ того, съ какой трибуны они провозглашаются. Въ Германіи, напримѣръ, гдѣ третья часть избирателей голосуетъ за соціальдемократовъ, народныя массы прислушиваются къ голосу соціальдемократическихъ съѣздовъ не съ меньшимъ, если не съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ къ рѣчамъ, раздающимся съ парламентской трибуны. Это не значитъ, конечно, что парламентская дѣятельность утрачиваетъ всякое агитационное значеніе. Исчезаетъ только тотъ исключительный ореолъ, который дѣляетъ парламентскую трибуну несравнимой со всѣми другими орудіями агитациіи и пропаганды. Тѣмъ не менѣе, въ ряду этихъ послѣднихъ парламентъ продолжаетъ играть очень крупную роль. Поэтому, отказаться отъ парламентской дѣятельности, какъ того требуютъ анархисты, значило бы просто частично разоружиться, наложить на себя добровольное обязательство не пользоваться однимъ изъ важныхъ способовъ расширенія идейнаго вліянія партіи.

Что касается воздѣйствія на законодательство страны въ интересахъ рабочихъ, то, само собою понятно, до тѣхъ поръ, пока соціалисты составляютъ меньшинство представительного собранія, они могутъ добиться какихъ-либо результатовъ въ этомъ направленіи, лишь пользуясь

противорѣчіями среди буржуазныхъ партій, привлекая часть буржуазіи на свою сторону. Въ особенности затруднительно это въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о законахъ, защищающихъ специальные интересы рабочихъ, следовательно, о законахъ, въ которыхъ положительно не заинтересована ни одна изъ буржуазныхъ группъ. И действительно, несмотря на всѣ усилия соціалистовъ, рабочее законодательство даже въ наиболѣе «прогрессивныхъ» странахъ находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Но и въ этой въ общемъ страшно узкой области законодательного творчества все сравнительно болѣе крупное было осуществлено не соціалистами въ союзѣ съ отковавшимися отъ буржуазнаго большинства группами: въ однихъ случаяхъ фабричные законы обязаны своимъ возникновеніемъ противорѣчіямъ интересовъ среди господствующихъ классовъ въ эпоху, когда соціализмъ еще не возникъ, — въ другихъ случаяхъ они вводились правительствомъ съ цѣлью подорвать успѣхи зарождающагося соціализма. На этой послѣдней почвѣ расцвѣло, напримѣръ, соціальное реформаторство Бисмарка. Молодое еще тогда соціальдемократическое движение считалось официальными сферами случайнымъ налетомъ, результатомъ преходящаго недовольства рабочихъ массъ; государственное страхование должно было умиротворить рабочія сердца, отвлечь ихъ отъ агитаторовъ и склонить на сторону правительства. И когда выяснилось, что никакими подачками въ предѣлахъ существующаго строя нельзя сокрушить соціализмъ, что всякия уступки рабочимъ только усиливаютъ и укрепляютъ позиціи принципіальныхъ враговъ капитализма, соціально-реформаторскій зудъ какъ рукой сняло съ правящихъ сферъ Германіи; въ области рабочаго законодательства была поставлена солидная «точка», которая остается незыблемой и до сего дня.

Но и обще-демократическая реформы, въ которыхъ, кромъ пролетаріата, заинтересованы широкіе слои буржуазіи, встрѣчаютъ несравненно менѣе сильное сопротивленіе въ парламентѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда соціалистическая партія еще не пользуются особымъ вліяніемъ въ странѣ.

За послѣдніе 10—15 лѣтъ обще-демократическое движение увѣнчалось сколько-нибудь замѣтными успѣхами только во Франціи, гдѣ мелкая буржуазія сравнительно многочисленна и самостоятельна, гдѣ пролетарскій соціализмъ былъ до недавняго времени лишенъ единства и рядомъ нечувствительныхъ переходовъ сливался съ мѣщанскимъ соціальнымъ радикализмомъ. При такой группировкѣ общественныхъ силъ «красная опасность» не гнететь еще постояннымъ кошмаромъ буржуазныхъ сердецъ; «за соціализмъ» или «противъ соціализма» не является еще тѣмъ лозунгомъ, который по поводу всякаго сколько-нибудь важнаго политического вопроса дѣлить на два лагеря общество и парламентъ.—Во главѣ демократического движения во Франціи идетъ до сихъ поръ радикальная мелкая буржуазія. Походъ противъ реакціонной военщины былъ начатъ въ периодъ «Дрейфусады» буржуазными радикалами; соціалисты (за исключеніемъ Жореса) присоединились къ нему лишь впослѣдствіи. Въ борьбѣ съ клерикализмомъ гегемонія движения принадлежитъ опять-таки буржуазнымъ элементамъ.

Въ Германіи демократизмъ можетъ похвалиться кое-какими успѣхами только въ нѣкоторыхъ кжныхъ государствахъ, гдѣ опять-таки сравнительно сильна мелкая буржуазія, а рабочее движение окрашено мѣщанскими тенденціями такъ называемаго «ревизіонизма». Наоборотъ, «красное» королевство Саксонія съ его высокоразвитымъ капитализмомъ и абсолютнымъ преобладаніемъ революціонной соціальдемократіи надъ всѣми другими партіями

очень далеко отъ демократизма. Здѣсь торжествуетъ суровая реакція. Ухудшеніе избирательного права въ саксонскій ландтагъ было единственнымъ средствомъ устранить соціалистовъ отъ политического господства въ странѣ; передъ этимъ соображеніемъ «государственной безопасности» смолкли всѣ традиціи буржуазнаго либерализма: правящая буржуазія поспѣшила, пока не поздно, измѣнить избирательное право, — и двери ландтага захлопнулись передъ соціалистами.

Въ общеимперскомъ рейхстагѣ соціальдемократическая партія, давно уже считающая свои голоса миллионами, очень далека отъ демократическихъ завоеваній. Ей съ трудомъ удается отражать реакціонныя посягательства на завоеванныя уже позиціи. Но и этотъ отрицательный успѣхъ объясняется не столько страхомъ буржуазіи передъ непосредственной силой соціалистического пролетариата, сколько нежеланіемъ ея толкнуть въ ряды соціальдемократіи тѣхъ рабочихъ, которые еще идутъ на буксирѣ буржуазныхъ партій. Только благодаря содѣйствію партіи центра, соціальдемократіи удалось провалить ультракакціонные законопроекты, направленные противъ свободы пропаганды, права коалицій и т. п. (такъ называемые «Umsturzgesetz», «Zuchthausgesetz»). Только благодаря несочувствію вождей центра, отложена пока идея отмѣнить всеобщее избирательное право въ рейхстагѣ. Центръ въ главной массѣ своей — мелкобуржуазная партія. Но отнюдь не настроеніе самой мелкой буржуазіи заставляетъ его бороться съ реакцией. Все дѣло въ томъ, что къ партіи центра принадлежать еще десятки тысячъ организованныхъ рабочихъ. Боязнь потерять этихъ рабочихъ, толкнуть ихъ «въ объятія соціальдемократіи» является единственной причиной сравнительно стойкой оппозиціи центра тѣмъ реакціоннымъ мѣропріятіямъ, которыя прямо и непосредственно на-

правлены противъ пролетаріата. Въ другихъ случаяхъ, когда интересы рабочихъ нарушаются не столь явно (напримѣръ, въ вопросахъ милитаризма), центръ всегда вступаетъ въ соглашенія съ правительствомъ и въ концѣ концовъ поддерживаетъ его реакціонную политику; нерѣдко онъ даже самъ выступаетъ инициаторомъ крайне ретроградныхъ законопроектовъ, напр., пресловутаго «Lex Heinze».

Въ Германіи, какъ и во всякой капиталистически развитой странѣ, мелкая буржуазія, утрачивая соціальную самостоятельность, теряетъ въ то же время свои «независимыя» демократическія убѣжденія, становится прихвостнемъ реакціонной крупной буржуазіи. Отъ торжества антипролетарской и антидемократической реакціи Германію спасали до сихъ поръ тѣ принадлежащіе къ центру и партіи свободомыслящихъ рабочіе, которые уже достаточно сознательны для того, чтобы возстать противъ законовъ, ограничивающихъ свободу пропаганды и стачекъ или избирательное право въ рейхстагъ, но еще недостаточно сознательны для того, чтобы стать подъ знамя соціализма и бороться противъ всѣхъ мѣропріятій, укрепляющихъ силу капитала и капиталистического государства. Внезапный переходъ въ ряды соціальдемократіи всѣхъ «евангелическихъ», «гиршъ-дункеровскихъ» (либеральныхъ) и «католическихъ» (партіи центра) рабочихъ привелъ бы не къ парламентскому апоѳеозу соціализма, а къ парламентскому торжеству реакціи.

Чѣмъ дальше зашло капиталистическое развитие, чѣмъ острѣе классовая борьба между предпринимателями и рабочими, чѣмъ ничтожнѣе самостоятельная роль промежуточныхъ элементовъ, чѣмъ больше рабочихъ объединено въ партіи революціонного соціализма, тѣмъ изолированнѣе соціалисты въ борьбѣ за общедемократическія требования, тѣмъ плотнѣе смыкаются ряды всѣхъ

несоціалистовъ подъ знаменами общественной и политической реакціи, тѣмъ труднѣе становится путемъ парламентской дѣятельности расширять политическія права рабочихъ, или хотя бы только защищать уже отвоеванныя позиціи.

Мирное завоеваніе большинства въ парламентѣ дѣлается все болѣе и болѣе проблематичнымъ, по мѣрѣ того какъ приближается моментъ завоеванія большинства въ странѣ. Судьба красной Саксоніи является внушительнымъ *memento mori* для соціалистическихъ партій всѣхъ быстро развивающихся и, слѣдовательно, быстро «краснѣющихъ» странъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что буржуазія вездѣ попытается политически обезвредить пролетаріатъ наканунѣ его парламентской побѣды, или отнявъ у рабочихъ избирательное право, или сведя на нѣть компетенцію парламента.

Изъ этого несомнѣнного факта упадка парламентаризма на извѣстной ступени развитія и обостренія классовыхъ противорѣчій анархисты пытаются создать новый аргументъ въ пользу своей теоріи неучастія въ парламентской борьбѣ. Парламентъ, говорятъ они, есть органъ господства буржуазіи; органъ этотъ начинаетъ разлагаться; а соціальдемократы вмѣсто того, чтобы содѣйствовать этому процессу, стараются гальванизировать трупъ, вовлекая все новые, свѣжіе, полные силъ элементы народа въ парламентскую дѣятельность; соціальдемократы укрѣпляютъ такимъ образомъ силу падающаго капитализма. Несостоятельность такой аргументаціи бросается въ глаза. Парламентъ только потому и разлагается, что онъ перестаетъ быть органомъ безраздѣльного господства буржуазіи и грозить превратиться въ органъ господства пролетаріата. Только подъ напоромъ политической борьбы соціалистовъ изъ подъ ногъ буржуазіи ускользаетъ парламентская опора. И если

даже въ конечномъ итогѣ получится не завоеваніе парламента соціалистами, а разрушеніе его, то, очевидно, даже этотъ результатъ можетъ быть достигнутъ не анархической декламацией противъ парламентаризма, а только планомърной соціалистической борьбой на парламентской почвѣ. Но, само собою разумѣется, соціальдемократія не склонна мириться съ такимъ чисто отрицательнымъ успѣхомъ. Въ извѣстный моментъ и при извѣстныхъ условіяхъ для партіи, принципіально враждебной буржуазному строю, можетъ быть выгодно лишить господство буржуазіи всякой санкціи закономърно представленной народной воли, заставить буржуазію опираться только на голую силу. Несравненно выгоднѣе однако не только выбить парламентское оружіе изъ рукъ врага, но и завладѣть имъ самому. Поскольку избирательные бюллетени не достаточны для этой цѣли, приходится искать другихъ, болѣе рѣшительныхъ и цѣлесообразныхъ способовъ дѣйствій. И нѣмецкой соціальдемократіи дѣйствительно пришлось серьезно задуматься о новыхъ методахъ политической борьбы: уже второй годъ злобой дня въ партіи является вопросъ о массовой политической забастовкѣ, уже второй партійный съездъ выносить резолюцію, допускающую примѣненіе политической забастовки въ случаѣ покушенія на всеобщее избирательное право.

Политическая массовая забастовка родилась не въ головахъ руководителей движенія, какъ теоретический выводъ изъ уроковъ исторіи. Нѣтъ, подобно всѣмъ другимъ методамъ массовой борьбы, она возникла стихійно и притомъ за самое послѣднее время. Еще 20 лѣтъ тому назадъ массовые политическія забастовки были, можно сказать, совершенно неизвѣстны. За послѣдніе 13 лѣтъ можно насчитать до 10 случаевъ политическихъ стачекъ въ самыхъ разнообразныхъ странахъ: въ Бельгіи,

Голландії, Швеції, Італії, Австрії, Россії. Разумѣется, каждая изъ массовыхъ забастовокъ, въ зависимости отъ условій мѣста и времени, носила особыя, ей только свойственные черты ¹⁾, но среди этого почти безконечнаго разнообразія можно все же намѣтить два основные типа. Это, во-первыхъ, забастовка рабочихъ одной только отрасли промышленности, спеціальная требованія которыхъ поддерживаются политической агитацией въ странѣ и политическимъ давлениемъ въ стѣнахъ парламента. Во вторыхъ, «всеобщая» забастовка, т. е. забастовка всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, многихъ отраслей промышленности, преслѣдующая какую-либо общую для всего рабочаго класса задачу и направленная, такимъ образомъ, противъ буржуазнаго общества и буржуазнаго государства въ цѣломъ. Всеобщія забастовки опять-таки извѣстны въ двухъ видахъ: 1) политическая забастовка-демонстрація, имѣющая цѣлью путемъ приостановки производства на извѣстный, заранѣе опредѣленный срокъ оказать моральное давление на буржуазное общество, и 2) боевая политическая забастовка, которая стремится силой вырвать у буржуазіи и государства опредѣленную уступку, а слѣдовательно, продолжается до тѣхъ поръ, пока требованія, выставленныя забастовщиками, не исполнены.

При какихъ же условіяхъ политическая забастовка можетъ имѣть успѣхъ?

Наиболѣе поучительныѣ примѣръ политической стачки въ отдельной отрасли промышленности имѣлъ мѣсто въ Австріи, гдѣ забастовка горнорабочихъ была поддержана соціальдемократической агитацией въ странѣ и парламентѣ. Группа австрійскихъ угольныхъ бароновъ, какъ

¹⁾ Читателей, интересующихся вопросомъ о всеобщей забастовкѣ и отношеніи къ ней соціальдемократіи мы отсылаемъ къ работѣ Роландъ Гольстѣ: Всебѣдная забастовка и соціальдемократія. Изд. тов. «Знаніе»

и всякий капиталистический союзъ, объединяющій въ своихъ рукахъ цѣлую отрасль промышленности, была достаточно сильна для того, чтобы не бояться никакихъ стачекъ. И дѣйствительно, непосредственное давленіе забастовавшихъ углекоповъ на предпринимателей не имѣло успѣха,—экономически стачка была проиграна. Но политическая кампанія была выиграна. Общественное мнѣніе, взбудороженное забастовкой, повернулось противъ шахтовладѣльцевъ, и соціальдемократамъ удалось вырвать у рейхсрата девятичасовой день въ пользу углекоповъ. Мы знаемъ, что означаетъ это благопріятное для рабочихъ «общественное мнѣніе». Это значитъ, что предприниматели въ цѣломъ не оказали достаточно дружной поддержки угольнымъ баронамъ, разсматривая ихъ исключительно высокіе барыши, какъ незаслуженную монополію. Только на этой почвѣ расцвѣли гуманныя симпатіи общества къ «бѣднымъ», «загнаннымъ», «угнетеннымъ» углекопамъ. Но стоило капиталистамъ провозгласить дѣло шахтовладѣльцевъ своимъ классовымъ дѣломъ, объявить притязанія углекоповъ опасностью для государства,—и мы услышали бы изъ устъ гуманныхъ столповъ общественного мнѣнія совсѣмъ иная рѣчи: мы услышали бы о безумныхъ утопіяхъ, питаемыхъ невѣжествомъ толпы, о полной неспособности дикой черни считаться съ условіями реально осуществимаго, о печальной обязанности государства принять рѣшительныя мѣры противъ анархіи, дезорганизующей столь важную отрасль промышленности и т. д. и т. п. Въ результатѣ рейхсрата, несмотря на все краснорѣчіе соціальдемократовъ, не оказалъ бы, конечно, ни малѣйшей поддержки «анархистамъ» и «дезорганизаторамъ».

Такимъ образомъ, по общему своему характеру условія успѣха при политической стачкѣ въ отдельной отрасли промышленности тѣ же, что и при обычной чисто эко-

номической забастовкѣ: пролетаріатъ можетъ побѣдить, лишь пользуясь недостаточной организованностью и солидарностью своихъ враговъ. Расширяется только базисъ борьбы. Для того, чтобы сдѣлать безуспѣшной всякую чисто экономическую забастовку, достаточно оборонительного соглашенія предпринимателей въ одной отрасли производства. Но даже трестъ, объединившій въ одно централизованное предпріятіе цѣлую отрасль производства, не въ состояніи собственными силами подавить политической кампаніи, поднятой на защиту забастовщиковъ *классовой* партіей пролетаріата. Только организованный политической отпоръ *класса* капиталистовъ обеспечиваетъ въ данномъ случаѣ побѣду данной группѣ предпринимателей.

Всеобщія политическая забастовки оказывались до сихъ поръ успешными лишь въ тѣхъ случаяхъ, если онѣ застигали господствующій классъ врасплохъ, совершенно неподготовленнымъ къ нимъ. При такихъ обстоятельствахъ даже забастовка-демонстрація можетъ, какъ показываетъ опытъ Швеціи, достигнуть серьезныхъ результатовъ. Наоборотъ, тамъ, гдѣ буржуазное государство, наученное горькимъ опытомъ, успѣвало приспособить свои средства обороны къ новой формѣ пролетарской борьбы, всеобщія забастовки терпѣли пораженіе. Такъ, напримѣръ, было въ Бельгіи, гдѣ черезъ девять лѣтъ послѣ удачной политической забастовки разразилась новая, еще болѣе энергичная и дружная, и тѣмъ не менѣе безсильная вырвать у буржуазнаго государства хоть малѣйшую уступку.

Любопытна здѣсь опять-таки роль тѣхъ мелкобуржуазныхъ общественныхъ слоевъ, которые въ лицѣ своихъ «интеллигентныхъ» представителей, состоящихъ въ той или другой формѣ на службѣ у капитала, формируютъ такъ называемое общественное мнѣніе. Въ обычное время въ конституціонныхъ странахъ «общественное

мнѣніе» стоитъ, какъ извѣстно, на стражѣ основъ сущест-
вующаго строя, возмущаясь лишь отдельными эксцес-
сами или «злоупотребленіями» господствующаго класса.
Когда пролетаріатъ неожиданнымъ ударомъ сотрясаетъ
до самаго основанія сложившіеся устои общежитія, когда
государственная власть дезорганизована, беспомощно хва-
тается то за то, то за другое одинаково недѣйствитель-
ное орудіе борьбы, издаєтъ рядъ противорѣчивыхъ рас-
поряженій, — въ такой моментъ всѣ тѣ, которымъ дѣй-
ствительно дороги «основы существующаго строя», дол-
жны бы, казалось, особенно плотно сокнуть свои ряды
вокругъ господствующей соціальной группы, грудью от-
разить натискъ ея врага. Между тѣмъ дѣло происхо-
дить какъ разъ наоборотъ. Именно въ моментъ наи-
большей беспомощности правительства и, слѣдовательно,
наибольшей опасности для «существующаго строя» мелко-
буржуазные элементы оказываются особенно ненадежной
опорой власти, именно тогда со стороны «обществен-
наго мнѣнія» изливается по адресу государства и круп-
ной буржуазіи обильнѣйшій потокъ насмѣшекъ, требо-
ваній, угрозъ. Вчерашие «принципіальные» сторонники
и защитники сегодня отрясають отъ ногъ своихъ прахъ
всіхъ «принциповъ» и «традицій»; они заиски-
ваютъ передъ пролетаріатомъ; имъ импонируетъ эта
новая сила, организованность которой возрастаетъ по
мѣрѣ того, какъ дезорганизуется «существующій строй»;
они не прочь бы окончательно покинуть старого опро-
стоволосившагося господина и встрѣтить восторженной
«Осанной» нарождающейся пролетарскій режимъ, если
бы.... если бы только была гарантія, что молодой хо-
зяинъ дѣйствительно прочно вступилъ во владѣніе на-
слѣдствомъ. На этой почвѣ — и только на этой почвѣ —
господствующій классъ и находящееся въ его рукахъ
государство вынуждены быстро уступить всеобщей заба-

стовкѣ, захватившей ихъ врасплохъ. О прямой и непосредственной побѣдѣ забастовщиковъ надъ буржуазіей, о физической невозможности для послѣдней выносить дальнѣйшую пріостановку промышленности не можетъ быть и рѣчи: всеобщая забастовка столь же мало способна уморить капиталистовъ голодомъ, какъ и частичная забастовка. Только необходимость возстановить колебающуюся авторитетъ «существующаго строя» заставляетъ буржуазное государство ити на уступки, лишь бы вернуться какъ можно скорѣе къ «нормальному» ходу жизни.

Совершенно обратная картина получается въ тѣхъ случаяхъ, когда буржуазное правительство заранѣе подготовлено ко всеобщей забастовкѣ, когда оно въ состояніи съ самаго начала обеспечить функционированіе наиболѣе важныхъ нервовъ своей организаціи (желѣзныхъ дорогъ, почтово-телеграфнаго дѣла и т. п.) и можетъ спокойно выжидать истощенія рабочихъ. Несмотря на то, или, лучше сказать, именно потому, что основы существующаго строя не подвергаются теперь ни малѣйшей опасности, хранители этихъ основъ выступаютъ противъ забастовщиковъ, хотя бы задачей забастовки было введеніе всеобщаго избирательного права или другой чисто либеральной реформы, нѣкогда красовавшейся на первомъ мѣстѣ въ ряду традицій и принциповъ, освященныхъ общественнымъ мнѣніемъ.

На фонѣ потрясающихъ кризисовъ, которые создаются всеобщими забастовками, съ особенной яркостью проявляется характерная для современной мелкой буржуазіи двойственная психологія «слуги». Здѣсь же съ особенной ясностью обрисовываются тѣ обусловленные соотношеніемъ общественныхъ силъ границы, въ предѣлахъ которыхъ этотъ слуга «не токмо за страхъ, но и за совѣсть» охраняетъ основы капиталистического строя. По-

слѣднее имѣть мѣсто тамъ, гдѣ пролетаріатъ уже достаточно силенъ для того, чтобы мобилизовать противъ себя организованное сопротивленіе класса капиталистовъ, но еще недостаточно силенъ для того, чтобы одержать побѣду въ открытомъ бою съ капиталистическимъ строемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда не достигнута еще первая граница, когда слаба классовая солидарность и организованность предпринимателей, мелкая буржуазія обладаетъ болѣе или менѣе самостоятельной политической идеологіей и программой, хранить вѣрность своимъ исконнымъ демократическимъ традиціямъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда пролетаріатъ грозитъ переступить вторую границу, мелкая буржуазія окончательно теряетъ подъ собой почву: «межъ двухъ началъ колеблется усердье» вѣрнаго защитника существующихъ основъ.

Подводя итоги международному опыту¹⁾, мы приходимъ, повидимому, къ тому пессимистическому заключенію, что побѣдоносная всеобщая стачка возможна только одинъ разъ. На самомъ дѣлѣ, однако, это не такъ. Тѣ техническія приспособленія, которыя выработаны государствомъ для борьбы съ политической забастовкой, не представляютъ чего-либо абсолютно непреодолимаго. Къ совершенствованію способна не только техника буржуазной самообороны, но и техника пролетарского нападенія. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на вопросѣ, въ чёмъ именно долженъ заключаться техническій прогрессъ метода всеобщей забастовки. Ясно во всякомъ случаѣ, что всеобщая политическая забастовка не можетъ замѣнить текущей повседневной борьбы. При всѣхъ условіяхъ, при всякихъ усовершенствованіяхъ она

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду международный опытъ всеобщихъ забастовокъ на почвѣ упрочившагося буржуазно-конституціонного строя. Рускія всеобщія стачки, возникшія въ совершенно иной соціально-политической атмосфѣрѣ, носятъ особый характеръ.

останется героическимъ средствомъ, примѣнимымъ лишь въ исключительныхъ обстоятельствахъ.

Тѣмъ не менѣе, неправильно было бы утверждать, что всеобщія забастовки не могутъ оказать никакого вліянія на обычныя «будничныя» формы пролетарской борьбы, оставляютъ совершенно неприкосновенной ту «старую, испытанную тактику», которую съ такимъ жаромъ стараются оградить отъ всякихъ реформъ консерваторы европейской соціальдемократіи. Мы склонны, наоборотъ, думать, что въ интенсивномъ примѣненіи всеобщей забастовки за послѣдніе годы сказалось между прочимъ стихійное стремленіе рабочаго класса приспособить «старую, испытанную тактику» къ новымъ измѣнившимся условіямъ,—мы склонны думать, что нѣкоторыя черты, характерныя для всеобщей забастовки, какъ особой формы движенія, должны быть усвоены и повседневной будничной борьбой.

До сихъ поръ, какъ мы уже упоминали, экономическое и политическое движенія пролетаріата развивались самостоятельно, въ лучшемъ случаѣ, мирно уживаясь между собой, въ худшемъ—враждебно сталкиваясь.

«Всякій рабочій, какъ представитель определенной профессії, долженъ участвовать въ професіональномъ союзѣ; всякий членъ професіонального союза, какъ представитель рабочаго класса, долженъ участвовать въ классовой партіи пролетаріата», — вотъ формула, выработанная въ Германіи, гдѣ оба вида борьбы развивались наиболѣе гармонично. Двѣ души живутъ въ груди каждого пролетарія: экономически-професіональная и политически-классовая, причемъ каждая имѣть свой самостоятельный, автономный уголокъ. Можно же лять лишь, чтобы это сожительство протекало въ мирѣ и согласіи, блистая просвѣщенной взаимной терпимостью и при случаѣ дружеской взаимопомощью. Мелкія недо-

разумѣнія здѣсь, конечно, неизбѣжны, но они легко улаживаются, и все остается по старому, пока въ общемъ каждая изъ двухъ сторонъ преуспѣваетъ на своемъ по-прищѣ. — Но, какъ мы видѣли, преуспѣяніе это само подрываетъ подъ собой почву. Успѣхи, какъ профессио-нально-стачечной, такъ и партійно-парламентской борьбы покоятся на недостаточной организованности профессио-нального и классового отпора капиталистовъ. И именно эти успѣхи заставляютъ въ концѣ концовъ капиталистовъ преодолѣть всѣ трудности и выработать стройныя боевыя организаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ профессио-нально-эко-номическая, такъ и парламентски-партійная формы дви-женія, взятыя каждая въ отдѣльности, все менѣе и менѣе обѣщаютъ побѣдѣ рабочимъ. Естественно возникаетъ стремленіе соединить оба метода борьбы. Ихъ благоже-лателъный взаимный нейтралитетъ оказывается недоста-точнымъ; назрѣваетъ потребность пустить въ ходъ всѣ имѣющіяся въ рукахъ боевыя силы для одновременного натиска на врага. Въ политической массовой забастовкѣ эта тенденція развитія находитъ свое наиболѣе яркое воплощеніе. Стачечная борьба теряетъ здѣсь свой про-фессиональный характеръ; она становится непосредственно классовой, и непосредственно же въ каждомъ боевомъ актѣ сливаются съ массовой политической борьбой. Рабочая партія, которая до сихъ поръ лишь «идейно» объеди-нила всѣ виды пролетарской борьбы подъ общимъ зна-менемъ соціализма, практически же являлась *одной* изъ параллельно развивающихся формъ пролетарского дви-женія, осуществляетъ здѣсь конкретное единство всѣхъ доступныхъ рабочему классу формъ и способовъ борьбы.

Вотъ эта-то сторона всеобщей забастовки, вытекаю-щая не изъ какихъ-либо специальныхъ исключительныхъ условій, но изъ общей тенденціи капиталистического раз-витія, должна быть, по нашему мнѣнію, усвоена повсе-

дневной борьбой пролетаріата, измѣнивъ соотвѣтственно старую тактику.

И не только теоретически ясна необходимость развитія пролетарской борьбы въ указанномъ направленіи, но и фактически, на практикѣ примѣняются пріемы борьбы, которые при известныхъ условіяхъ могли бы стать исходнымъ пунктомъ такого развитія.

Для примѣра укажемъ прежде всего на особый видъ забастовки, который въ Россіи называютъ иногда «посмѣнной забастовкой». Суть ея заключается въ томъ, что рабочіе, вступившіе въ борьбу съ капиталистами, бастуютъ не всѣ сразу, а группами, «посмѣнно». Легко уяснить себѣ значеніе этого способа борьбы. Представимъ себѣ, что въ данной отрасли—или въ нѣсколькихъ отрасляхъ промышленности — занято 100.000 рабочихъ, предъявившихъ общія требованія капиталистамъ. Если послѣдніе объединены въ союзъ — будетъ ли это оборонительный союзъ противъ рабочихъ или трестъ,—одновременная забастовка всѣхъ 100.000 рабочихъ не можетъ увѣнчаться успѣхомъ: материальныя средства у рабочихъ будутъ исчерпаны гораздо скорѣе, чѣмъ у капиталистовъ. Но 100.000 рабочихъ безъ особаго труда могутъ въ любой моментъ содержать отъ 3-хъ до 5-ти тысячъ забастовщиковъ. Они въ состояніи, слѣдовательно, неопределенно долгое время поддерживать забастовку, придавъ ей летучій характеръ, послѣдовательно поражая непріятеля въ различные пункты и организовавъ эту кампанію такимъ образомъ, чтобы численность бастующихъ отрядовъ въ каждый данный моментъ не превышала 3—5 тысячъ. Взять такую забастовку изморомъ капиталисты, очевидно, не въ состояніи. Но, возразить намъ, такая забастовка въ свою очередь не въ состояніи сломить упорство капиталистовъ: разъ рабочіе безъ особаго труда могутъ поддерживать 3—5% бастующихъ

товарищей, объединенные капиталисты и подавно могутъ помириться съ пріостановкой 3—5% предпріятій данной отрасли промышленности. Это не совсѣмъ такъ.— Если материальная жертвы, требуемыя стачкой отъ рабочихъ, зависятъ только отъ числа бастующихъ, если прокормить тысячу данныхъ рабочихъ стоить ровно столько же, какъ и тысячу любыхъ иныхъ рабочихъ, то различные части и функціи капиталистического производственного механизма далеко не равнозначны между собой. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ задержка груза одного только корабля, кратковременная пріостановка работъ на одной только фабрикѣ можетъ нанести тяжелый ударъ капиталистамъ цѣлой отрасли промышленности. Конечно, если бы забастовка все время концентрировалась на данной группѣ предпріятій, то какъ бы ни были важны сами по себѣ эти послѣднія, объединенные капиталисты нашли бы въ концѣ концовъ способъ приспособиться къ этому урону. Но такъ какъ стачка является летучей, никакія приспособленія къ ней не осуществимы. Забастовка легко переносится съ мѣста на мѣсто, всегда неожиданно поражая врага въ самый чувствительный пунктъ, останавливая какъ разъ то колесо, которое въ данный моментъ особенно важно для безпрепятственного хода всего производственного механизма. Летучая посмѣшная забастовка есть методъ борьбы, позволяющей рабочему классу использовать, какъ преимущество, сплоченную однородность своей товарищеской организаціи въ противовѣсь сложной дифференцированности капиталистически организованной промышленности.

Въ настоящее время посмѣшные забастовки еще не примѣняются, какъ систематической, планомѣрной способъ борьбы; они возникаютъ болѣе или менѣе стихійно, ощупью, не опираясь ни на достаточное знакомство съ условіями промышленности, ни на соотвѣтственныя орга-

низациі всѣхъ заинтересованныхъ рабочихъ. Несмотря однако на всѣ несовершенства, присущія теперешнимъ посмѣннымъ забастовкамъ, они зачастую настолько дезорганизуютъ промышленность, что капиталистамъ остается или уступить или прибѣгнуть къ «локиуту», т. е. къ массовому расчету рабочихъ всѣхъ предпріятій, захваченныхъ движеніемъ. Не трудно однако убѣдиться, что успѣшность локиута, какъ способа борьбы противъ посмѣнной забастовки, обусловливается опять-таки недостаточной организованностью послѣдней. Можно объявить локиутъ на нѣсколькихъ фабрикахъ, въ крайнемъ случаѣ, въ цѣлой отрасли производства. Но если круговая порука посмѣнной забастовки объединила рабочихъ большинства, или хотя бы нѣсколькихъ важныхъ отраслей промышленности, локиутъ становится непримѣнимымъ. Вѣдь въ этомъ случаѣ локиутъ былъ бы всеобщей забастовкой, объявленной капиталистами; онъ означалъ бы банкротство капиталистовъ въ роли организаторовъ производства, ихъ собственное признаніе въ томъ, что никакого иного средства борьбы съ рабочими, кроме временного самоустраниенія, въ ихъ рукахъ не имѣется. При такихъ условіяхъ «общественное мнѣніе», решавшее судьбу всеобщей забастовки, несомнѣнно обрушилось бы на ея инициаторовъ, какъ на сторону, открыто сознавшуюся въ своей слабости; политическая кампанія въ пользу рабочихъ имѣла бы всѣ шансы на успѣхъ, пораженіе предпринимателей явилось бы неминуемымъ.

Посмѣнная забастовка, отнюдь не будучи героическімъ способомъ борьбы, соединяетъ однако въ себѣ тѣ характерныя особенности, которыя свойственны всеобщей забастовкѣ въ противоположность старымъ классическимъ формамъ экономического и политического движенія. Экономическая борьба теряетъ здѣсь характеръ состязанія двухъ кассъ, цѣль ея не материальное истощеніе отдѣль-

ныхъ капиталистовъ, а систематическая дезорганизація промышленности. Въ то же время она разрываетъ професіональныя рамки. Распространеніе единой боевой организаціи на цѣлые отрасли производства и въ конечномъ счетѣ на весь рабочій классъ диктуется здѣсь самыми формами борьбы, самыми условіями ея успѣха. Такъ какъ, далѣе, при такомъ расширеніи базиса экономической борьбы необходимо объединять всѣ отдѣльныя, частныя и спеціальныя требованія профессій въ рядъ лозунговъ, общихъ для всего класса, то каждый актъ экономической борьбы можетъ и долженъ осложняться политической борьбой, концентрированной на тѣхъ же лозунгахъ.

Къ этой же категоріи методовъ борьбы относится непосредственное осуществленіе въ промышленномъ строѣ тѣхъ или другихъ измѣненій самими рабочими, вопреки волѣ капиталистовъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ прямымъ — хотя частичнымъ и времененнымъ — захватомъ рабочими организаторскихъ функций капиталиста. Вотъ почему «революціонное» проведеніе 8-ми часового дня, практиковавшееся петербургскими рабочими въ прошломъ году, вызвало такой негодящій вой среди всѣхъ нашихъ либераловъ и демократовъ, не говоря уже о самихъ капиталистахъ. «Захватное право», «разрушеніе основъ существующаго строя путемъ голаго насилия и произвола», — этого не могли вынести даже кадетообразные «соціалисты», которые тоже стремятся измѣнить «основы существующаго строя», но, разумѣется, въ корректной формѣ, т. е. на основѣ этихъ подлежащихъ измѣненію основъ.

Восьмичасовая кампанія потерпѣла неудачу и должна была потерпѣть неудачу въ той обстановкѣ, въ которой она проводилась. Народныя массы вели ожесточенную борьбу со старымъ режимомъ по всему фронту; выдѣлить 8-ми часовой рабочій день и сконцентрировать на

немъ всѣ способы партійнаго давленія не было никакой возможности. Промышленность была совершенно парализована интенсивной революціонной борьбой; поэтому массовые расчеты могли примѣняться легче, чѣмъ когда бы то ни было. Наконецъ,— и это самое важное,— рабочій классъ ни политически ни экономически не былъ достаточно сорганизованъ. Революціонное одушевленіе замѣняло до извѣстной степени силу организаціи для петербургскаго пролетаріата, но за предѣлы Петербурга движеніе не вышло, захватить всю русскую промышленность оно не могло,— и уже одно это обрекало его на неизбѣжное пораженіе. Захватныя реформы еще въ большей степени, чѣмъ посмѣнная забастовка, требуютъ широкой классовой организаціи движенія и непосредственнаго сочетанія политической и экономической борьбы.

Упомянемъ еще о методѣ борьбы, который можно назвать «промышленной обструкціей». Одинъ изъ наиболѣе яркихъ случаевъ ея примѣненія имѣлъ мѣсто въ Италіи во время желѣзнодорожной забастовки. Правительство объявило забастовщиковъ призванными на военную службу, грозя военнымъ судомъ за малѣйшее нарушеніе правилъ внутренняго распорядка; и рабочіе ухитрились совершенно дезорганизовать желѣзнодорожное движеніе не только безъ нарушенія этихъ правилъ, но именно *при помощи* ихъ строжайшаго, точнѣйшаго, добросовѣстнѣйшаго выполненія. Здѣсь былъ до совершенства доведенъ тотъ методъ «использованія легальныхъ возможностей», который, по словамъ Энгельса, давно уже заставлялъ буржуазію меланхолически восклицать: «*c'est la légalité qui nous tue!*»

Само собой разумѣется, не во всякомъ предпріятіи обструкція можетъ быть проведена на почвѣ использованія правилъ внутренняго распорядка. Пріемы обструкціи должны безконечно видоизмѣняться въ зависимости

отъ техническихъ особенностей того или другого производства. И со стороны рабочихъ требуется очень серьезная подготовка, очень детальное знакомство съ технической предпріятія, для того чтобы заставить машины служить не созиданію, а разрушенію прибавочной цѣнности капиталиста. — Анархисты часто выставляютъ лозунгъ «плохая работа за плохую плату», причемъ по обыкновенію отрицаютъ необходимость широкихъ дисциплинированныхъ организацій для проведенія его въ жизнь. Между тѣмъ, очевидно, лозунгъ этотъ, брошенный въ неподготовленную и недостаточно сплоченную массу, очень мало опасенъ для капиталистовъ и очень легко можетъ дезорганизовать самихъ рабочихъ. Задача состоитъ въ томъ, чтобы возможно меньше понижая зарплатъ рабочихъ, возможно сильнѣе понизить прибыль капиталиста. Тутъ нужна, слѣдовательно, не просто «плохая», небрежная работа, а, такъ сказать, *изысканно* плохая, т. е. въ своемъ родѣ чрезвычайно тщательная работа, основанная на глубокомъ изученіи дѣла. Съ другой стороны, такъ какъ обструкція, проводимая въ одной мастерской или фабрикѣ, непосредственно отражается въ нѣкоторыхъ случаяхъ на интересахъ рабочихъ другихъ мастерскихъ и фабрикъ, то при недостаточно широкой организаціи въ результатѣ получатся только взаимные раздоры среди самихъ же рабочихъ, что будетъ, конечно, на руку капиталистамъ.

Посмѣшная стачка, захватные реформы, фабричная обструкція отнюдь не исчерпываютъ собою всѣхъ возможныхъ проявленій новой тенденціи развитія. Нельзя даже сказать, что именно эти формы борьбы станутъ исходными пунктами для приспособленія тактики къ измѣнившимся условіямъ. Жизнь можетъ выработать совершенно неожиданные приемы, которыхъ въ настоящее время никто не въ состояніи предвидѣть. Все, что можно

указать съ достаточной степенью вѣроятности—это общее направлѣніе развитія; и только для иллюстраціи послѣдняго остановились мы на вышеприведенныхъ примѣрахъ.

Господствовавшее до сихъ поръ положеніе дѣль можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ: рабочіе или оставались у своихъ станковъ, всецѣло подчиняясь созданной капиталистами организаціи производственного процесса, или всею массой бросали работу, опираясь въ борьбѣ на заранѣе накопленныя для этой цѣли сбереженія. Измѣнившееся соотношеніе силъ, дѣлая все болѣе и болѣе проблематичнымъ успѣхъ этой формы борьбы, выдвигаетъ новую задачу. Рабочіе, не покидая окончательно станковъ, не выпуская цѣликомъ изъ рукъ того источника средствъ къ жизни, которымъ является для нихъ заработка плата, должны въ то же время нанести чувствительные удары капиталистамъ путемъ планомѣрного нарушенія созданной послѣдними въ своихъ интересахъ организаціи производственного процесса, путемъ систематической *дезорганизаціи* производства.

Для успѣшнаго выполненія этой задачи необходимъ не только количественный ростъ рабочихъ союзовъ и сплачивающей ихъ организаціонной дисциплины,—необходимо коренное измѣненіе самаго характера этой послѣдней. Здѣсь совершается приблизительно та же перемѣна, какая произошла въ военномъ дѣлѣ, когда, вслѣдствіе прогресса техники убийства, боевые дѣйствія густыми массами стали невозможны и замѣнились своего рода партизанской борьбой отдельныхъ группъ разсыпаннаго строя. Если бой ведется сплошной колонной, знакомство съ методами борьбы, съ условіями успѣха и пораженія, съ общимъ планомъ данной битвы необходимо только для командующаго колонной. Отъ солдата требуется лишь немедленное и точное выполненіе при-

казаний и такъ называемое боевое воодушевление, т. е. готовность бокъ о бокъ со своими товарищами сражаться до послѣдней капли крови. То же самое можно сказать и относительно классической профессиональной стачки. Для успѣха послѣдней необходимо, конечно, тщательное изученіе даннаго производства, необходимо выбрать моментъ, когда условія рыночной конкуренціи дѣлаютъ забастовку особенно опасной для даннаго предпринимателя. Но вся эта работа можетъ быть выполнена и дѣйствительно выполняется обыкновенно «бюрократіей» профессионального союза, специальными наемными руководителями trade-union'a или Gewerkschaft'a. Рабочіе должны лишь строго и стройно слѣдовать указаніямъ своихъ офицеровъ: дружно бросать работу по ихъ командѣ и стойко выдерживать забастовку. Дисциплина, развивающаяся среди рабочихъ профессиональнымъ союзомъ классического типа, приближается по своему характеру къ старой армейской дисциплинѣ.

Совершенно иная требованія предъявляетъ къ солдату борьба отдѣльными разсыпанными группами. Тутъ каждый долженъ усвоить себѣ общій планъ битвы, долженъ ориентироваться самостоятельно, долженъ проявлять собственную иниціативу, тщательно согласуя въ то же время свои дѣйствія съ дѣйствіями товарищей. — Такого же повышенія освѣдомленности, сознательности и иниціативы требуетъ отъ рабочихъ экономическая борьба, ставящая своей задачей парализовать созиданіе промышленности, не останавливая капиталистического производства цѣлкомъ, но нанося ему рядъ отдѣльныхъ, планомърно комбинированныхъ ударовъ. Въ такой борьбѣ союзъ рабочихъ, оставаясь боевымъ — и именно на почвѣ своей боевой дѣятельности — вырабатываетъ въ себѣ всѣ свойства, необходимыя для того, чтобы взять общественное производство въ свои руки, т. е. изъ ор-

ганизації борьбы превратиться въ организацію управлениѧ.

Само собою разумѣется, это не можетъ быть достигнуто сразу. Передъ нами цѣлый періодъ развитія, который, въ зависимости отъ обстоятельствъ, можетъ быть и довольно короткимъ и весьма продолжительнымъ. Предстоитъ, конечно, рядъ ошибокъ и неудачъ; не разъ еще солидарность и сплоченность рабочихъ будетъ разбита частичными локаутами и иными формами репрессій, которыхъ не замедлять пустить въ ходъ капиталисты. Но безъ такихъ уроковъ не можетъ развиться и окрѣпнуть ни одно великое движение. Ясно во всякомъ случаѣ, что на этомъ поприщѣ ни богатство капиталистическихъ кассъ, ни объединеніе капиталистовъ хотя бы въ одну міровую организацію, не способно создать *nepreodolimykhъ* препятствій для успѣха рабочихъ. На извѣстномъ уровнѣ организованности и сознательности перевѣсь силы въ непосредственной борьбѣ окажется на сторонѣ тѣхъ, руки которыхъ приводятъ въ движение механизмъ общественного производства. Рано или поздно наступить моментъ, когда никакія ухищренія капиталистовъ и ихъ государства не смогутъ принудить рабочихъ работать такъ, какъ того требуютъ интересы возрастанія прибавочной цѣнности. Но, очевидно, пролетаріатъ, способный вести производство вопреки волѣ и въ нарушеніе интересовъ офиціальныхъ организаторовъ производства, способенъ также вести его вполнѣ самостоятельно, подчиняясь лишь своей собственной волѣ и совершенно устранивъ безсильныхъ капиталистическихъ «руководителей». Всѣ промежуточные, колеблющіеся, мелкобуржуазные элементы поспѣшать тогда покинуть гибнущій корабль, и побѣда соціальной революції будетъ обеспечена.

Мы не утверждаемъ, конечно, что каждый рабочій въ состояніи такъ изучить производственный механизмъ, какъ

изучаетъ его инженеръ. До тѣхъ поръ, пока среднее и высшее образованіе не есть достояніе каждого человѣка,— а оно станетъ достояніемъ каждого человѣка лишь при соціализмѣ,— средній рабочій не можетъ стать знатокомъ теоретической механики и высшей математики. Но этого и не требуется. Для успѣха соціалистического переворота вовсе не нужно, чтобы каждый рабочій самостоительно вырабатывалъ планъ тѣхъ или другихъ преобразованій въ производствѣ,— для этого необходимо лишь, чтобы рабочіе могли вполнѣ сознательно отнести къ каждому выработанному уже плану и обладали организаціей, приспособленной для его быстрого и умѣлаго воплощенія въ жизнь. При такихъ условіяхъ для успѣшнаго достижения производственно-техническихъ задачъ грядущей революціи потребуется очень небольшое число ученыхъ руководителей, которые въ надлежащій моментъ всегда выдѣлятся изъ среды выдающихся рабочихъ и перебѣжчиковъ буржуазнаго стана. Между тѣмъ первые же успѣхи соціализма вызовутъ, конечно, массовое дезертирство теперешнихъ наемныхъ организаторовъ производства изъ рядовъ капиталистической арміи. Въ настоящее время господствуютъ, вообще говоря, преувеличенныя представления о трудности товарищеской организаціи производства. Происходитъ это потому, что въ основу оцѣнки кладется обыкновенно опытъ производительныхъ рабочихъ ассоціацій, которые раздираются присущимъ имъ противорѣчіемъ между соціалистическими тенденціями участниковъ и внѣшней необходимостью приспособляться къ требованіямъ капиталистического строя. Но и въ настоящее время имѣется уже опытъ другого рода, опытъ захвата рабочими производства,— правда временнаго и частичнаго. Такъ напр., опытъ завѣдыванія Сибирской дорогой забастовочными комитетами показалъ, что «измѣна» одного только средняго и низшаго техническаго персонала по-

зволяетъ уже рабочимъ самостоятельно вести такое сложное предпріятіе, какъ желѣзная дорога. Правда, съ технической стороны тогда не все обстояло благополучно, многіе паровозы были «заморожены» и т. п., но это произошло, повидимому, исключительно потому, что зачастую солдатские эшелоны непосредственно вмѣшивались въ дѣло, мѣшая забастовочнымъ комитетамъ регулировать движеніе. На тѣхъ участкахъ, гдѣ такого вмѣшательства не проходило, движеніе, судя по разсказамъ очевидцевъ, совершалось вполнѣ правильно. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что за два мѣсяца господства забастовочныхъ комитетовъ эвакуація арміи шла болѣе успѣшно, чѣмъ въ періодъ правительственного управления дорогой, и вовсе не было серьезныхъ крушений. Наоборотъ, возстановленіе «порядка» ознаменовалось сокращеніемъ числа эвакуируемыхъ ежедневно солдатъ и нѣсколькими крушениями поѣздовъ.

Каково же отношеніе соціальдемократіи къ различнымъ формамъ борьбы, вырабатываемымъ жизнью?

Очень часто главную разницу между соціальдемократіей и анархизмомъ съ одной стороны, между соціальдемократіей и оппортунизмомъ съ другой, усматриваютъ въ неодинаковой принципіальной оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ формъ борьбы. Говорять, напримѣръ: оппортунисты признаютъ министеріализмъ, — соціальдемократы отвергаютъ его; анархисты признаютъ всеобщую экономическую стачку и отвергаютъ парламентскую борьбу, — соціальдемократы защищаютъ парламентаризмъ и отрицательно относятся къ идеѣ всеобщей экономической забастовки и т. п. Всякія такія разграничения чрезвычайно поверхностны. Соціальдемократія «принципіально» не признаетъ и не отвергаетъ ни одного боевого метода. Для нея не существуетъ формъ борьбы, которыя бы были «сами по себѣ»

хороши или дурны, симпатичны или антипатичны, принципиально допустимы или недопустимы. Если социаль-демократы отвергают анархическую всеобщую стачку, то вовсе не потому, что въ ней есть что-либо абсолютно несогласимое съ социальдемократической тактикой, а только потому, что при *даныхъ* конкретныхъ условияхъ, при *данномъ* соотношении социальныхъ силъ немедленный социалистический переворотъ вообще неосуществимъ; неосуществимы, следовательно, решительно всякие способы вызвать этотъ переворотъ и въ частности та всеобщая экономическая забастовка, при помощи которой анархисты хотятъ произвести социальную революцию. Величайшей пошлостью являются поэтому попытки некоторыхъ немецкихъ оппортунистовъ превратить формулу «General-streik-Generalunsinn», имѣющую смыслъ лишь при определенныхъ условияхъ, въ какой-то абсолютный догматъ социальдемократической вѣры. Равнымъ образомъ и оппортунистской «министерализмъ» социальдемократы отвергаютъ только потому, что при данной группировкѣ социально-политическихъ силъ и данномъ темпѣ борьбы во Франціи и другихъ странахъ Западной Европы вступление социалистовъ въ министерство способно не усилить, а ослабить и дезорганизовать социалистическое движение. Именно съ этой точки зрения политической цѣлесообразности критикуетъ мильеранизмъ Каутскій въ своей брошюрѣ «Республика и социальдемократія во Франціи»; онъ далекъ отъ утверждения, что впредь до торжества новаго строя для социалиста при всѣхъ и всякихъ условияхъ недопустимо занимать какія бы то ни было официальные положенія. Наконецъ, и парламентаризмъ отнюдь не рассматривается социальдемократіей, какъ панацея отъ всѣхъ золъ. И здѣсь тактика опредѣляется исключительно соображеніями цѣлесообразности при данной конкретной ситуациі.

Социальдемократія стремится въ своей борьбѣ съ

буржуазнымъ обществомъ провести тотъ самыи принципъ, который въ соціалистическомъ строѣ будеть опредѣлять собой всю организацію общественаго хозяйства. Какъ мы уже говорили, соціализмъ не мирится съ какими-либо апріори установленными ограничениями или правилами, регулирующими техническую организацію производства. Соціализмъ вынужденъ осуществлять всѣ технические приемы, всѣ формы сочетанія и раздѣленія труда, разъ они соотвѣтствуютъ основной задачѣ его производственной организаціи — повышенню производительности человѣческаго труда. Равнымъ образомъ соціальдемократическая партія при выборѣ приемовъ тактики, т. е. боевой техники, руководствуется исключительно принципомъ цѣлесообразности, принципомъ соотвѣтствія этихъ приемовъ основной задачѣ: расширить соціалистическое сознаніе пролетаріата и увеличить фактическую силу его организацій въ борьбѣ за соціализмъ. Всѣ намѣченныя жизнью формы борьбы она стремится организовать и комбинировать такимъ образомъ, чтобы эта основная задача осуществлялась пролетаріатомъ съ наименьшей растратой энергіи, чтобы трудъ, затрачиваемый рабочими на соціалистическую борьбу, былъ въ каждый данный моментъ наиболѣе производителенъ.

Иначе обстоитъ дѣло у анархистовъ. Для нихъ дѣйствительно существуютъ запретныя формы борьбы въ настоящемъ, какъ существуютъ запретныя формы производственной техники въ будущемъ строѣ. Анархизмъ въ его чистомъ видѣ признаетъ только первую сторону соціальдемократической задачи, только развитіе соціалистического сознанія; создавать организованную силу, способную на дѣлѣ осуществить соціализмъ, анархисты считаютъ излишнимъ, такъ какъ по ихъ ученію «народъ» всегда имѣть силу, достаточную для соціалистического переворота, лишь бы только онъ захотѣлъ. Послѣдова-

тельно проводя эту точку зрения, приходится признать всякую борьбу, имѣющую своей непосредственною цѣлью какія-либо завоеванія въ рамкахъ капиталистического строя, не только безполезной, но и прямо вредной. Вотъ, напр., рабочіе, поддерживающіе забастовкой требованіе 8-ми часового дня. Почему они борются *только* за 8-ми часовой день, почему не за 7-ми, 6-ти часовой? Почему они не борются *прямо и непосредственно* за соціализмъ? почему не провозглашаютъ своей стачки началомъ соціальной революціи? Только потому, отвѣчаетъ анархистская теорія, что они еще плохіе соціалисты, недостаточно проникнуты жаждой соціалистического идеала, недостаточно интенсивно хотятъ соціализма. Отсюда логически вытекаетъ, что всякое *сознательное стремление ограничить непосредственные задачи борьбы, соразмѣрить ихъ съ наличнымъ соотношеніемъ силъ есть уже измѣна дѣлу соціализма.*

Анархизмъ, поскольку онъ строго слѣдуетъ своимъ принципамъ, приводить, какъ мы уже видѣли выше, къ отрицанію всѣхъ и всяческихъ формъ борьбы, кроме «прямой и непосредственной» соціальной революціи, и къ признанію пропаганды единственно допустимымъ способомъ подготовки соціалистического возстанія. Однако на практикѣ анархизму не удается надолго сохранить вѣрность принципамъ. Какъ только онъ захватываетъ сколько-нибудь значительныя массы рабочихъ, онъ вынужденъ итти на крупнѣйшіе компромиссы, приспособляя свою теорію къ неумолимымъ требованіямъ жизни. Анархисты становятся защитниками такъ называемаго «революціонного синдикализма», противопоставляя послѣдній партійной парламентской борьбѣ соціальдемократіи.

Революціонный синдикализмъ представляетъ крупный шагъ впередъ по сравненію съ чистымъ доктринерскимъ анархизмомъ. Если не въ теоріи, то по крайней мѣрѣ

на практикѣ революціонный синдикализмъ уже покинулъ почву наивной вѣры, что рабочій классъ и вообще простой «народъ» по самой природѣ своей обладаетъ всѣми данными, необходимыми для немедленного осуществленія соціализма. Синдикалисты стремятся путемъ систематической борьбы сплотить пролетаріатъ въ организованную силу, способную низвергнуть капитализмъ и стать на его мѣсто. Въ этомъ ихъ преимущество также по сравненію съ защитниками традиціонныхъ формъ экономической борьбы. И англійскіе трэдъ-юніонисты, которые никогда серьезно не думали о соціализмѣ, и нѣмецкіе геверкшфтлеры, которые давно позабыли о соціализмѣ, не переставая номинально числиться соціальдемократами,— всѣ они являются одинаково непримиримыми фанатиками «старой», «испытанной» тактики. «Всеобщимъ безуміемъ» представляется имъ не только всеобщая забастовка, но и рѣшительно всякое серьезное отступленіе отъ священныхъ традицій классической профессіонально-стачечной формы борьбы. Революціонный синдикализмъ, какъ теченіе, проникнутое дѣйствительно революціоннымъ духомъ, склонное разсматривать каждый вопросъ текущей борьбы подъ угломъ зреїнія соціализма, а не традиціи, окажется, вѣроятно, несравненно воспріимчивѣе, чѣмъ старый профессіонализмъ, къ тѣмъ новымъ формамъ экономического и политического движенія, которыя диктуются требованіями жизни. Однако, для полноты успѣха въ этомъ направленіи революціонному синдикализму необходимо еще эмансирироваться отъ многихъ пережитковъ анархического доктринерства. Сюда относится прежде всего боязнь широкихъ централизованныхъ организацій. Боязнь эта принимала зачастую прямо таки комическая форма; такъ напримѣръ, синдикалисты на своихъ собраніяхъ и съѣздахъ не рѣшались выбирать предсѣдателя, опасаясь, какъ бы созданная такимъ образомъ «власть» не изна-

силовала автономной воли собравшихся. Въ настоящее время синдикалисты предсѣдателей уже перестаютъ бояться; но этого, конечно, еще очень мало: они по прежнему сторонники полной автономіи мелкихъ группъ, тогда какъ тенденціи соціального развитія требуютъ *классовой организаціи* пролетаріата въ области какъ экономической, такъ и политической борьбы.

Доктринерскимъ предразсудкомъ синдикалистовъ является также ихъ *принципіально* враждебное отношение къ партійной парламентской борьбѣ. Прославляя «непосредственную», «прямую», «революціонную» борьбу своихъ союзовъ, синдикалисты громятъ тотъ «торгъ» съ буржуазіей, тѣ «сдѣлки» съ капитализмомъ, которыми занимаются соціалистическія партіи въ парламентѣ. При этомъ забывается, что борьба революціонныхъ синдикаловъ при всей ея «непосредственности» ставить своей *непосредственной* задачей не поднять знамя восстанія, а вынудить у капиталистовъ рядъ уступокъ, имѣющихъ ровно столько же правъ на терминъ «сдѣлки съ буржуазіей», какъ и тѣ законы, которые соціалистическія партіи стремятся вырвать и дѣйствительно иногда вырываютъ у буржуазныхъ парламентовъ. Кромѣ того, при стачкѣ неизбѣжны переговоры между представителями капиталистовъ и рабочихъ, хотя бы въ формѣ простого предъявленія взаимныхъ требованій. Чѣмъ же *принципіально* отличаются эти переговоры отъ того «торга», который ведутъ въ парламентѣ представители различныхъ классовъ: вѣдь и тамъ дѣло сводится въ концѣ концовъ къ предъявленію требованій, практическое осуществленіе которыхъ зависитъ не отъ изворотливости ведущихъ «торгъ» депутатовъ, не отъ ихъ ораторского искусства, а отъ реального соотношенія внѣпарламентскихъ общественныхъ силъ. Признавая экономическую борьбу, стремящуюся къ завоеваніямъ въ рамкахъ существующаго

строя, нелогично *принципиально* отвергать парламентскую борьбу, преслѣдующую ту же самую цѣль. Тутъ допустима, очевидно, только чисто практическая, «дѣловая» оцѣнка этихъ методовъ съ точки зрењія ихъ полезности въ предѣлахъ общей имъ обоимъ задачи. Но развѣ возможно отрицать, что «непосредственно» завоеванный рабочими короткій день очень полезно закрѣпить закономъ? Еще очевиднѣе эта польза парламентской борьбы въ тѣхъ случаяхъ, когда непосредственная борьба не въ силахъ добиться сокращенія дня, и только параллельное ей парламентское давленіе партіи соціалистовъ вынуждаетъ законодательную власть принять соотвѣтственный законъ,—случай, имѣвшій, какъ мы видѣли, мѣсто во время стачки австрійскихъ углекоповъ.

Но обиднѣе всего то, что теоретикамъ и вождямъ синдикализма практически не удается удержать рабочихъ совершенно въ сторонѣ отъ парламентаризма. Рабочіе все-таки голосуютъ, и локтринерамъ приходится итти еще далѣе по пути компромиссовъ. «Какъ члены революціоннаго класса, вы боретесь за соціализмъ въ синдикатахъ и только въ синдикатахъ; какъ граждане, вы можете голосовать за кого вамъ угодно»,—вотъ формула, которую въ настоящее время защищаетъ рядъ видныхъ синдикалистовъ (напр., Лягардель), и которую принялъ между прочимъ въ одной изъ резолюцій послѣдній конгрессъ французскихъ синдикатовъ въ Амьенѣ. Голосовать за кого угодно, отнюдь однако не образуя собственной рабочей партіи! Практически это значитъ проводить въ парламентъ голосами рабочихъ наиболѣе радикальныхъ или просто наиболѣе безсознѣстныхъ, наиболѣе щедрыхъ на обѣщанія представителей буржуазныхъ партій¹). Лю-

¹⁾ Лягардель совѣтуетъ рабочимъ подавать голоса за соціалистовъ, но послѣднихъ онъ считаетъ — и, поскольку дѣло идетъ о Франціи, не безъ нѣкотораго основанія — за крайнюю лѣвую буржуазную демократію.

бопытно что точка зре́нія революціонного синдикализма совершенно совпадаетъ здѣсь съ точкой зре́нія англійскаго трэдъ-юніонизма, и притомъ трэдъ-юніонизма старого, въ настоящее время уже умирающаго типа. Неумолимая діалектика соціального развитія превращаетъ гордое революціонное игнорированіе парламента въ его прямую противоположность: въ самый безпринципный, въ самый оппортунистический парламентаризмъ.

Пережитки доктринерскаго анархизма сказываются и въ представлениі синдикалистовъ о грядущей соціалистической революціи. Нѣкоторые синдикалисты (напр., видный дѣятель итальянскаго синдикализма, Лабріола) полагаютъ, что синдикаты смогутъ осуществить товарищескую организацію производства, взявъ въ аренду у капиталистовъ ихъ предпріятія, а затѣмъ отказавъ имъ въ платежѣ арендныхъ денегъ, когда новый строй достаточно окрѣпнетъ.—Нужно или не нужно будетъ выкупать предпріятія у капиталистовъ, этого въ настоящее время предсказать немыслимо. Возможно, что соціалистическому режиму придется выкупить предпріятія; и въ этомъ случаѣ весьма правдоподобно, что соціалистической режимъ, почувствовавъ прочную почву подъ ногами, немедленно же лишить капиталистовъ ихъ рентъ—или просто и прямо, или же косвенно, напр., путемъ подоходнаго налога съ гигантской прогрессіей, какъ это предвидѣть Каутскій. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что соціализмъ можетъ осуществиться только путемъ быстраго, планомѣрно организованного перехода въ общественное завѣданіе всѣхъ капиталистическихъ предпріятій. Мечта объ арендованіи предпріятій *отдельными* синдикатами есть отрыжка теоріи мирнаго соціального обновленія, теоріи вростанія соціализма въ капитализмъ. Революціонное анархическое доктринерство опять превращается здѣсь въ практическій оппортунизмъ.

Необходимо отмѣтить, наконецъ, что многие синдикалисты ревностно ведутъ пропаганду всеобщей экономической забастовки. Въ обычное время пропаганда эта сводится къ болѣе или менѣе невинному словесному упражненію. Но разъ условія момента выдвигаютъ необходимость массовой политической забастовки, пропаганда экономической «послѣдней» забастовки можетъ принести крупный вредъ, можетъ дезорганизовать рабочихъ и облегчить побѣду надъ ними капиталистовъ.

Итакъ, по нашему мнѣнію, революціонный синдикализмъ есть прогрессивное явленіе, поскольку онъ уже эмансирировался отъ традицій анархизма; онъ сыграетъ въ освобожденіи пролетаріата великую роль, если сумѣетъ предварительно освободить самого себя отъ анархической доктрины, скрывающей размахъ его борьбы.

X.

Соціализмъ и власть.

Выше мы видѣли, что априорные ограниченія размѣровъ производственной организаціи несовмѣстимы съ соціализмомъ. Никакія попытки втиснуть соціалистическое производство въ рамки небольшихъ автономныхъ коммунъ не могутъ имѣть успѣха; соціализму придется создавать обширную централизованную систему производства. Какъ же отразится это на политическомъ строѣ? Приведеть ли централизація производства къ превращенію общества въ гигантскую казарму, какъ опасаются анархисты, или же «свобода и самоопределение личности» отъ этого не пострадаютъ?

Какъ мы уже говорили во второй главѣ, по марксистской теоріи, съ соціалистическимъ строемъ совершенно несовмѣстимо существование обособленныхъ отъ общества органовъ государственной власти, имѣющихъ своимъ назначениемъ силою поддерживать общественный порядокъ.

Такіе органы необходимы и неизбѣжны лишь постольку, поскольку подлежащїй охраненію «порядокъ» представляетъ совокупность нормъ, гарантирующихъ господствующему классу безпрепятственную эксплуатацию остальныхъ классовъ общества. Съ устраненiemъ классовыхъ и вообще соціально-экономическихъ противорѣчий исчезаетъ всякая необходимость и всякая возможность государственной организаціи.

Существуетъ, правда, мнѣніе, будто человѣкъ по самой природѣ своей настолько испорченъ и лѣнивъ, что даже въ соціалистическомъ строѣ, гдѣ нѣтъ эксплуатации, гдѣ всѣ работаютъ не на капиталистовъ, а на самихъ себя, безъ полиціи не загонишь народъ на фабрики. Что вы будете дѣлать съ лѣнтями, съ охотниками поживиться на общественный счетъ? — спрашиваютъ добродѣтельные буржуа — столпы современного трудолюбія, — вамъ придется въ вашемъ «соціалистическомъ государствѣ» къ каждому рабочему приставить по городовому!

Устрашенные этой перспективой, анархисты начинаютъ увѣрять, что въ ихъ свободныхъ коммунахъ всѣ будутъ трудиться съ чрезмѣрнымъ рвеніемъ, будутъ приготавлять необходимые для жизни продукты въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ нужно... такъ что если городовой даже и потребуется, то отнюдь не для того, чтобы «ташпить» людей на фабрики, а развѣ для того, чтобы «не пуштать» ихъ туда. — Впрочемъ, въ основѣ этихъ мечтаній анархистовъ лежитъ правильная мысль, что тягостенъ не трудъ самъ по себѣ, а лишь современная подневольная его форма. Освобожденный отъ капиталистического ярма, обставленный вполнѣ гигіенично, трудъ станетъ «удовольствиемъ», т. е. удовлетвореніемъ основной потребности человека. Какъ извѣстно, еще Фурье положилъ въ основу организаціи труда въ своихъ «серіяхъ» эту задачу: путемъ цѣлесообразнаго сочетанія различныхъ работъ,

приспособленныхъ къ требованіямъ природы человѣка, превратить процессъ труда въ непрерывное удовольствіе.

Мы также нимало не сомнѣваемся въ томъ, что въ соціалистическомъ обществѣ люди будутъ затрачивать на трудъ гораздо больше времени, чѣмъ тѣ немногіе часы, которые необходимы для удовлетворенія всѣхъ насущныхъ потребностей общества. Мы убѣждены, что освобожденный отъ капиталистического проклятія, одухотворенный художественнымъ гeniemъ трудъ воскреснетъ въ свободныхъ ассоціаціяхъ будущаго и воплотится въ творенія искусства, несравненно болѣе богатыя и грандіозныя по замыслу и выполненію, чѣмъ тѣ храмы, которые создавали нѣкогда свободные союзы средневѣковыхъ ремесленниковъ. Но ни откуда не слѣдуетъ, что въ каждый данный моментъ человѣку захочется дѣлать именно то, чего требуютъ отъ него текущія, не терпящія отлагательства нужды общества. Конечно, этотъ «обязательный» трудъ будетъ сокращенъ до ничтожнаго минимума; онъ будетъ оставлять каждому индивидууму вполнѣ достаточно времени для свободного творчества¹⁾, тѣмъ не менѣе его *обязательный* характеръ отъ этого не уничтожится. Будетъ лишь гораздо легче отбывать эту трудовую повинность, нежели въ современномъ строѣ экономического рабства. И для того, чтобы обеспечить добросовѣстное отбываніе ея всѣми членами общества, къ услугамъ городового прибѣгать не придется, — не только потому, что городовой вообще не желателенъ, но и потому, что въ этой области онъ былъ бы совершенно безсиленъ. Единственно возможнымъ и единственno дѣйствительнымъ средствомъ является въ данномъ случаѣ товарищеская дисциплина, которая уже въ настоящее

¹⁾ Есть основанія думать, что уже при современной техникѣ «обязательный» промышленный трудъ могъ бы быть сокращенъ соціалистической организацией производства до 4-хъ, 5-ти часовъ въ день.

время создается въ рабочихъ организаціяхъ и заставляетъ каждого отдельного члена безъ всякаго внѣшняго принужденія мириться съ цѣлымъ рядомъ личныхъ неудобствъ ради достиженія общей цѣли. Правда, пока живы еще психологические пережитки буржуазнаго общества, самая эта «дисциплина», самый этотъ «контроль» общественнаго мнѣнія не можетъ не ощущаться иногда, какъ *внѣшнее* принужденіе. Но для поколѣній, родившихся и воспитавшихся въ атмосферѣ соціалистического строя, необходимость участвовать въ работѣ, поддерживающей жизнь общества, будетъ представляться чѣмъ-то совершенно естественнымъ, само собою разумѣющимся, безъ чего немыслимо представить себѣ самое существованіе человѣка. Вѣдь и въ настоящее время можно указать рядъ несомнѣнныхъ неудобствъ и стѣсненій, наложенныхъ на человѣка общежитіемъ, и въ то же время настолько сросшихся съ «природой» каждого индивидуума, что освобожденіе отъ нихъ ощущалось бы, какъ еще горшее неудобство и стѣсненіе. Всякій согласится, напримѣръ, что въ душной комнатѣ, переполненной густой толпой, одежда есть совершенно очевидное стѣсненіе, и однако даже высоко принципіальный анархистъ врядъ ли рѣшился сбросить съ себя это «ярмо», хотя въ данномъ случаѣ оно не имѣть за собой никакихъ разумныхъ оснований, навязано исключительно *деспотизмомъ* общественнаго мнѣнія.

Но если внѣшнее принужденіе и авторитарное руководство не потребуется для того, чтобы заставить членовъ соціалистического общества стать на работу, то, быть можетъ, оно необходимо для организаціи самой этой работы, для правильнаго функционированія такого сложнаго, грандіознаго по своимъ размѣрамъ механизма, какимъ является соціалистическое производство.

Въ капиталистическомъ обществѣ властныя, «автори-

тарных» отношения связаны не только съ государствен-
ной организацией, но проникаютъ собой сверху до низу
весь общественный и въ частности производственный
строй. Но зависить это вовсе не отъ того, что производ-
ство слишкомъ концентрировано, что общественное раз-
дѣленіе труда зашло слишкомъ далеко,— нѣтъ, источни-
комъ всякой власти, всякаго принужденія является
здѣсь, какъ и вездѣ, соціальный конфликтъ, противо-
рѣчие интересовъ.

Капиталистическая фабрика переполнена безчислен-
ными надсмотрщиками, понукателями, соглядатаями,
контролерами. Техническое управлениe орудіями производ-
ства неразрывно связано здѣсь съ авторитарнымъ управле-
ніемъ людьми, примѣняющими къ дѣлу эти орудія. Всякій
организаторскій планъ, необходимый для процвѣтанія
производства, долженъ вылиться въ рядъ безапелляціон-
ныхъ повелѣній фабричной администраціи, въ рядъ «за-
коновъ», которые могутъ быть осуществлены лишь подъ
контролемъ власти, способной принудить работниковъ къ
ихъ выполнению. При самомъ бѣгломъ взглядѣ на эту
картину бросается въ глаза, что власть необходима здѣсь
вовсе не потому, что организація производства слишкомъ
сложна, что рабочие безъ авторитарного руководства не
въ состояніи ориентироваться въ этомъ запутанномъ
механизмѣ. Если человѣкъ не знаетъ, что и какъ онъ
долженъ дѣлать, для него требуется не приказаніе, а
объясненіе; и приказаніе имѣеть смыслъ лишь тогда,
когда объясненіе уже усвоено, всѣ трудности уже пре-
одолѣны, когда человѣкъ уже знаетъ, что и какъ дѣлать,
но не хочетъ дѣлать, не видѣть для себя *интереса* въ
томъ, чтобы строго выполнять это «что и какъ».

Быть можетъ, однако, мы не правы, быть можетъ,
самое «усвоеніе» въ данномъ случаѣ недоступно среднему
человѣку; быть можетъ, требуется особо выдающійся

талантъ, для того чтобы опредѣлить въ любой моментъ функциї каждого отдельного участника производственного механизма, и, такимъ образомъ, даже при соціалистической организаціи, устраниющей конфликтъ интересовъ, рабочие вынуждены будутъ на каждомъ шагу слѣпо слѣдовать указаніямъ высшихъ руководителей.— Само собой разумѣется, что открытие новыхъ орудій или методовъ труда, повышающихъ производительность работы, требуетъ исключительного таланта. Но вѣдь здѣсь дѣло идетъ не объ изобрѣтеніяхъ, которыя навсегда останутся индивидуальнымъ творческимъ актомъ, возникающимъ совершенно непредвидѣнно и потому не поддающимся никакой заранѣе опредѣленной организаціи. Мы говоримъ о производствѣ, которое организуетъ примѣненіе уже готовыхъ изобрѣтеній въ данной опредѣленной области.— Предстоитъ изготовить опредѣленное количество опредѣленныхъ предметовъ потребленія; изъ всѣхъ известныхъ методовъ производства требуется избрать такие, примѣненіе которыхъ обеспечиваетъ достиженіе этой цѣли съ наименьшою затратою труда. Очевидно, передъ нами чисто математическая задача. Для того, чтобы уразумѣть, правильно или неправильно она рѣшена, не нужно обладать ни художественнымъ чутьемъ, ни особою проницательностью,—достаточно знать тѣ математическіе приемы, при помощи которыхъ произведены вычисленія. А это доступно рѣшительно всякому человѣку, получившему надлежащую школьную подготовку. Въ соціалистическомъ строѣ всякой вопросъ производственной техники превращается въ математическую задачу указанного типа, и притомъ въ задачу, въ правильномъ разрѣшеніи которой заинтересованы всѣ безъ различія участники производства; поэтому здѣсь становится невозможнымъ не только «авторитарное», но и вообще какое бы то ни было руководительство, не остается также мѣста и для «деспотизма» большинства

голосовъ. Правильность математического вывода не можетъ быть установлена ни декретами, ни всеобщимъ голосованиемъ,—тутъ царствуетъ безусловная свобода и самоопределение индивидуума, и въ то же время немыслимо никакое «нарушение порядка»: полное единогласіе само собою обезпечивается общезначимостью математическихъ аксиомъ. Работники данной отрасли производства могутъ поручить особой группѣ лицъ следить за всѣми новыми изобрѣтеніями и производить всѣ необходимыя для ихъ оцѣнки математическія выкладки. Но выдѣлять изъ своей среды власть, предписывающую подъ страхомъ наказанія признать эти выкладки правильными и принять ихъ къ обязательному руководству, рабочимъ, конечно, не придется въ голову, ибо нѣть никакихъ основаній ожидать, что соціалистической переворотъ вызоветъ всеобщее авторитарное помѣшательство.

То, что мы только что сказали о технической постановкѣ каждого отдельного предпріятія, примѣнимо рѣшительно ко всѣмъ функціямъ соціалистической организаціи. Возьмемъ хотя бы функціи центра, регулирующаго ходъ всего производственного цѣлага. Вотъ, казалось бы, почва, гдѣ пышнымъ цвѣтомъ можетъ распуститься власть со всѣми ея экспессами. Держать въ своихъ рукахъ всѣ нити мірового производства! Вѣдь это такой источникъ могущества, по сравненію съ которымъ дѣтской игрушкой кажутся материальныя силы, составлявшія опору власти величайшихъ деспотовъ древнихъ «всемірныхъ» монархій. Какія тщательныя гарантіи выборности, ответственности, смѣняемости, подсудности и т. д. и т. п. необходимы для того, чтобы лица, которымъ будетъ довѣренъ этотъ высокій постъ, находились подъ неослабнымъ общественнымъ контролемъ и не могли обратиться въ тирановъ, деспотически помыкающихъ населеніемъ земного шара! Такъ дѣло и представлялось бы, если бы мы повѣрили

анархистскому жупелу и допустили возможность того «государственного капитализма», который, по увѣреніямъ анархистовъ, неразрывно связанъ съ централизацией производства. Въ дѣйствительности однако чортъ далеко не такъ страшенъ, какъ малюетъ его анархическая кисть. Въ самомъ дѣлѣ, въ какихъ услугахъ со стороны «центра» нуждается отдельная социализированная отрасль промышленности? въ чемъ можетъ выразиться ея зависимость отъ центра? Работникамъ той или другой индустріи надо знать, сколько и какихъ именно продуктовъ они должны изготовить для удовлетворенія данной общественной потребности. Никакія «предписанія» по сему поводу со стороны центра не нужны, а слѣдовательно, и невозможны,— все, что требуется отъ него, это тщательный статистической учетъ мирового потребленія и своевременное опубликованіе систематизированныхъ итоговъ. Перераспределеніе работниковъ, вызываемое измѣнениемъ вкусовъ и прогрессомъ техники, въ значительной мѣрѣ совершается въ предѣлахъ каждой данной отрасли промышленности и потому не касается центра; и опять-таки оно требуетъ не принудительного раскассированія и формированія промышленныхъ отрядовъ, а лишь точнаго учета силъ, недостающихъ или излишнихъ въ той или другой профессіи: Такимъ образомъ, грозное «центральное мировое правительство» при ближайшемъ разсмотрѣніи превращается въ скромное «центральное статистическое бюро», завѣдующее не мировымъ производствомъ въ цѣломъ, а лишь одной изъ многочисленныхъ детальныхъ работъ, входящихъ въ систему этого послѣдняго. Цѣлесообразность и планомѣрность общественной организаціи производства въ томъ-то и состоитъ, что дѣленіе на руководящіе и исполнительные органы устраивается, и на мѣсто группъ, отдающихъ и выполняющихъ приказанія, становятся автономныя въ предѣлахъ своей функции,

равноправныя между собой подраздѣленія общественно-расчлененного труда.

Но мы уже слышимъ тяжкій вздохъ, вырывающійся изъ груди читателя. «Боже мой, какъ скучно будетъ жить въ этомъ новомъ обществѣ, гдѣ все математически разсчитано, гдѣ нѣтъ мѣста для борьбы страстей, для драматическихъ коллизій между индивидуумами!» Скука, да еще скука человѣка, психика котораго приспособлена къ современной соціальной атмосферѣ, конечно, не аргументъ противъ будущаго строя. Тѣмъ не менѣе мы спѣшимъ на выручку удрученному читателю. Математически разсчитано будетъ далеко не «все». Далеко не вся дѣятельность человѣка можетъ быть включена въ обязательную общественную организацію. Внѣ ея останется какъ разъ самое важное, самое дорогое,—тѣ высшія жизненные цѣнности, ради свободнаго расцвѣта которыхъ и нужна, между прочимъ, планомѣрно-математическая организація производства.

Каутскій проводитъ границу между общественно-организованной и свободной «анархической» дѣятельностью въ будущемъ строѣ слѣдующимъ образомъ: «Общественно организовано должно быть материальное производство,—анархически, на основѣ свободнаго соглашенія, организуется умственный трудъ»¹).—Но различіе между умственнымъ и физическимъ трудомъ чрезвычайно поверхностно и не точно. Обыкновенно подъ умственнымъ трудомъ понимается, съ одной стороны, такой трудъ, который требуетъ особо квалифицированной образовательной подготовки, съ другой стороны, всякий трудъ, «орудіями» котораго являются перо, чернила и бумага. Не говоря уже о томъ, что трудъ при помощи пера во многихъ случаяхъ есть несравненно болѣе механическій,

¹⁾ См. его брошюру «Соціальный переворотъ.—На другой день».

или «физической», чѣмъ нѣкоторыя отрасли «ручного» фабричнаго труда, съ точки зрења организаціи производства будущаго интересна вовсе не эта сторона дѣла.

Общественной организаціи требуютъ, очевидно, всѣ тѣ функции, непрерывное отправленіе которыхъ необходимо для покрытия какой-либо всеобщей, т. е. присущей каждому члену общества, потребности. Подъ эту рубрику подойдетъ цѣлый рядъ работъ, относимыхъ въ настоящее время къ категоріи «умственнаго» труда. Такъ, напримѣръ, систематическая хозяйственная статистика безусловно необходима для правильнаго функционированія соціалистического производства. Слѣдовательно, эта статистика должна быть организована общественно, должна войти, какъ особое подраздѣленіе, въ систему общественно-организованнаго производства. То же самое приходится сказать о медицинѣ, о школьнномъ образованіи и воспитаніи дѣтей. Съ другой стороны, художественное ремесло относятъ въ настоящее время къ категоріи физического труда; между тѣмъ, поскольку данное художественно-ремесленное произведеніе не сводится къ простому копированію модели, но воплощаетъ индивидуальную творческую мысль работника, оно—какъ и всякое произведеніе искусства—отнюдь не должно, да и не можетъ быть продуктомъ общественно-организованнаго производства.

Всякая творческая, изобрѣтательная, конструктивная дѣятельность человѣка должна оставаться за предѣлами обязательной общественной организаціи, совершенно независимо отъ того, при помощи какихъ именно «орудій» она воплощается во вѣтвь. Соціализмъ отнюдь не связываетъ проявленій творческаго духа, онъ впервые освобождаетъ ихъ и дѣлаетъ, такъ сказать, общедоступными. Въ настоящее время для большинства, скованнаго рабскимъ трудомъ, область творчества вообще закрыта; но и для меньшинства, монополизировавшаго ее, она не

свободна, а неизбежно окрашивается такъ или иначе— положительно или отрицательно, сочувственно или негодующе—тѣми идеями, которыя порождены атмосферой соціального рабства. Поэты, напримѣръ, очень красиво говорять иногда о томъ, что они «рождены не для корысти, не для битвъ», и съ большимъ эффектомъ изливаютъ свой гнѣвъ на «чернь», нарушающую свободный полетъ ихъ творческой мечты своими криками, стонами и проклятиями. Пока поэтъ только негодуетъ на свою зависимость отъ черни, онъ хорошъ, онъ выражаетъ интенсивное, богатое содержаніемъ настроеніе, которое выливается въ яркіе образы. Но стоитъ поэту вообразить, что онъ уже фактически освободился отъ власти земли, стоитъ ему сдѣлать попытку погрузиться въ сферу самодовлѣющихъ «сладкихъ звуковъ и молитвъ», — и фіаско неизбежно: получается или нѣчто ничтожно-микроскопическое, въ родѣ едва слышного Фетовскаго «шопота» и «робкаго дыханья», или хотя и крикливы, но зато уже совершенно пустопорожніе «фіолетовые звуки въ сладковзвучной тишинѣ».

Не только самыі процессъ творчества получаетъ полную свободу при соціализмѣ. Проведеніе въ жизнь уже вполнѣ законченного художественнаго или научнаго плана должно быть также дѣломъ свободнаго соглашенія, разъ имѣются сторонники и противники даннаго плана, разъ вокругъ него кипитъ борьба различныхъ эстетическихъ вкусовъ и идеаловъ или различныхъ научныхъ теорій. Интенсивность и страсть такой борьбы между индивидуумами не понизится, конечно, въ соціалистическомъ обществѣ, а наоборотъ, пріобрѣтѣтъ небывалый размахъ.— Итакъ, во всемъ, что касается воплощенія новыхъ творческихъ замысловъ,—будетъ ли это какая-либо научная экспедиція, постройка дворца или памятника, требующая совмѣстной работы сотенъ и тысячъ людей,

или же дѣло идеть о художественной бездѣлушки, которую два-три работника могутъ изготовить въ одинъ вечеръ,—во всѣхъ этихъ случаяхъ предприятіе можетъ быть осуществлено только на почвѣ добровольного соглашенія отдѣльныхъ индивидуумовъ, соединяющихъ свои рабочія силы *ad hoc*. Какова бы ни была внутренняя организація такого добровольного и временнаго союза, она всегда *свободна* уже по одному тому, что каждый индивидуумъ можетъ въ любой моментъ выступить изъ нея.—«Обязательная» общественная организація охватываетъ лишь удовлетвореніе такихъ потребностей, которыя общепризнаны, вошли въ плоть и кровь каждого человѣка и потому не способны создать принципіального столкновенія различно направленныхъ интересовъ. Но разъ данная потребность одинаково присуща всѣмъ, разъ желанія всѣхъ одинаково направлены, то весь вопросъ сводится къ техникѣ ихъ наиболѣе цѣлесообразнаго удовлетворенія. Слѣдовательно, здѣсь—и только здѣсь—вступаетъ въ свои права математика, причемъ, какъ мы уже говорили, математическія аксиомы очищають область своего господства отъ всякихъ авторитарныхъ декретовъ еще съ гораздо большей легкостью, нежели принципъ свободнаго соглашенія индивидуумовъ.

Одинъ изъ градоначальниковъ города Глупова находитъ, что всѣ вообще законы, отъ градоначальнической власти исходящіе, можно раздѣлить на три категоріи: законы глупые, средніе и мудрые. Мысль философствующаго администратора сводится въ краткихъ словахъ къ слѣдующему. Законы *глупые* суть тѣ, кои противорѣчать естеству человѣческому, напр.: всякий обыватель да летаетъ по воздуху. Наоборотъ, *средніе* законы предписываютъ человѣку то, что уже предписано ему самимъ его естествомъ, напримѣръ: всякий обыватель да пѣтъ воду, а отнюдь не керосинъ. Наконецъ, *мудрые* законы содер-

жать въ себѣ правила, для общественаго благодеяния необходимыя, но ограниченому разуму подданныхъ недоступныя въ своемъ значеніи. — Въ соціалистическомъ обществѣ всякая попытка издать «мудрый» законъ фатально обречена на неудачу. Здѣсь возможны «законы» или глупые, т. е. требующіе осуществленія чего-либо для всѣхъ явно нелѣпаго и вреднаго, или средніе, т. е. предписывающіе то, необходимость чего ясна и безъ всякаго предписанія. Атмосфера, менѣе всего способная поощрить развитіе авторитарнаго законодательства!

Не то въ капиталистическомъ обществѣ. Тутъ дѣйствительно существуетъ почва для «мудрыхъ» руководителей, требующихъ слѣпого подчиненія себѣ не только со стороны лицъ, угнетаемыхъ ими, но и со стороны тѣхъ, чьи интересы они выражаютъ, чими «вождями» они являются. — Область, творящая героеvъ-руководителей, есть прежде всего анархическій рынокъ. Рыночная конъюнктура, предстоящія измѣненія въ спросѣ, поведеніе конкурентовъ — все это не поддается заранѣе строгому учету. Требуется своеобразное художественное чутье, специальный талантъ, специфическая изобрѣтательность для того, чтобы имѣть удачу на капиталистическомъ рынке. Капиталистическое хозяйство не есть цѣлесообразно организованное примѣненіе уже известныхъ методовъ. *Изобрѣтеніе* новыхъ методовъ входить здѣсь, какъ одно изъ звеньевъ, въ процессъ реализаціи уже изготовленного продукта: каждая данная группа товаровъ, выброшенная фабрикой на рынокъ, нуждается, вообще говоря, въ особомъ, специальнѣ для нея придуманномъ «изобрѣтеніи», чтобы оттѣснить конкурентовъ и пробить себѣ дорогу къ потребителю. Но такъ какъ изобрѣтенія по самому существу своему не могутъ быть вычислены и организованы заранѣе, то единственный способъ включить ихъ въ хозяйственный процессъ — это

подчинить предпріятіе «авторитарному» руководству талантливаго изобрѣтателя въ надеждѣ, что въ надлежащей моментъ богъ творчества осѣнить его въ надлежащей мѣрѣ. Талантами такого рода и являются высшіе наемные руководители капиталистическихъ предпріятій. Организаторы производственной техники въ узкомъ и строгомъ смыслѣ этого слова цѣняются сравнительно низко;—на первый планъ выступаютъ организаторы, приспособляющіе производство къ прихотливымъ колебаніямъ рыночной конъюнктуры. Само собою разумѣется, ихъ директивы не могутъ быть обоснованы математически и потому выполняются болѣе или менѣе «слѣпо» не только рабочими, не заинтересованными въ ихъ успѣхѣ, но и владельцами предпріятій, чрезвычайно заинтересованными въ этомъ.

Но то, что мы только что сказали о руководителяхъ капиталистического предпріятія, справедливо въ известной мѣрѣ и по отношенію къ «вождямъ» всѣхъ борющихся между собою общественныхъ партій или группъ. Вычислить вполнѣ точно равнодѣйствующую соціальныхъ силъ въ каждый данный моментъ нѣть никакой возможности. Въ атмосфѣрѣ обостренныхъ общественныхъ конфликтовъ, гдѣ каждая изъ воюющихъ партій пускаетъ въ ходъ всѣ свои материальные и интеллектуальные силы для наилучшей организаціи обороны и нападенія, выработка правильной тактики, умѣнье высмотрѣть самый слабый пунктъ врага и нанести ему мѣткій ударъ требуетъ исключительной проницательности, незаурядныхъ тактическихъ способностей. И само собою разумѣется, человѣкъ, доказавшій на дѣлѣ свое искусство въ этой области, неизбѣжно становится «авторитетомъ» въ глазахъ своихъ товарищѣй; послѣдніе неизбѣжно начинаютъ «слѣпо» слѣдовать его совѣтамъ, довѣряя его испытанному таланту тактика больше, чѣмъ своему собственному мнѣнію въ каждомъ данномъ случаѣ.

Съ другой стороны, здѣсь совершенно неустранимъ «деспотизмъ» большинства даже въ средѣ лицъ, связанныхъ полнымъ единствомъ интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, математически доказать правильность даннаго тактическаго лозунга невозможно. Если, несмотря на всѣ попытки убѣдить другъ друга, разногласіе все-таки не устранено, для оказавшихся въ меньшинствѣ не остается никакого другого выхода, какъ поддержать большинство, хотя бы избранный послѣднимъ путь представлялся имъ вреднымъ для интересовъ дѣла. Отказаться отъ такого подчиненія значитъ отказаться вообще отъ борьбы, ибо единство дѣйствія, какъ известно, первый залогъ успѣха. Эти «авторитарныя» отношенія свойственны рѣшительно всѣмъ борющимся партіямъ и группамъ, независимо отъ того, сражаются ли они на экономической или на политической аренѣ. Причина лежитъ здѣсь въ самой сущности соціальной борьбы, въ ея объективной логикѣ, а вовсе не въ формахъ боевыхъ организацій, создаваемыхъ уставомъ партіи. Уставы, какъ и всегда, только формулируютъ фактически сложившіяся отношенія и служатъ лишь для улучшенія техники борьбы, намѣчаемой самой жизнью.

Анархисты не устаютъ поносить соціальдемократію за то, что она культивируетъ авторитарный духъ, подчиняя дѣятельность партіи единому центральному комитету. Какъ будто израніе въ партійный центръ служитъ источникомъ «авторитета» вождей партіи! Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ, конечно, какъ разъ наоборотъ: сложившаяся потребность въ авторитарномъ руководствѣ заставляетъ партію поручить лицамъ, уже пользующимся авторитетомъ, направлять партійную работу въ предѣлахъ воли, выраженной съѣздомъ. Централизація партіи лишь облегчаетъ технику сношеній отдѣльныхъ членовъ съ «вождями», которые и безъ

всякой оффіціальної должности были бы все-таки ее авторитарными руководителями. И пока они оказываются на высотѣ возложенныхъ на нихъ задачъ, пока ихъ директивы оправдываются жизнью, ихъ фактическое вліяніе несравненно шире скромныхъ рамокъ компетенціи центрального комитета. Но стоитъ имъ впасть въ противорѣчіе съ тенденціями соціального развитія, стоитъ взять тактическую линію, идущую въ разрѣзъ съ требованиями жизни,—и дѣйствительное значеніе ихъ въ партійной жизни становится гораздо меньше ихъ оффіціальныхъ «правъ», какъ членовъ центрального комитета. Авторитарность создаются не формы организаціи, а неумолимыя требования соціальной дѣйствительности, которыя можно затушевать, но отнюдь не устранить провозглашеніемъ принциповъ личного самоопредѣленія, автономіи группъ и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ номинальная автономія группъ и даже индивидуумовъ гарантируетъ хоть сколько-нибудь анархистовъ отъ авторитарныхъ руководителей на дѣлѣ? Развѣ, напримѣръ, многіе и многіе изъ «автономныхъ» сподвижниковъ Бакунина не были фактически слѣпыми орудіями его могучей воли? Допустимъ, что Бакунинъ со своею склонностью къ заговорщицкимъ организаціямъ не былъ достаточно принципіальнымъ анархистомъ. Но развѣ нѣть слѣпыхъ послѣдователей у самого архилибертэрнаго Кропоткина?

Соціальдемократію имѣло бы смыслъ упрекать въ кульѣ авторитарныхъ отношеній лишь въ томъ случаѣ, если бы она стѣсняла проявленія критического духа, если бы она старалась скрывать колебанія и разногласія, имѣющія мѣсто въ рядахъ руководителей, умышленно поддерживая въ массахъ слѣпое довѣріе къ вождямъ. Но ничего подобнаго нѣть въ дѣйствительности. Въ нѣмецкой соціальдемократической партіи всѣ сколько-нибудь

серъезныя разногласія широко обсуждаются въ прессѣ и на народныхъ собраніяхъ. О нашей россійской соціальдемократической партіи нечего и говорить: ея склонность къ «дискуссіямъ по тактическимъ вопросамъ» стала, что называется, притчей во языцѣхъ.

Если анархистамъ, поскольку они ведутъ какую-нибудь борьбу, лишь на словахъ удается избавиться отъ авторитарного руководительства, то рѣшительно то же самое приходится сказать и о подчиненіи меньшинства большинству. Представимъ себѣ, напримѣръ, что большинство членовъ какого-нибудь рабочаго анархического союза хочетъ объявить стачку,—меньшинство считаетъ успѣшную стачку при данныхъ условіяхъ неосуществимой. Какъ поступить это меньшинство? Неужели оно будетъ продолжать работу, отнимая у своихъ товарищѣй малѣйшую надежду на успѣхъ? А между тѣмъ присоединеніе къ большинству въ дѣлѣ, которое я считаю явно вреднымъ, есть несомнѣнѣйшій отказъ отъ индивидуальной автономіи, несомнѣнѣйшее признаніе «власти» большинства. Такимъ образомъ, и здѣсь корень зла вовсе не въ формѣ организаціи, не въ томъ, что такой-то параграфъ устава гласить: «меньшинство должно подчиняться большинству». Необходимость внѣшней дисциплины, необходимость соразмѣрять свои дѣйствія съ волей большинства диктуется самыми условиями борьбы и не можетъ быть устранена простымъ зачеркиваніемъ авторитарныхъ параграфовъ. Стойная организація только облегчаетъ технику выясненія большинства въ каждый данный моментъ. Дезорганизованность борьбы, не устраня тѣхъ стѣсненій индивидуума, которыхъ вытекаютъ изъ необходимости единодушныхъ дѣйствій при невозможности единогласныхъ рѣшеній, прибавляетъ сюда еще новыя стѣсненія, создаетъ мучительное чувство связности,—чувство, охватывающее человѣка, «бродящаго въ

потемкахъ», и обусловленное въ данномъ случаѣ отсутствиемъ средствъ быстро уяснить для всѣхъ ту волю большинства, безъ содѣйствія которой никакія успѣшныя дѣйствія немыслимы.

Вести массовую политическую или экономическую борьбу въ формахъ, совершенно свободныхъ отъ авторитарного руководительства и подчиненія меньшинства большинству,— задача абсолютно неосуществимая. Можно, конечно, отрицать въ теоріи то, что постоянно практикуешь на дѣлѣ,— но такая политика страуса, нимало не защищая автономіи борющихся индивидуумовъ, лишаетъ ихъ только возможности выработать технику борьбы, наилучше гарантирующую успѣхъ.

Устранить авторитарные отношенія и дисциплину на дѣлѣ удается лишь въ томъ случаѣ, если никакой практической борьбы не ведется, если вся работа партіи сводится къ теоретической пропагандѣ ея взглядовъ. Тутъ дѣйствительно не только не желательны, но и фактически не осуществимы никакія «права» центральныхъ комитетовъ,— достаточно идейного объединенія автономныхъ пропагандистскихъ группъ. И съ другой стороны, тутъ не можетъ имѣть мѣста власть большинства, ибо не представляеть, очевидно, никакого интереса и никакого смысла решать большинствомъ голосовъ вопросы теоретического убѣжденія. Такимъ образомъ, чистоту либертэрнаго принципа анархистамъ удается сохранить лишь постольку, поскольку они не признаютъ въ рамкахъ современного строя никакой иной дѣятельности, кромѣ пропаганды. Но, какъ мы уже упоминали, даже авторитарнѣйшіе изъ якобинцевъ-соціальдемократовъ въ періодъ исключительно пропагандистской работы практиковали тѣ же самыя либертэрнныя формы организаціи. И здѣсь, слѣдовательно, формы организаціи диктуются не априорными принципами, а самымъ характеромъ выполняемыхъ ею функций.

Особенно убийственнымъ для индивидуальной свободы анархисты считаютъ расширение размѣровъ общественной организаціи. Мы уже видѣли, какъ они боятся концентраціи производства; эту же опасность усматриваютъ они и въ концентраціи боевыхъ силъ пролетаріата.— Въ дѣйствительности, развитіе авторитарного духа и авторитарныхъ отношеній отнюдь не зависитъ отъ величины союза, которая, какъ и все, касающееся организаціи, опредѣляется объективными условіями борьбы. Пока преобладающимъ типомъ экономической борьбы является стачка отдельной профессіи, професіональный союзъ есть господствующая форма экономической организаціи. Но разъ подъ вліяніемъ измѣнившихся условій, поле борьбы раздвинулось и требуетъ координаціи усилий рабочихъ дѣловой отрасли промышленности, возникаютъ централизованные союзы соотвѣтственного размѣра — «Industrieverbände» въ Германіи, «amalgamated societies» въ Англіи. Дальнѣйшее развитіе соціальныхъ противорѣчій и конфликтовъ выдвигаетъ вопросъ о непосредственно классовой организаціи экономической борьбы.

Какъ же вліяетъ этотъ процессъ концентраціи рабочихъ союзовъ на индивидуальную свободу членовъ? Можно ли сказать, что самостоятельность и самоопределеніе индивидуума все болѣе и болѣе сводятся на нѣть по мѣрѣ развитія этихъ гигантскихъ организацій?— Какъ разъ наоборотъ. Именно въ эпоху расцвѣта узко-професіональной борьбы, въ эпоху, когда професіональные союзы сражались не только съ капиталистами, но порою и другъ съ другомъ,—именно тогда въ нѣкоторыхъ изъ нихъ упрочился строго авторитарный, олигархический, иногда даже монархически-неограниченный образъ правленія (въ полномъ смыслѣ слова самодержцемъ являлся, напримѣръ, въ своемъ союзѣ извѣстный трэдъ-юніонистъ Робертъ Найтъ). Расширение рамокъ борьбы

не только увеличиваетъ размѣры организаціи, но въ то же время требуетъ отъ каждого индивидуума больше сознательности, инициативы, самодѣятельности. И, какъ мы видѣли, эти требованія особенно сильно повышаются какъ разъ тогда, когда экономическая борьба принимаетъ непосредственно классовой характеръ. Размѣры организацій не прямо пропорціональны ихъ «авторитарности», какъ утверждаютъ анархисты, а скорѣе обратно пропорціональны. Тѣ самыя тенденціи общественного развитія, которыя расширяютъ боевой союзъ пролетаріата, эмансируютъ каждого отдельного пролетарія отъ *сльпою* подчиненія руководителямъ, заставляютъ его выучиться стоять на собственныхъ ногахъ.

Но само собой разумѣется, только на почвѣ вполнѣ развившагося и упрочившагося соціалистического строя исчезнутъ окончательно авторитарные отношенія.—Анархисты мечтаютъ начать соціальную революцію съ полнаго уничтоженія государства и всѣхъ вообще формъ власти. Въ ихъ представлениі защитники старого строя сразу улетучиваются, лишаются всякой силы сопротивленія послѣ первого же побѣдоноснаго революціоннаго удара. Допустимъ, фантазируетъ Кропоткинъ въ своемъ «Завоеваніи хлѣба», что соціальная революція побѣдила только въ Парижѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ. И допустивъ это, онъ въ дальнѣйшемъ все свое вниманіе сосредоточиваетъ на тѣхъ методахъ производства и формахъ организаціи, при помощи которыхъ соціалистическая коммуна сможетъ прокормиться трудомъ автономныхъ группъ, пресѣкающихъ въ самомъ зародышѣ козни властолюбивыхъ якобинцевъ. А что же въ это время дѣлаетъ весь остальной міръ, гдѣ по прежнему царствуютъ старая власть? Кропоткинъ совершенно забываетъ о нихъ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что представители старого режима отнюдь не склонны будутъ спокойно на-

блюдать, какъ новые люди совершенствуютъ методы земледѣлія и разводятъ плоды въ коммунальныхъ парникахъ и оранжереяхъ; не подлежитъ сомнѣнію, что они пустятъ въ ходъ всѣ остающіяся въ ихъ рукахъ материальныя силы, для того чтобы вернуть мятежную коммуну на путь капиталистического спокойствія и порядка.

Итакъ, коммунѣ придется не только организовать по новому производство, но и отражать интенсивный наліскъ защитниковъ старого производственного строя, придется, быть можетъ, вести гражданскую войну.—Врядъ ли есть необходимость доказывать, что на войнѣ невозможно побѣдить безъ централизованнаго «командованія» войсками. Врядъ ли можно оспаривать, напримѣръ, что военное сопротивленіе парижской коммуны 1871 года было такъ быстро сломлено именно потому, что центральное командование оказалось несостоятельнымъ, согласовать дѣйствія отдѣльныхъ отрядовъ не удалось, и каждый кварталъ самостоятельно защищалъ свои баррикады, не заботясь о сосѣдяхъ. Насколько неустранима власть въ обстановкѣ гражданской войны, видно уже изъ того, что сами анархисты, когда имъ на практикѣ приходилось участвовать въ гражданской войнѣ, вынуждены были брать на себя функции власти. Такъ, напримѣръ, во время испанской революціи 1873 года анархисты не могли уклониться отъ участія въ официальныхъ учрежденіяхъ, кое-гдѣ входили даже въ составъ—*horribile dictu*—«временнаго революціоннаго правительства» возставшихъ городовъ. Теорія автономности индивидуумовъ и группъ привела лишь къ тому, что анархисты очень плохо выполнили свою «правительственную» роль, не смогли объединить движенія и дали небольшому непріятельскому отряду по очереди разбить всѣ возставшіе города.

Авторитарной власти потребуетъ не одна только во-

енная самооборона. Капиталисты и ихъ сторонники пытаются, конечно, всѣми способами дезорганизовать новый строй производства, взорвать его, такъ сказать, изнутри. Пролетаріату придется пустить въ ходъ всѣ средства принужденія, необходимыя для того, чтобы быстро и рѣшительно покончить съ конвульсіями умирающаго строя. Господство пролетаріата въ періодъ незакончившейся еще революціи не можетъ не приять формы *политической диктатуры*. Это не значитъ, конечно, что партія пролетаріата ограничится простымъ захватомъ органовъ государственной власти въ томъ видѣ, какъ они сложились въ старомъ строѣ. Нѣтъ, немедленная и самая радикальная демократизація будетъ необходима, необходима именно для успѣха пролетарской диктатуры.

Наконецъ, и сами положительныя задачи соціалистического общества потребуютъ на первыхъ порахъ сохраненія авторитарныхъ отношеній. Промышленный пролетаріатъ, вырабатывающій уже въ теперешней борьбѣ съ капитализмомъ формы организаціи, необходимыя для товарищеского управлениія производствомъ, въ большинствѣ странъ составляетъ менѣе половины населенія. По всей вѣроятности, и въ моментъ соціалистической революціи онъ далеко не вездѣ будетъ включать въ свои ряды абсолютное большинство націи. Во всякомъ случаѣ промежуточные мелкобуржуазные элементы, совершенно не приспособлены къ дружной товарищеской организаціи, будутъ представлять очень значительную массу. Эта масса и послѣ пріобщенія ея къ соціалистической организаціи производства, не можетъ не нуждаться въ теченіе извѣстнаго времени въ авторитарномъ руководствѣ. Да и промышленные рабочіе, выросшіе въ капиталистическомъ обществѣ, не сразу сумѣютъ обойтись безъ авторитарныхъ указаній; и они — просто вслѣдствіе не-

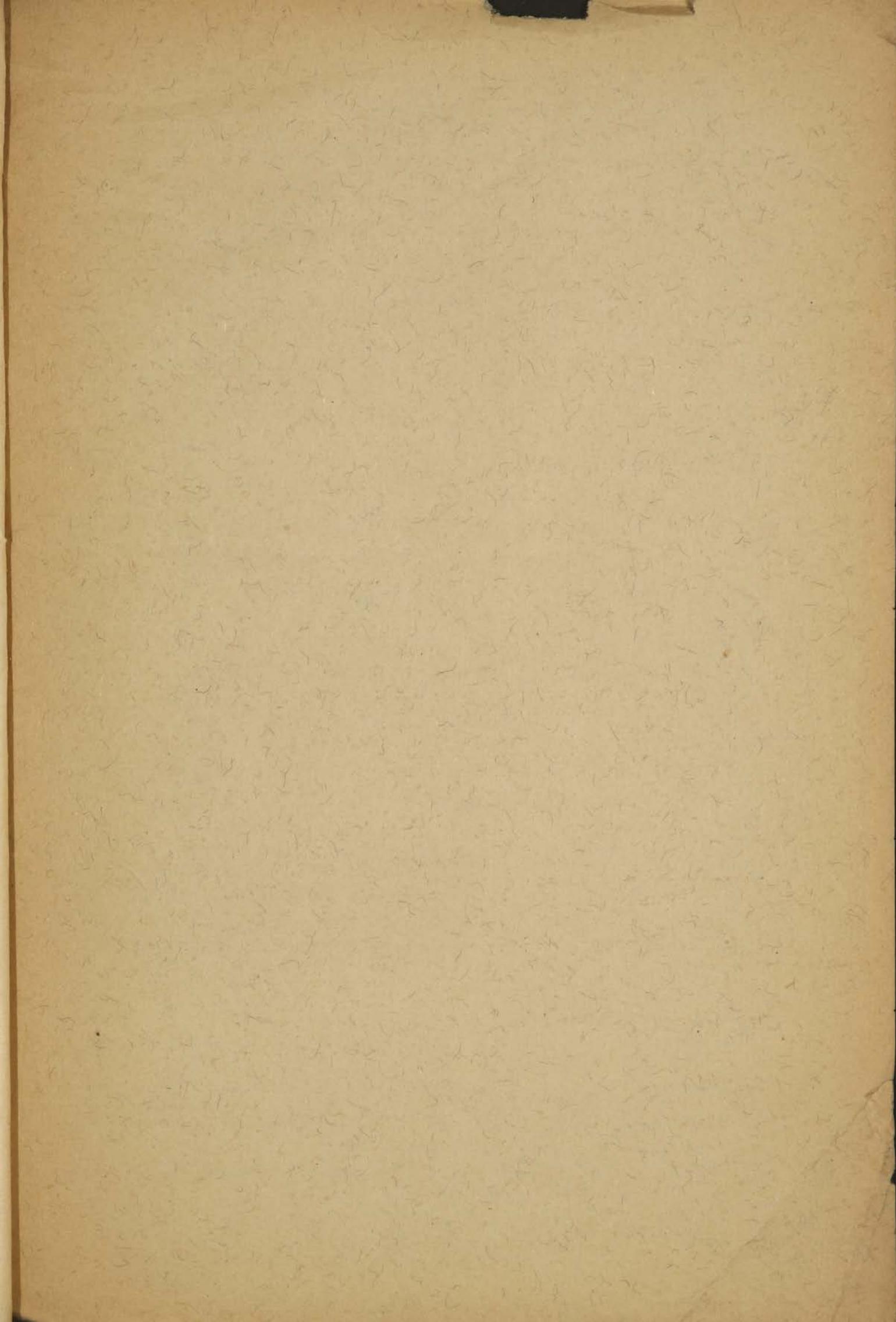
достаточной образовательной подготовки—въ отдельныхъ случаяхъ вынуждены будуть вѣрить на слово руководителямъ.

Бояться, что эти авторитарныя отношенія могутъ упрочиться и закрѣпиться, отдавъ снова міръ въ руки «насильниковъ», нѣть рѣшительно никакого основанія. Въ соціалистическомъ обществѣ исчезаетъ *объективная почва* для развитія авторитарного духа и никакимъ ухищреніямъ зловредныхъ «якобинцевъ» не удастся спасти престижъ власти.—Въ самомъ дѣлѣ, укрѣпленіе авторитарныхъ формъ, развитіе *бюрократического* управленія означаетъ торжество рутины, застойность разъ сложившихся формъ хозяйственной дѣятельности. Эта послѣдняя въ свою очередь кладетъ препоны развитію производительныхъ силъ труда. Между тѣмъ въ соціалистическомъ строѣ въ непрерывномъ повышениі производительности труда *каждаго* работника заинтересованы *всѣ* безъ различія члены общества. Соціалистическое общество самымъ кровнымъ образомъ заинтересовано въ томъ, чтобы «власть» не могла пустить прочныхъ корней ни въ одномъ изъ уголковъ и закоулковъ сложнаго общественного механизма. Возможно скорая реорганизація всѣхъ отраслей труда по типу чисто товарищескаго союза будетъ настоящей заботой всѣхъ и каждого. Притязанія властныхъ натуръ, встрѣчающія такую благодарную почву въ обстановкѣ современной соціальной борьбы, станутъ возбуждать все болѣе и болѣе ироническое недоумѣніе по мѣрѣ укрѣпленія соціалистического хозяйства. И когда исчезнутъ послѣдніе пережитки капиталистического строя, когда въ атмосферѣ соціализма вырастутъ новыя поколѣнія, «вкусъ къ власти» будетъ представляться такимъ же патологическимъ явлениемъ, какимъ представляется намъ вкусъ нашихъ предковъ къ человѣческому мясу.

Закончимъ словами Энгельса: «Первый актъ, въ которомъ государство выступаетъ дѣйствительнымъ представителемъ всего общества— захватъ государствомъ средствъ производства отъ имени всего общества— есть вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдній самостоятельный актъ государства, какъ такового. Вмѣшательство государственной власти въ общественные отношенія становится излишнимъ въ одной области за другой и такимъ образомъ постепенно сама собой прекращается. На мѣсто командованія лицами становится завѣдываніе вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отмѣняется», оно *отмираетъ*».

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
ГЛАВА	3
» I. Вместо предисловия	3
» II. Доктрина анархистовъ-коммунистовъ	8
» III. Программа и тактика анархистовъ-коммунистовъ.	28
» IV. Какъ надо дѣлать революцію?	38
» V. Истинно-русскій анархизмъ.	46
» VI. «Индуктивная наука» анархистовъ и «метафизика» соціальдемократовъ	56
» VII. Типы развитія производительныхъ силъ, харак- теризующіе натуральное, товарное и соціали- стическое хозяйства	79
» VIII. Техническія и отрицательныя общественные пред- посылки соціализма.	95
» IX. Положительные общественные предпосылки со- ціализма.—Формы рабочаго движенія	120
» X. Соціализмъ и власть	160

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на
РАБОЧУЮ БИБЛИОТЕКУ

25 ВЫПУСКОВЪ, БОЛЬЕ 2500 СТР.

• • •
въ нее войдутъ:

С. Федоровичъ.
І. Гольденбергъ.
Ю. Стекловъ.
А. К. Ерманскій.
С. Боркгаймъ.
Г. Линдовъ.
Г. Гайндманъ.

Его же.
Г. Девилль.

Его же.

К. Каутскій.
Его же.
Э. Ферри.
Родословная соціализма.
Поль Луи.

Его же.
Его же.
В. Базаровъ.
П. Аксельродъ.
В. Блосъ.

Соціальные новеллы.

Первый выпускъ выйдетъ въ декабрѣ 1906 г. Всѣ 25 выпуск. выйдутъ до 1 юля 1907 г.

Цѣна по подпискѣ 4 р. съ пересылкой, въ Спб. безъ доставки 3 р. 50 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ 1 руб., 1 января 2 рубля и 1 марта 1 руб.

Подписка принимается при книгоиздательствѣ „МОЛОТЪ“.

С.-Петербургъ, Екатерининский каналъ, 37

и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

